

Экономическая история

научный журнал

№ 1 (16), 2012

Издается с июня 2000 года. Выходит 4 раза в год

Подписной индекс в каталоге «ПРЕССА РОССИИ» 43075

Соучредители:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва»;

ООО «ИнСтИтут» (Издательский центр Историко-социологического института Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева)

Экспертный совет:
Научный совет РАН по проблемам российской и мировой экономической истории;
Научно-образовательный центр «Экономическая история Центральной России и Среднего Поволжья» Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева;
Центр экономической истории Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство ПИ № ФС77-48742 от 28 февраля 2012 г.

Точка зрения редакции может не совпадать с мнением авторов статей

При перепечатке ссылка на журнал «Экономическая история» обязательна

Журнал включен в базу НЭБ eLIBRARY.RU и проект РИНЦ (сублицензионный договор № 143-07 / 2010 от 19.07.2010 г.).
Материалы журнала размещены по адресам: http://elibrary.ru/title_about.asp?id=31003; http://elibrary.ru/title_about.asp?id=32291

Компьютерная верстка и художественное оформление Г. Н. Давыдовой
Редактор Е. В. Савойская

Адрес редакции:
430005, г. Саранск,
ул. Пролетарская, 63, оф. 403,
Историко-социологический институт
Тел.: (8342) 24-25-90, 29-08-37
Факс: (8342) 24-25-90
e-mail: jurnal-gumanitary@yandex.ru
Тираж 300 экз. (1-й завод 100 экз.) Заказ №

Отпечатано в ГУП РМ
«Республиканская типография
“Красный Октябрь”»

430000, Мордовия, г. Саранск, ул. Советская, 55а
E-mail: book@moris.ru

Редакционная коллегия

- В. А. Виноградов** — академик РАН,
главный редактор
- Н. М. Арсентьев** — член-корреспондент РАН,
Историко-социологический институт
Мордовского государственного
университета им. Н. П. Огарева,
заместитель главного редактора
- Л. И. Бородин** — доктор исторических наук,
профессор, исторический факультет
Московского государственного
университета им. М. В. Ломоносова,
заместитель главного редактора
- О. И. Марискин** — доктор исторических наук,
профессор, Историко-социологический
институт Мордовского государственного
университета им. Н. П. Огарева,
ответственный за выпуск
- Г. Н. Давыдова** — старший преподаватель,
Историко-социологический институт
Мордовского государственного
университета им. Н. П. Огарева,
ответственный секретарь
- С. А. Саломатина** — кандидат исторических
наук, исторический факультет
Московского государственного
университета им. М. В. Ломоносова
- А. П. Корелин** — доктор исторических наук,
Институт российской истории РАН
- П. В. Лизунов** — доктор исторических наук,
Северодвинский филиал Поморского
государственного университета
им. М. В. Ломоносова

Редакционный совет

- Б. В. Ананьич** — академик РАН
В. В. Алексеев — академик РАН, директор Института истории и археологии УрО РАН
- С. П. Карпов** — академик РАН, декан исторического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова
- А. Н. Сахаров** — член-корреспондент РАН
В. М. Арсентьев — доктор исторических наук, Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева
- Д. Баржо** — профессор, Университет Париж IV, Франция
М. В. Бибииков — доктор исторических наук, Институт всеобщей истории РАН
Ю. П. Бокарев — доктор исторических наук, Институт российской истории РАН
С. М. Вдовин — ректор Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева
- Ю. Ф. Воробьев** — доктор экономических наук, Институт экономики РАН
Й. Батен — профессор, генеральный секретарь ассоциации экономической истории, Тюбингенский университет, Германия
- В. И. Гришин** — доктор экономических наук, ректор Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова
- Е. В. Демчик** — доктор исторических наук, декан исторического факультета Алтайского государственного университета, г. Барнаул
- В. В. Запарий** — доктор исторических наук, Уральский государственный технический университет/Институт истории, археологии и этнографии УрО РАН
- В. В. Керов** — доктор исторических наук, Российский университет дружбы народов
- В. И. Кузищин** — доктор исторических наук, Исторический факультет Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова
- К. Леонард** — профессор, Оксфордский университет, Великобритания
А. А. Макушев — доктор исторических наук, профессор, Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева
- В. А. Мау** — доктор экономических наук, ректор Академии народного хозяйства при Правительстве Российской Федерации
- Ю. А. Петров** — доктор исторических наук, директор Института российской истории РАН
- И. В. Поткина** — доктор исторических наук, Институт российской истории РАН
- Н. А. Проскурякова** — доктор исторических наук, Московский государственный педагогический университет
- А. С. Сенявский** — доктор исторических наук, Институт российской истории РАН
Б. М. Шпотов — доктор исторических наук, Институт всеобщей истории РАН
Р. Хьерппе — профессор, почетный президент Международной ассоциации экономической истории, Финляндия

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел 1. СРАВНИТЕЛЬНЫЙ ОПЫТ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

6

Райно Хьерппе **ИЗБАВЛЕНИЕ ОТ РЕСУРСНОГО** **ПРОКЛЯТИЯ: развитие прав** **собственности в Финляндии**

Данная статья посвящена изучению проблемы преодоления Финляндией так называемого «проклятия» бедных ресурсов. Здесь имеется в виду лес как природный ресурс. Автор обосновывает позицию о том, что главная причина ресурсного проклятия заключается в неопределенности или узости прав собственности на ресурсы. В последнем случае прибыль от использования ресурсов идет небольшому кругу лиц. Эта группа лиц может состоять как из граждан Финляндии, так и из иностранцев, частных лиц или компаний. С другой стороны, слишком общие или нечетко определенные права собственности обычно ведут к более масштабным проблемам, таким как обезлесение или истощение лесных ресурсов. Все эти проблемы усугубляются институциональными недостатками, такими как слабое государственное регулирование или коррупция.

Согласно финскому опыту расширение прав собственности на лесные ресурсы способствует притоку доходов от использования ресурсов в бюджет государства. Дополнительные денежные вливания способствуют экономическому росту. Расширение прав собственности также усиливает механизмы демократических форм правления. Также следует отметить, что при этом экономика расширяет прямые и обратные связи с добывающей и перерабатывающей промышленностью. Кроме того, государство может через налоги на природные ресурсы и различные сборы от их использования способствовать увеличению инвестиций в развитие различных социальных сфер.

В данной статье автор акцентирует внимание на развитии прав собственности на ресурсы в Финляндии. Этот процесс занимал достаточно продолжительный период, длящийся несколько столетий. Ключевой вопрос заключался в том, как мелкая частная собственность на лесные ресурсы в Финляндии стала занимать место общественной или государственной собственности. Безусловно, в других странах процессы развития прав на лесные ресурсы имели свои особенности, причины и последствия, обусловленные в том числе и особенностями исторического развития конкретного общества.

Reino Hjerppe **AN ESCAPE FROM A RESOURCE** **CURSE: the Development of Property** **Rights in Finland**

This paper explores the question how Finland was able to escape the resource curse. The resource in this case is forests. We argue that the basic reason for the resource curse in forests lies in the ill-defined or narrow property rights. In the case of narrow ownership of the resource, benefits flow only to a narrow circle of people – an enclave. This enclave may consist of domestic or foreign owners, private persons or companies. On the other hand common or ill-defined ownership rights usually lead to problems of commons, like deforestation or resource depletion. These are aggravated by institutional weaknesses, like weak state regulation or corruption.

According to the Finnish experience, wide ownership of the resource spreads incomes from the resource in the society. Benefits flow to a larger segment in the society, strengthening the total demand and creating favourable conditions for economic growth. Wide ownership also creates better chances for democratic and non-corrupt decision making. It is also important that the economy has the ability to develop backward and forward economic linkages to the resource industry. State policy can also help, for example, by using a resource tax or collecting royalty payments and using these revenues for purposes which benefit the whole society.

In this paper I concentrate especially to the question how the property rights of the resource have been developed in Finland. Formation of property rights has taken a long time. In fact, they can be seen as a result of a process lasting centuries. A major question in this context is how a small-scale private ownership of forests has developed in Finland instead of plantation, common or state ownership. In different parts of the world there are major differences in forest ownership and there are obviously different historical reasons behind this.

В. А. Ильиных
НЭП: поиск оптимальной модели реформирования аграрного строя

В статье выявляются объективные предпосылки обострения в СССР во второй половине 1920-х гг. аграрного вопроса. Рассматриваются выдвинутые в условиях нэпа базовые альтернативные концепции реформирования сельского хозяйства: либеральная, неонародническая и марксистская. В предметную область также входит ретроспективный анализ двух проектов аграрного освоения Сибири: Перспективного плана развития сельского хозяйства Сибирского края 1926 г. и Генерального плана развития народного хозяйства 1930 г.

V. A. Ilyinyh
NEP: The Research of the Optimal Model of Agricultural Formation Reforming

In the article the objective premises of intensifications the agricultural question in the USSR in the second of XX century are investigated. The author considers the presupposed in the conditions of NEP the alternative conceptions of reforming of agriculture: liberal, neopublic and Marxist. In the subjective sphere the retrospective analysis of two projects of agricultural development of Sibir are also included: the Perspective plan of agricultural development of Siberian region 1926 and the General plan of development of people facilities 1930.

Раздел 2. МОДЕРНИЗАЦИОННЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ

А. С. Тургаев
К ВОПРОСУ О СОСТАВЕ НАСЕЛЕНИЯ НА ГРАНИЦАХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В XVIII – НАЧАЛЕ XIX века

В статье рассматриваются вопросы заселения приграничных территорий России в XVIII – начале XIX в., в частности за счет отставных солдат, поселенных на границах империи в послепетровское время и именованных законодательством той поры пахотными солдатами.

A. S. Turgaev
TO THE QUESTION OF POPULATION COMPOSITION ON THE BORDERS OF THE RUSSIAN EMPIRE IN XVIII – IN THE BEGINNING OF XIX CENTURIES

In the article the questions of settlement in the border regions of Russia in XVIII – in the beginning of XIX centuries are investigated, in particular – with help of the retired soldiers, settled on the borders of empire in post Peter I period and called in the law of that epoch as “arable soldiers”.

А. А. Хамицаева
ОСЕТИЯ И РОССИЯ: особенности процесса интеграции в конце XVIII – первой половине XIX века

В статье рассматривается сложный процесс трансформации традиционных структур власти осетин под воздействием российской административной системы.

A. A. Khamitsaeva
OSSETIA AND RUSSIA: the Specifics of the Integration Process in the End of XVIII – at the First Half of XIX Centuries

In the article the complex process of transformation of traditional structures of Ossetian authority under the influence of Russian administrative system is investigated.

С. В. Першин
СОСТОЯНИЕ ЦЕХОВОГО РЕМЕСЛА 2. КАЗАНИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX века

В статье анализируется процесс трансформации структуры ремесленной организации г. Казани в первой половине XIX в., выявляются факторы, определившие характер и направленность этих изменений; исследуются финансовые основы цехов, взаимодействие местной власти и ремесленного общества.

S. V. Pershin
THE STATE OF CRAFT-GUILD IN CITY KAZAN IN FIRST HALF OF XIX CENTURY

The article analyzes the process of transforming the structure of craft organization in Kazan in the first half of XIX century, identifies the factors that determined the nature and direction of these changes, the financial foundations of guilds and the interaction of local authorities and crafts community are studied.

Д. М. Пюрияйнен
МОДЕРНИЗАЦИЯ БЛАГОУСТРОЙСТВА УЕЗДНОГО ГОРОДА КАК ФАКТОР УРБАНИЗАЦИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX века (на примере г. Саранула Вятской губернии)

В статье анализируется изменение городского благоустройства под влиянием урбанизационных процессов, рассматривается переход от традиционного к индустриальному обустройству города.

D. M. Pyuriaynen
MODERNIZATION OF IMPROVEMENT DISTRICT CITY URBANIZATION AS A FACTOR IN THE SECOND HALF OF XIX – EARLY XX Century (Illustrated Sarapul Vyatka Province)

The article analyzes the changes in urban development under the influence of urbanization processes consider the transition from a traditional to an industrial arrangement of the city.

Раздел 3. СЕЛЬСКОЕ СООБЩЕСТВО В ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ

58

Н. П. Никитина
ИЗМЕНЕНИЯ В СОЗНАНИИ
КРЕСТЬЯН-ОБЩИННИКОВ В УСЛОВИЯХ
ТРАНСФОРМАЦИИ СЕЛЬСКОГО
САМОУПРАВЛЕНИЯ В РОССИИ
В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД (на примере
губерний Северо-Запада России)

Статья анализирует процессы изменения крестьянского менталитета в условиях перехода от традиционного общества к промышленному развитию, рассматривает процесс взаимодействия между коллективистскими и индивидуальными тенденциями в пределах крестьянина мира.

64

Е. С. Кравцова
РОЛЬ СЕЛЬСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ
В ФИСКАЛЬНОЙ СФЕРЕ В РОССИИ
НА РУБЕЖЕ XIX–XX СТОЛЕТИЙ

В статье рассматриваются фискальные функции сельских сходов в Российской империи на рубеже XIX–XX столетий. Дается характеристика понятия «сельский сход», анализируются основные направления деятельности сельского самоуправления, особенности принятия решений по важнейшим вопросам «крестьянского мира», способы борьбы с недоимками среди сельских обывателей.

71

Н. П. Лигенко
НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ Г. Е. ВЕРЕЩАГИНА
И ПУТИ РАЗВИТИЯ
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
УДМУРТСКОЙ ДЕРЕВНИ.
КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX века

В статье анализируется работа Г. Е. Верещагина «Общинное землевладение...» как емкий, достоверный, репрезентативный источник, отражающий процессы социального расслоения удмуртского крестьянства, развитие товарно-денежных отношений, истоки предпринимательской деятельности, особенности менталитета.

80

УСЛОВИЯ И ПОРЯДОК ПРИЕМА РУКОПИСЕЙ

N. P. Nikitina
CHANGES IN THE CONSCIOUSNESS OF THE
PEASANTS OF COMMUNITY MEMBERS IN THE
CONDITIONS OF TRANSFORMATION OF THE
RURAL SELF-GOVERNMENT IN RUSSIA IN
THE POST-REFORM PERIOD (on the Example of
the Provinces of the North-West of Russia)

The article analyses the processes of change of a peasant mentality in the conditions of transition from a traditional society to industrial development, considers the process of interaction between the collectivist and individual tendencies within the peasant of the world.

E. S. Kravzova
SIGNIFICANCE OF RURAL GATHERINGS
IN THE SPHERE OF TAXES COLLECTION
ON THE BORDER OF XIX–XX CENTURIES

In the article under consideration are the fiscal function of rural gathering in Russian empire in the border of XIX–XX. His siren a characteristic of the notion “rural gathering”, analyzed the main tendency in the activity of rural self-government and peculiarities in solving important questions of “peasant peace” as well as ways of bighting with arrears among rural inhabitants.

N. P. Ligenko
SCIENTIFIC HERITAGE
OF G. E. VERESCHAGIN AND THE WAYS
OF BUSINESSACTIVITY DEVELOPMENT
IN UDMURT VILLAGE. THE END OF XIX –
THE BEGINNING OF XX CENTURIES

G. E. Vereschagin’s work “Community landownership...” is a reliable, rich meaningful, accurate source, showing social stratification of udmurt peasantry processes, growing level of capitalistic and ware-money relations, the sources of business activity and mentality.

Раздел 1

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ ОПЫТ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

УДК 94(480)
ББК ТЗ(4Фин)

Reino Hjerpe

AN ESCAPE FROM A RESOURCE CURSE: The Development of Property Rights in Finland

Key words: resource curse, forests ownership, property rights, economic and industrial linkages.

Райно Хьерпе

ИЗБАВЛЕНИЕ ОТ РЕСУРСНОГО ПРОКЛЯТИЯ: развитие прав собственности в Финляндии

Ключевые слова: ресурсное проклятие, лесные ресурсы, право собственности, экономические и промышленные связи.

Introduction

The relationship between natural resources and economic growth has been widely discussed in economics and economic history. It has been found that resource rich economies have at least sometimes grown less than resource poor economies. (Richard M. Auty (1993, 2001) and Thorvaldur Gylfason (2001)). This phenomenon has been called a resource curse.

Most of the literature of resource curse deals with minerals, oil or natural gas. Less attention has been paid to forests. However, forests are also a natural resource and we can see that many countries with abundant forest resources belong to the less developed world. Accordingly, we can study forest rich economies also in the light of the resource curse hypothesis. Deforestation is a common phenomenon in tropics today and it is a prime example connected to the natural resource curse in forests. Ill-defined or unclear property rights lead also easily to conflicts in the use of forests.

Nordic countries (Sweden, Norway and Finland) can be seen as natural resource rich economies. Two thirds of land of Finland is covered with forests. In Finland forests are even a relatively more important resource than in Sweden which has also considerable mineral

resources, and Norway which has nowadays abundant oil reserves.

In the 1860s Finland's Gross Domestic Product per capita was about 60 per cent below the western European average. However, over the last 150 years her growth has been 2.9% per year and GDP per capita 2.1% per year, one of the fastest in the world. On the basis of these figures it appears that the resource curse was avoided in Finland. The experience of the other Nordic countries is not much different.

We can of course interpret the Finnish growth experience according to the neoclassical growth models. The acquisition of knowledge was obviously a necessary condition for development. This was connected to high capital formation with technological progress. My main argument is, however, that a crucial institutional historical factor, which initially led the country to a path which avoided the resource curse, was the long-term development of ownership structure of land and forests. The ownership was spread widely amongst the independent and relatively small farmers. This was confirmed in the so called Great Land Reform which started in 1757 and was practically completed around 1900. There was never serfdom or high concentration of land ownership, which is typical for many plantation

economies. With rising exports of forest products and rising productivity in agriculture in the 19th century, household incomes started to rise and support further industrialisation and production of consumer goods.

In our earlier paper we (Hjerpe and Hjerpe, 2010) concentrated very much on the long term growth and structural change in the Finnish economy. The focus in this paper is more on the question how the ownership rights to land were developed in the long term in Finland. Our argument accords very much with the original work of Douglass North and Robert Paul Thomas on the role of property rights in the rise of western world (North and Thomas, 1973) and also with North's later emphasis on the importance of institutions (North, 1990).

Especially interesting is the question how Finland took a path towards small-scale private ownership of forests. This is interesting because private ownership of forests is less common in the world of today than common or state ownership. Finland's experience differs e.g. very much from the development in tropics and tropical forests as recently demonstrated in a thorough study by Matti Palo and Erkki Lehto (2012). About 90 % of the tropical forests are in public ownership (Palo and Lehto, 2012).

At the beginning of the paper I review some of the key aspects of the resource curse literature. Then the long-term development path of Finnish land ownership is described. I also will try to explain why the realized path was chosen. The heritage of legalistic governance from the medieval Sweden has also to be mentioned in this connection. At the end – before concluding – main features of the development backward and forward linkages from forestry to other sectors of the economy are briefly considered.

Explanations for failure of resource rich economies

Resource curse

The idea that natural resources might be more an economic curse than a blessing began to emerge in the 1980s. The thesis of resource curse was first used by Richard Auty (1993) to describe how countries rich in natural resources were unable to use that wealth to boost their

economies and how, counter-intuitively, these countries had lower economic growth than countries with less abundant natural resources. For example Auty shows that from 1960 to 1990 Gross National Product per capita annual growth was 0.8% in small hard mineral exporting countries and 1.7% oil-exporting countries, while the growth in resource poor large countries was 3.5% and in small resource poor countries 2.5%. In all countries the per capita growth was 1.6%. According to Auty the fact that resource-deficient countries have outperformed the resource-rich ones appears to be a robust finding. Sachs and Warner (1995) reach similar conclusions.

According to Thorvaldur Gylfason reasons for failure in resource rich economies are due to four factors: the Dutch disease, rent seeking, overconfidence and neglect of education (Gylfason, 2001). Here rent seeking means that producers of the natural resource seek and get favourable treatment from the government in the form of tariffs, subsidies or other privileges.

Auty also argues that it appears that it is less the production function of tropical staples or resources and more the socio-political system and type of the government, which determines the level of primary product exports. Harmful government policies include various interventions to control trade, prices and capital allocation. Oligarchies may have a powerful position in politics and corruption may increase the misallocation of resources. Since political states may in principle be benevolent or predatory dictatorships, democratic or oligopolistic/oligarchic, an important question is, how different states end up into these situations and how different forms of governance affect the performance of the national economy. Bad institutions and policies are now a widely held explanation for poor performance.

The Dutch disease

The concept of the Dutch disease has close connection to the resource curse literature. The concept is used to explain the apparent relationship between the increase in exploitation of natural resources and a decline in the manufacturing industry. According to

this hypothesis, an increase in revenues from natural resources will make a nation's currency stronger compared to that of other nations. This leads to the rise of the exchange rate. This will make the nation's other exports more expensive and, accordingly, leads the economy too much concentrated to the exports of the basic resource and to an internationally less competitive manufacturing industry.

The term was coined in 1977 by The Economist to describe the decline of manufacturing industry in the Netherlands after the discovery of a large natural gas field in 1959. A thorough analysis of Dutch disease can be found e. g. in Corden and Neary (1982) and Corden (1984). Gylfason (2001) presents evidence that the Dutch disease is connected with the natural resource curse.

However, it is not uniquely evident that natural resource exploitation is the primary or sole cause of overvalued currency. There may be other reasons for overvaluation. Domestic inflation obviously is one reason. Any development that results in a large inflow of foreign currency, like large inflow of foreign assistance to a developing country and/or a large inflow of foreign direct investment into a country may be behind the overvaluation. According to Raul Prebisch (1964) terms of trade of primary products deteriorates with respect to manufactured goods, the reason being low elasticity of demand and increasing use of synthetic materials to substitute for primary goods. Another argument has been fluctuations in the prices of primary goods. Australia is one example of a country where these kinds of fluctuations happen.

Conditions for the successful development of the resource rich economy

Theory of economic linkages

Albert Hirschman (1958) argues that resource industries have weak linkages to other industries. Resource industries may form an enclave, producing high incomes to resource owners (either foreign or domestic) but have a small multiplier effect on the rest of the economy. Income distribution tends to be quite skew. This is a case also when agriculture mainly consists

of large plantations (Baldwin, 1956). Palo and Lehto refer to the work by Jack Westoby (1962) concerning forestry and using the Hirschmannian theory of economic linkages. According to Westoby forest industries have higher than average forward and backward employment and income linkages into other sectors.

Dieter Senghaas (1985) describes reasons why some small resource rich countries have been able to avoid becoming peripheries in global development while some other countries have not. Senghaas uses examples of successful countries Australia, Canada, New Zealand, the Netherlands, Denmark, Finland, Sweden and Norway. Unsuccessful examples are for example Uruguay, Ireland and some Eastern European countries.

Senghaas's theory is in accordance with Hirschman's theory of development, where both backward and forward linkages from natural resources are important. Senghaas adds to these the necessity to raise the productivity in agriculture and socio-political explanations. For him initial conditions in these have been important in explaining what kind of a development path the economy takes.

The weakness in the theory of economic linkages is that it may neglect the institutional basic structure of the economy. Linkages are important, but they become operational only if institutional preconditions are right. Senghaas emphasises the crucial role of export demand for Nordic countries including Finland, but he also makes explicit reference to the need of appropriate institutional conditions.

The Finnish model

On the basis on literature I can sketch a model for successful development for a resource dependent economy. In a small forest rich economy like Finland, there is not enough demand for the resource on the domestic market. Accordingly, the first condition for the development is exports based on the natural resource. At early stages of history forests supplied animals for furs, boards for ships and tar. In the first stages of industrialisation forests provided exports of little processed timber. For exports transport infrastructure is needed.

Lack of infrastructure can prevent even rich resources to be exported. Usually central or local public investments are involved to build the infrastructure. In addition other supporting measures of government often play a role here.

A country can benefit further from a natural resource basically in two ways. First, it can start to process further the natural resource in order to increase its value added. Processing needs both knowledge and processing equipment. At the beginning machines for processing usually have to be imported. However, an exporting country can start to acquire both the knowledge and can start to build the equipment itself. This will substitute machinery imports. Important linkages are built towards the investment goods producing industries.

On the other hand, exporting country can start to develop new products from the natural resource. In the case of wood, this would mean for example a move from sawn timber to plane boards, plywood, bobbins, matches or pulp and paper. This is what actually happened in Finland at the end of the 19th and the early 20th century. This path has been called a development of forward linkages.

Private ownership of forest – often on small size plots – started to spread export incomes widely to the society. Rising incomes led to the development of consumption goods industries. Consequently, building of the backward and forward linkages went hand in hand. These new stages of development expanded industrial and other production; they created more value added thus creating rising factor incomes. Capital incomes or profits were used for saving and investment purposes, whereas most of the labour income was normally consumed. But in both ways the use of increased income expanded markets both for investment and consumption goods.

Starting from sawn timber and basic pulp production in the 19th century Finland has gradually specialised to an exporter of high quality papers having currently a share of 10 to 17 percent in world exports. Also a complete cluster of forest industry has been created around sawn goods and paper making: it

includes production of machinery for harvesting and transporting trees and automated sawmills, production of chemical products as well as pulp and paper machines, where Finnish exporters also have a high share in the world. The logistics of exports have also offered ways to specialise, the most recent being the machinery for the handling of cargoes in the harbours.

Accordingly we may be interested how the country ended up to this situation in the 19th century when the industrialisation of forest products started. To this question I will turn next.

The historical development of land ownership in Finland

Traces of human settlements have been found in Finland already around 8500 BC, in spite of the fact that part of the country was still under the ice (Huurte, 2003). Hunting and gathering population moved to the area. Population remained probably quite small and the first settlers might have been pushed to the north by expanding agricultural population in the Western Europe (this kind of process is explained in North and Thomas (1973)).

There are traces of agriculture since 2000 BC and some speculation whether agriculture started already around 4000 BC when the climate was clearly warmer than today.

Early exports were based on furs. Furs were of good quality in Finland. It has been recognised that only Canadians and Russians could compete with Finnish furs in quality. The reason for this was cold winter. In Finland hunting was organised by individual farmers and peasants. It has been argued that this was a unique tradition perhaps in the whole world (Palo and Lehto, 2012, p 62). In Canada – where the big hunting boom occurred as late as during the eighteenth and nineteenth centuries–hunting was organised by business companies like Hudson Bay Company. The aboriginal Indians were the main suppliers of furs.

For hunting the land in Finland remained primarily as commons, but the firstcomer could also make a capture. On this basis the trap path was considered private property. In a similar way, whoever first came to certain fishing grounds had the privilege of fishing there.

Hunting of big animals (like bear) and some fishing were also organised by a larger group of people, so people had to learn to work together and develop commonly accepted rules for this. These rules concerned both the organisation of the teamwork and distribution of the catch. These nonwritten rules, which were regionally different, formed the basis for later common law.

During the 12th century Finland became a part of Sweden. While in most countries in Europe and in Sweden proper the king and the nobles had many privileges in hunting, such orders did not prevail in Finland. Individual hunters and peasants remained holders of hunting rights. Some formal restrictions for hunting were later raised but in practice hunting remained more or less free (Palo and Lehto, 2012, p. 65). Swedish kings, however, started written and unified lawmaking.

During the 16th century because of the expansion of international maritime transportation the building of ships and vessels started to become more important even in Finland. But especially important for Finland was production of tar from wood. Tar was used for ships. It was exported to the Western and even Southern Europe and Finland actually became one of the most important suppliers of tar during the seventeenth and eighteenth centuries. Tar was produced both on private lands but also on common forests.

Agriculture was initially largely based on slash and burn technique, which is one form of shifting cultivation. Slash and burn was important still through the 19th century and prevailed to some extent even to the 20th century. Permanent cultivation was also practiced already in the early Middle Ages, but it is not exactly known, what its relative significance was compared to shifting cultivation.

An early way to acquire agricultural land was also based on seizure or reclamation of land for cultivation (capture). This was possible because there was plenty of unoccupied land available. When population increased, individual peasants formed villages. The land for cultivation in the village was divided into small strips and pieces of land, which were distributed to

different peasants in order to achieve equitable distribution of different types of land for each farmer. It has been estimated that at the end of Middle Ages 95 % of all farms in Finland were owned by independent farmers and peasants. (Palo and Lehto, 2012).

As to the ownership rights of land, the first were based on oral tradition before the written laws. Regional rules of ownership were developed, based on convention. The conflicts of land and forest uses were solved at provincial gatherings, called provincial tings. In 1347 Swedish King Magnus Eriksson introduced first written rules concerning common forests in villages and illegal uses of forests. In 1442 King Kristopher started the ownership of state forests, legislated on control of hunting and protection of forests products. But important change happened only in the year 1542 when the Swedish King Gustavo Vasa announced that all the land outside villages – the so called wilderness – belonged to the state. This was the start of the formal state ownership of land in Finland. The law was strengthened in 1683 by King Karl XI by specifying that the state had full property rights to forests that could not be proved to belong to anybody else.

According to historians the Finnish situation during the Middle Ages, that majority of cultivated land was private property, was quite exceptional in Europe and even compared to the other Nordic countries.

Over the next two hundred years the share of independent farmers declined, when the nobles achieved more political and economic power. This was due to numerous wars carried out by the Swedish kings. The king established manors on state lands or sometimes to lands taken from peasants—in the case they were not able to pay taxes—mainly in order to provide supplies and men to the army. Manors which provided a man and a horse to the army gained freedom from taxation. They were called *rälssi*, and formed a basis of nobility. Some feudalistic features appeared in the eighteenth century, following the pattern of European feudalism. Peasants had to work on these manors – this was in fact a labour tax. Manors also had some service personnel.

The number of manors in the whole country remained, however, limited, and nobility's share of land ownership was only few percentages. Accordingly, in spite of these developments, independent farmers remained more important in Finland than in Europe in general. Finland never adopted a really extensive feudal system.

From 16th to 18th centuries many farms also fell into state ownership because of neglected land tax payments. This, in fact, did not mean significant changes in the position of most farmers, not even many of those who neglected the tax payments. The statute of Act of Unification and Security (*Forenings-och sakerhetsakten*) of 1792 of King Gustavo III of Sweden guaranteed the farmers freedom from evictions from the farms, which had fallen into government ownership, and also a possibility to buy the lands back to their ownership.

A key legal act concerning the development of property rights to land was the Great Land Reform. It started in 1757 and was practically completed in 1900. Then practically every piece of land in Finland had an owner. The ownership rights are recorded in a central land register, which nowadays is fully computerized and contains all important information concerning property rights to land. Similar registers exist in all Nordic countries. A major feature of this reform was the establishment of clear borders between private and state ownership of land. In private land an important aspect of the Great Land Reform was also the creation of unified fields for farmers. Earlier private farmland was split in small separate fields which from the productivity point of view was inefficient. Unified fields facilitated improvement of productivity in agriculture.

Finland was a part of Sweden since the 12th century. When Finland became an autonomous Grand Duchy of the Russian empire in 1809 the legal system remained on the earlier Swedish foundation. During the autonomic period 1809–1917 under the tsar Finland was able to develop her own legislation. Russian legislation was actually never adopted. Commercial law was from the 18th century, and in the second half of the 19th century liberalised

economic legislation was introduced. Respect of law and order remained high. This reflects a high level of social capital. These institutional features can also be seen as important preconditions for favourable economic development – an aspect emphasized by modern theories in economic history.

Problems of the commons

Because of sparse population common lands could provide sustainable subsistence for quite a long time. But in the course of time overuse of common lands created, however, even in the Finnish circumstances, serious problems. Many animals were hunted close to extinction. Examples in history are reindeer, sable, moose, bear, and wolf. Reindeer has now had a revival because it has become an important domestic animal. Moose has also experienced a strong revival during recent decades, and is still even nowadays quite an important hunting target. Extensive tar production threatened the forests on the western coast during the 18th and 19th centuries. The slash and burn agriculture became a serious threat to sustainable forestry during the 19th century. With strong legislation forests resources have now recovered and the growth of wood clearly exceeds its use today. Hunting is strictly regulated by timing and quantities. These revivals would not have been possible without strong central legislation and the Great Land Reform, which defined the property rights. Obviously, the rise of the value of timber, because of increased demand in the 19th century has had an effect, too.

These problems of commons can be compared to the situation in tropics today: Vast majority, probably 85–90 per cent of forests are commonly owned. What happened in Finland in the past in common land is now happening in tropics: people over utilize this common property for their survival. Common ownership, even in Finland, tended to lead to overhunting, overfishing and deforestation.

Why the peasant did prevailed independent?

Factors which made possible for Finland to proceed to a sustainable path were the following. First the population was small compared to the land area. For a long time common land could

be freely utilized for hunting, fishing, gathering, and tar production and slash and burn agriculture. For example in slash and burn agriculture the burnt fields could revive naturally in about 30 years. With abundant available land, this kind of slow circulation was possible: people could leave the burnt fields for long enough time for revival. In this way even the slash and burn cultivation could be sustainable.

But sparse – and relatively equal – population also helped to create private ownership rights. As was mentioned above even trap paths became to be considered as private properties according to the customs based on capture. By capture private ownership by small farmers and peasants became also a dominant form. The Swedish kings even encouraged the spread of inhabitation to the previously unoccupied lands. While kings also granted tax freedom for those big land owners who could provide a horseman to the army, the number of large manors and nobility practicing feudalism, remained, however, quite small.

The Great Land Reform confirmed the property rights of individual farmers. But it was also a key thing on a path to sustainable forestry. During the 18th century a belief, that private owners would be the best to take care of their forests, became dominant political view. In 1900 practically all land had found an owner, 50 % of land was private, 40 % belonged to the state and the remaining 10 % belonged to companies.

When in the 19th century exports of sawn timber started to grow fast, the newly established forest industry companies realised the future value of forests as raw material suppliers and started to buy them. Similar development had started somewhat earlier in Sweden where companies were prevented from buying forests with restricting legislation in the early 20th century. A similar restrictive law was decreed in Finland in 1915. This legislation has had a significant effect on the distribution of forest ownership. Only less than 10 percent are in the hands of companies.

In this context one has to consider also the fact that during the 18th and 19th century – partly as a result of population growth – a considerable landless population emerged in the countryside,

many of them becoming tenant farmers on the backwoods of the land-owning peasants. They paid their rents mainly by working for the owner. Even larger number of landless, however, became just farm labourers owning a small cottage but no agricultural land (called cottagers) or acted as independent servants and farm workers. This was due to restrictions to divide existing farms into smaller plots and idle land for new capture was coming to an end. The division restrictions were gradually abolished since the end of the 19th century. Tenant farmers were granted a right to buy the land they had cleared and farmed at relatively favourable terms. This led to a distribution of farm land in relatively small plots. Many of them were too small to support a family relying only on agricultural production and, accordingly, required outside incomes. Many of these small farmers had to work in forests as loggers.

One of the key features on a path to sustainable forestry was also the creation of the state central forest administration during the 19th century. It was formed to control the state forests, to separate state forests from the private forests and also introduced some control of private forestry. The establishment of this administration was not, however, obvious. Central state administration and control of state forests was politically strongly resisted. In a way there was an ideological “forest war” concerning the establishment of the state central state administration. When administration was finally established it remained still very weak in the middle of the century. It had to start from quite a narrow knowledge base. Much of the knowledge base for the administration came from foreign countries mainly from Germany but also to some extent from Russia. The first Finnish Forestry College was established only 1858. But for the future the most important thing was that in the administration was noncorrupt. There are plenty of examples of state administrations in the world today which fail in this (Palo and Lehto, 2012).

Development of economic linkages

When forests started to have increased selling value in the middle of the 19th century the advantages of the independent peasant ownership

became visible. The incomes from timber selling spread widely into the society and also contributed to raise productivity in agriculture.

Increasing export incomes were distributed widely into the economy both because of the ownership structure and because of the incomes from logging. This supported the rise of consumption above the subsistence minimum and was a basis for the expansion of domestic manufacturing, when rising money incomes were partly spent on goods produced by emerging consumption goods industries.

While many natural resource rich countries remain as primary producers, Finland, however, was able to diversify her economy in several directions. Wide ownership of forests played probably also important role why forest industry started to develop its processes and products on the basis of increasing application of foreign know-how for industrialisation. Different companies had to compete for the raw material which led to innovations. If forest ownership had been monopolized to a narrow enclave, it is possible that owners could have been satisfied to the export income from raw materials and the diversification process could have been slower.

First sawmill industry became one of the growth engines of Finland's 19th century early industrialisation, and it reached its highest share, about one fifth of industrial value added between the 1880s and the early 20th century. In 2007 the share of sawmill and other wood industry was 4,2 percent in all manufacturing.

Wood based paper industry started its fast growth in the 1870s. It has since been the fastest growing industry in Finland, with an annual average growth of 7 percent in 1870–2010. In spite of this, its share in all manufacturing industry was only 10 percent in 2007.

In production and exports the paper and pulp industry bypassed sawmill and other wood industry in the 1930s and it has had a higher share since.

Processing advances went hand in hand with product development. Companies started to develop also machinery, which they needed in their production processes. Most of the technical knowledge and know how had to be imported.

Finnish companies were able also to acquire the necessary new knowledge and knowhow for management of firms for modern industrial development – things which were in very scarce supply in a small peripheral country (Fellman, 2000). Crucial for later development was the ability even to make own innovations on the acquired knowledge basis. For this it was also necessary to develop extensive and qualified educational system.

Accordingly much of Finnish metal industry has developed as a response to the demand from the forest industries. 19th century wood processing used imported machinery. But towards the end of the 19th century sawmill machinery, parts of steam engines and water turbines were also produced in Finland. First paper machines were built at the beginning of the 20th century, although this production did not continue before the 1950s again.

Since the 1950s paper machinery production has taken giant leaps, and Finnish paper and pulp machinery are on the technological front and important export items. Also constructions of complete paper and pulp factories in different parts of the world have been on the agenda since the 1970s. Paper making requires chemicals, production of which also started at the beginning of the 20th century. These chemical factories formed a foundation of today's considerable chemical industry.

Conclusions

Forests are the most important natural resource in Finland. The Finnish economy seems to have avoided the so-called resource curse by diversifying the structure of the economy, which during the early industrialisation was based much, but not only, on this ample forests resource.

In this paper I argue that it was actually the ownership structure of the forests and land which was an important initial condition for the development. The private ownership of forests by independent peasants – often with small or modest ownership – since the late 18th century, helped to spread export earnings widely over large segments of the economy. Wide ownership of the resource prevented also the appearance of

an oligarchic and corrupt power structure – the structure which so often can be seen behind the resource curse.

Five conclusions for the resource curse issue follow. First: it is important that, the income from the resource must spread widely to the domestic economy. This can be realized either – most naturally – through private ownership or because of successful state policies. Second: profits have at least to some extent to flow back to the local economy through useful investments. Third: it is important that backward and forward linkages to other domestic sectors can evolve. Fourth: local knowledge creation is important. This presupposes the development of educational system. Fifth: the avoidance or absence of corruption in the public sector must be avoided.

The government can create favourable conditions for the economic development by good legislation. In Finland the institutional and legal system based on the Swedish, and more generally Nordic, tradition can be seen as an important element for success. But there are, however, plenty of evidence – especially from tropical forests – that successful state forest policies are rare, corruption prevails and policy failures are common. Lack of well defined property rights is crucial here.

While the argument here is that ownership rights are crucial, their formation is very much historically path dependent and cannot be easily changed. Accordingly, a conclusion could also be a pessimistic one: the country cannot easily escape the curse if it has one.

References

1. *Auty, Richard M.* (1993). *Sustaining Development in Mineral Economies: The Resource Curse Thesis*. Routledge, London.
2. *Auty, R.M.* (ed.) (2001). *Resource Abundance and Economic Development*.
3. WIDER Studies in Development Economics, Oxford University Press.
4. *Baldwin, R.* (1956). *Patterns of Development in Newly Settled Regions*. Manchester School of Economic and Social Studies 24, 161–79.
5. *Corden WM, Neary J.P.* (1982). «Booming Sector and De-industrialisation in a Small Open Economy». *The Economic Journal* 92 (December): 825–848
6. *Corden, Max* (1984), *Booming Sector and Dutch Disease Economics: A Survey*, *Oxford Economic Papers* 36(3), November 1984, p. 359–80.
7. *Fellman, Susanna* (2000). *Uppkomsten av en direktörsprofession. Industriledarnas utbildning och karriär i Finland 1900–1975 (The emergence of a managerial profession: the educational and career background of industrial managers in Finland, 1900–1975)*. Finska Vetenskaps-Societeten, Helsingfors.
8. *Fukuyama, Francis* (1995). *Trust: The Social Virtues and the Creation of Prosperity*. Free Press, New York.
9. *Granovetter, Mark S.* (1973) *The Strength of Weak Ties*. *American Journal of Sociology* 78 (1973): p. 1360–1380.
10. *Gylfason, Thorvaldur* (2001). *Natural Resources, Education and Economic Development*. *European Economic Review (Elsevier)* 45 (4–6): 847–859.
11. *Hirschman, Albert O.* (1958) *The Strategy of Economic Development*. Yale University Press, New Haven.
12. *Hjerppe, Riitta* (1996). *Finland's historical national accounts 1860–1994: calculation methods and statistical tables*. Jyväskylän yliopisto, Suomen historian julkaisuja 24, Jyväskylä.
13. *Hjerppe Riitta and Hjerppe Reino* (2010). *An Escape from a Resource Curse – the Case of Finland*. ERSA/FRESH Conference, 24-26 November, STIAS, Stellenbosch, South Africa.
14. *Hjerppe, Riitta* (1989). *Finnish economy 1860–1985. Growth and Structural Change*, *Studies in Finland's Economic Growth XIII*, Bank of Finland Publications, Helsinki.
15. *Huurte, Matti* (2003). *Viljanviljelyn varhaisvaiheet (Early Stages of Agriculture)*, in *Suomen maatalouden historia (The History of Finnish Agriculture)*, SKS, Helsinki.
16. *Jutikkala, Eino* (1958). *Suomen talonpojan historia (The history of the Finnish peasant)*. Suomen kirjallisuuden seura. Helsinki.
17. *Maddison, Angus* (1991). *Dynamic Forces in Capitalist Development. A Long-Run Comparative View*. Oxford University Press, Oxford.
18. *North, Douglass C. and Thomas, Robert Paul* (1973). *The Rise of the Western World. A New Economic History*. Cambridge University Press.

19. *North D. C.* (1990). *Institutions, institutional change and economic performance*. Cambridge University Press.
20. *Palo, Matti and Lehto, Erkki* (2012). *Private or Socialistic Forestry? Forest transition in Finland vs. Deforestation in the Tropics*. Springer.
21. *Rasila Viljo, Jutikkala Eino and Mäkelä-Alitalo Anneli* (2003). *Suomen maatalouden historia (History of the Finnish agriculture)*. Suomalisen kirjallisuuden seura (SKS). Helsinki.
22. *Sachs, Jeffrey D.; Warner, Andrew M.* (1995) *Natural resource abundance and economic growth*. NBER Working paper 5398.
23. *Senghaas, Dieter* (1985). *The European Experience. A Historical Critique of Development Theory*. Berg Publishers, New Hampshire.
24. *Westoby, J. C.* (1962). *Forest Industries in the Attack on Economic Underdevelopment*, *Unasylva* 16(4):168-201. FAO, Rome.

Поступила в редакцию 20.12.2012.

Сведения об авторе

Райно Хьерппе – профессор Университета Хельсинки (г. Хельсинки, Финляндия).

e-mail: reino.hjerppe@gmail.com

В. А. Ильиных

НЭП: ПОИСК ОПТИМАЛЬНОЙ МОДЕЛИ РЕФОРМИРОВАНИЯ АГРАРНОГО СТРОЯ*

Ключевые слова: нэп, альтернативы социально-экономического развития, модернизация, аграрный вопрос, сельское хозяйство, перспективное планирование, Сибирь.

V. A. Ilyinyh

NEP: The Research of the Optimal Model of Agricultural Formation Reforming

Key words: NEP, alternatives of social-economical development, modernization, agricultural question, agriculture, the perspective planning, Sibir.

Базовой задачей, которую на протяжении нескольких столетий ставило перед собой Российское государство, была модернизация экономики и общества. Центральным звеном ее реализации являлось решение аграрного вопроса как вопроса о путях и методах преобразования сельского хозяйства с целью создания условий для ускорения его развития. Несмотря на многочисленные попытки реформирования аграрных отношений, аграрный вопрос столь же актуален в настоящем, как и в прошлом.

Выработка новой модели реформирования сельского хозяйства должна основываться на всестороннем и комплексном изучении исторического опыта аграрных преобразований. Всероссийская модель должна структурно состоять из региональных составляющих, в максимальной степени учитывающих особенности сложившихся историко-географических областей страны.

Проблема реформирования аграрного сектора экономики ставилась и решалась в рамках подготовки и реализации проектов, представляющих собой конкретные программы (планы) развития или переустройства сельского хозяйства в целом, его отраслей, социальной сферы села. В отечественной и иностранной литературе аграрные проекты, в отличие от индустриальных, изучены фрагментарно.

Проекты имели целеполагание в форме концепций или концептуальных моделей. Концепция реформирования аграрного про-

изводства представляет собой общие взгляды (теоретические ориентации) на пути и методы преобразования или оптимизации сельского хозяйства. Концептуальная модель отличается более системной теоретической и структурной проработкой проблемы реформирования аграрной сферы.

Большинство аграрных концепций, моделей и проектов выдвигалось на этапах потенциальной бифуркации исторического процесса и было связано с возможными альтернативами развития. Одной из «хроноточек» в российской истории, в рамках которой осуществлялся активный выбор альтернатив, являлась вторая половина 1920-х гг.

Целью настоящей работы является ретроспективный анализ выдвинутых в этот период базовых концепций и концептуальных моделей реформирования аграрного строя России, а также крупных проектов аграрного освоения Сибири. Сибирь отличалась спецификой аграрного развития, высоким и недостаточно полно используемым сельскохозяйственным потенциалом. Многие специфические черты российской модернизации в регионе имели более выраженный характер.

Великая крестьянская революция 1917–1921 гг. не только положила конец классу помещиков, но и заставила большевиков отказать от «военно-коммунистического» эксперимента и перейти к новой экономической политике. В ее основе лежало предо-

* Статья подготовлена в рамках проекта Президиума РАН № 33.2.2.

ставление крестьянам свободы хозяйствования на своей земле и свободы распоряжения произведенной продукцией. При этом существовали достаточно жесткие политические, налоговые и иные ограничители размеров крестьянского хозяйства. Получившие хозяйственную свободу российские крестьяне достаточно быстро восстановили посевные площади и поголовье продуктивного скота.

Несмотря на это, зерновой экспорт из СССР даже в самые урожайные годы не превышал и четверти его дореволюционного объема [6, с. 219], а в неурожайные хлеба не хватало даже для внутреннего потребления. Достигнутый в 1926–1927 гг. максимальный объем товарного производства животного масла в Сибири составлял 62 % от уровня 1913 г. [5, с. 256]. При этом коров в регионе в 1926 г. было больше, чем в 1913 г. [17, с. 41].

Базовая причина снижения уровня товарности аграрного сектора экономики заключалась в изменениях организационно-производственной структуры сельского хозяйства. Ликвидированные в ходе социальных катаклизмов рубежа 1910–1920-х гг. высокотоварные помещичьи и крестьянские предпринимательские (кулацкие) сменили мелкотоварные крестьянские хозяйства.

В Сибири численность и удельный вес зажиточных крестьянских хозяйств по сравнению с дореволюционным периодом существенно снизились, а основными производителями молока стали малокоровные хозяйства, в значительной степени ориентирующиеся на личное потребление. В 1916 г. к товарным (по молоку) относилось 43 % крестьянских дворов Юго-Западной Сибири (3 и более коров на хозяйство), в 1928 – 30 %, к полутоварным (2 коровы) в 1916 г. – 22, в 1928 г. – 30%; к преимущественно потребительским (1 корова) в 1916 г. – 26 %; в 1928 г. – 34 % [8, с. 143; 14, с. 291]. Еще более заметно снизилось количество многокоровных дворов среди членов сибирской молочной кооперации. В 1907 г. 46,5 % из них имело от 4 до 9 коров, а 11,1 % – 10 коров и более, в 1928 г. такое же количество коров имело 14,7 и 0,5 % дворохозяйств соответственно [4, с. 267].

Замедление темпов развития аграрной экономики в середине 1920-х гг. наглядно продемонстрировало, что нэп не обеспечивает решения задач модернизации страны. Перед властью и обществом встала проблема выбора пути дальнейшего развития сельского хозяйства и оптимальных методов его реформирования. В рамках решения данной задачи были выдвинуты три базовых варианта решения аграрного вопроса: либеральный, неонароднический и марксистский.

Наиболее последовательно либеральные взгляды на перспективы развития аграрного сектора российской экономики сформулировал Н. Д. Кондратьев, который считал, что «измельчание» хозяйств приводит «к замедлению роста товарности и процесса накопления и вследствие этого к замедлению реорганизации сельского хозяйства». Более высокая производительность труда, товарность и степень накопления капитала достигается в крупных, по существу фермерских, хозяйствах, широко применяющих наемный труд. В них интенсивно формируются финансовые ресурсы, которые используются их владельцами для интенсификации производства и внедрения агротехнологических новаций. Более того, из крупных хозяйств можно в известных пределах черпать ресурсы как для материальной помощи беднейшим слоям населения деревни, так и для развития промышленности. В то же время беднота создает надежную базу для пополнения рядов сельскохозяйственных и промышленных рабочих, что также необходимо для развития народного хозяйства [9, с. 138–140].

Исходя из преимуществ крупных крестьянских хозяйств, Н. Д. Кондратьев предлагал снять налоговые и иные экономические и административные ограничители с пределов их роста. Непременными условиями устойчивого поступательного развития сельского хозяйства он также считал устранение диспропорций между производством средств производства и потребления отказ от директивных методов регулирования экономики в пользу рыночных, вовлечение земли в товарообмен [11; 16, с. 281].

Аграрники-марксисты также разделяли тезис о превосходстве крупного хозяйства над мелким. Однако применение наемного труда как условия увеличения масштабов сельхозпроизводства было для них абсолютно неприемлемым. В связи с этим они предлагали путь производственной коллективизации деревни. Коллективизация, т. е. ликвидация индивидуальных крестьянских хозяйств и их объединение в «крупные коллективные», по мнению марксистских теоретиков, позволяла широко внедрить в сельское хозяйство новейшие технические достижения (трактора с соответствующим шлейфом орудий, комбайны и другие уборочные машины, доильные аппараты, кормораздатчики, инкубаторы и т. п.), превратить аграрный труд в разновидность индустриального и за счет этого резко повысить его производительность. Не менее, а может, более важным фактором роста производительности труда в коллективных хозяйствах должно стать его освобождение от эксплуатации [2, с. 558; 15, с. 118; 20, с. 130].

Принципиально отличный от двух вышеупомянутых путь развития сельского хозяйства предлагался в концептуальной модели, разработанной представителями так называемого организационно-производственного направления российской аграрной науки («неонародники»), наиболее видным представителем которого являлся А. В. Чаянов. Он считал, что наиболее устойчивой, общественно значимой и социально справедливой формой организации сельхозпроизводства являются не крупные фермерские, а семейно-трудовые (не использующие, как правило, найм рабочей силы) крестьянские хозяйства.

По мере вовлечения в товарное производство подобные хозяйства объединяют (кооперируют) усилия по осуществлению тех операций аграрно-производственного цикла, выполнение которых в рамках каждого из них неэффективно. Это сбыт, снабжение, переработка, мелиорация, семеноводство и т. п. На этой базе создаются соответствующие специализированные (по терминологии А. В. Чаянова, «вертикальные») кооперативы. Кооперированию не подлежат лишь не-

посредственное выращивание сельскохозяйственных культур и животных.

Данные отрасли должны всецело оставаться в рамках индивидуального крестьянского хозяйства, поскольку их кооперирование (т. е. создание полных производственных или «горизонтальных» кооперативов) нецелесообразно и неэффективно. Более того, производственная коллективизация, которая ликвидирует семейно-трудовые хозяйства, ведет к своеобразному раскрестьяниванию деревни, несущему негативные социальные последствия и для сельского хозяйства, и для страны в целом. Не менее разрушительные последствия для деревни и страны в целом несет капиталистическое раскрестьянивание.

Идеальную же форму будущего аграрного устройства России А. В. Чаянов, как и другие представители организационно-производственной школы, видел в сочетании семейно-трудовых хозяйств с их всесторонним и комплексным кооперированием по вертикальному принципу (теория «кооперативной коллективизации») [24–26].

Реорганизация сельского хозяйства на кооперативных началах должна в обязательном порядке сопровождаться созданием благоприятных общеэкономических условий для поступательного развития аграрного производства (поддержание выгодного для деревни соотношения сельскохозяйственных и промышленных цен, умеренное налогообложение, организация экспорта и т. п.), а также оказанием масштабной и комплексной организационно-финансовой помощи крестьянским хозяйствам (организация машиноснабжения, развитие и удешевление кредита, землеустройство, создание системы агрономического и зооветеринарного обслуживания и т. п.).

Если говорить о перспективности трех вышеуказанных альтернатив, то наиболее отработанным в общественной практике мировой цивилизации был первый путь решения аграрного вопроса. Развитые страны Запада, аграрный строй которых базировался на высоко развитом капиталистическом фермерском хозяйстве, доказали его эффективность.

Однако этот путь был чреват повышением социального напряжения в деревне и являлся абсолютно неприемлемым для большевистского руководства страной по идеологическим соображениям.

Второй вариант, на первый взгляд, был достаточно прагматичным, но его теоретиками не были отработаны проблемы выбора оптимальных методов коллективизации и стимулов труда. Кроме того, индустриализация сельского хозяйства «сверху» требовала значительных капиталовложений со стороны государства. Модель, предлагаемая теоретиками организационно-производственной школы, в полной мере учитывала общинные традиции русского крестьянства, которые использовались не для консервации аграрных отношений, а для их прогрессивного преобразования, а также основывалась на ресурсо- и энергосберегающих технологиях и позволяла сохранить в деревне социальную стабильность и социокультурную преемственность. В то же время ее реализация также была достаточно капиталоемкой.

Описывая теоретические построения представителей либерального и неонароднического направлений отечественной экономической науки, мы используем прием их аналитической сепарации от элементов политического камуфляжа, который был вполне объяснимой реакцией на господство идеократического большевистского режима. Так, Н. Д. Кондратьев публично заявлял, что «с точки зрения общих задач экономической политики советской власти наиболее желательный путь [реорганизации сельского хозяйства] лежит через производственную кооперацию мелких и мельчайших хозяйств». Однако в силу того, что на данный момент материально-технические предпосылки для проведения коллективизации отсутствуют и на их создание «потребуется очень длительное время», на повестке дня стоят «другие пути и методы развития производительных сил сельского хозяйства» [9, с. 138].

Помимо трех базовых («чистых») концепций реформирования аграрного строя, существовали их вариации, в том числе содержа-

щие элементы эклектики [3, с. 217–228]. В рамках каждого из основных направлений российской экономической мысли имелись различия в подходах и интерпретациях. В то же время представители противоположных идеологических лагерей, дискутируя по одним вопросам, высказывали сходные взгляды по другим.

И либералы, и многие марксисты разделяли взгляды А. В. Чаянова на роль кооперативного строительства в реорганизации сельского хозяйства. Общеизвестной в историографии является точка зрения, согласно которой знаменитая статья В. И. Ленина «О кооперации» написана под влиянием чаяновской концепции. Ставка на развитие «вертикальной» кооперации являлась одной из составных частей аграрной политики большевистского режима в годы нэпа. Н. Д. Кондратьев заявлял, что основным путем реорганизации сельского хозяйства является кооперирование крестьянства «на почве сбытовых и снабженческих функций, на почве общего пользования машинами и переработки продуктов» [9, с. 138]. В то же время и либералы, и марксисты резко критиковали мнение А. В. Чаянова о социальных и экономических преимуществах трудового (по мнению его оппонентов, «мелкого») крестьянского хозяйства.

Оставляя за рамками проводимого в настоящей работе анализа варианты базовых концепций аграрного реформирования, позволим себе краткий комментарий так называемой бухаринской альтернативы, под которой в историографии подразумеваются взгляды Н. И. Бухарина, публично высказанные им во второй половине 1920-х гг. Он действительно выступал за экономические методы регулирования сельской экономики, против форсированной коллективизации, а его видение организационно-производственной перестройки аграрной экономики во многом повторяло основные положения чаяновской теории «кооперативной коллективизации».

В то же время Бухарин, оставаясь марксистом, рассматривал развитие кооперации не как самоцель, а как средство построения

крупного коллективного сельского хозяйства. Его дискуссии с однопартийцами касались не основного содержания, а темпов социалистического преобразования сельского хозяйства. Кроме того, Н. И. Бухарин являлся одним из архитекторов созданной к концу 1920-х гг. квазирыночной экономики, которая привела к хлебозаготовительному кризису 1927–1928 гг. Предлагаемые им «экономические» методы регулирования сельской экономики представляли собой набор административных мер, в том числе директивное ценообразование. В целом же, оценивая «бухаринскую альтернативу», мы считаем, что она была направлена не на реформирование существующего аграрного строя, а на его консервацию.

Выбор путей развития аграрного сектора экономики в регионах реализовался в рамках перспективного планирования, обращение к которому исходило из большевистских установок на внесение плановых начал во все отрасли экономики. В Сибири первый Перспективный план развития сельского хозяйства края был подготовлен специалистами крайземууправления и опубликован в 1926 г. Предлагалась программа превращения Сибири в течение последующей четверти века в «напоминающий собой Канаду» [18, с. 7] район сельского хозяйства, имеющий преимущественно экспортный характер. Аграрная сфера мыслилась основой экономики региона. На удовлетворение ее нужд следовало ориентировать новое промышленное и транспортное строительство.

Основной статьей сибирского сельскохозяйственного экспорта вновь, как и до революции, должно было стать животное масло, а аграрное производство в связи с этим приобретало преимущественно молочно-масляное направление. Агротехнологической основой переориентации сельского хозяйства региона с утвердившейся к середине 1920-х гг. зерновой специализации на молочно-масляную называлась разработанная известным российским почвоведом академиком В. Р. Вильямсом травопольная система земледелия, повышение плодородия почв в которой достигается за счет крупномасштабного (до

50 % пашни) внедрения в севообороты посевов однолетних и многолетних трав. Травополье должно было заменить господствующую в основных сельскохозяйственных районах Сибири паро-залежную систему и не допустить сползания сибирского земледелия к безнадежно к тому времени устаревшему трехполью. Помимо радикального решения кормового вопроса, для животноводства травопольная система земледелия позволяла наладить широкомасштабное и стабильное производство льна и пшеницы твердых сортов, которым также придавалось важное экспортное значение.

В качестве социальной базы и основного объекта реконструкции аграрного сектора экономики в Перспективном плане рассматривались семейно-трудовые крестьянские хозяйства, каждое из которых предполагалось довести до разработанных для каждого из выделенных авторами плана пяти природно-географических районов края оптимальных организационно-хозяйственных параметров. Так, оптимальное крестьянское хозяйство Западносибирского лесостепного района состояло из 5 человек, в том числе 2 трудоспособных, 1 «полутрудоспособного» (подросток). Под девятипольный севооборот, 4 поля которого занимали многолетние сеяные травы, отводилось 13,5 десятины. Еще 1,5 десятины занимал трехпольный приусадебный севооборот. Хозяйство содержало 2 рабочих лошадей, 3 продуктивных коров, 4 овец, свиноматку с 3 поросятами для откорма до шестимесячного возраста, 15 кур [18, с. 99]. Расчетные размеры хозяйств для других районов отличались от вышеприведенного незначительно. Оптимальные хозяйства всех районов считались трудодостаточными, и лишь в Ойротской автономной области (Горный Алтай) предполагалось небольшое использование наемной рабочей силы.

Переход к многопольным севооборотам в рамках традиционной многодворной сибирской общины был затруднен. Помехами являлись возможность передела крестьянских наделов, их чересполосица и отдаленность от деревни. Выходом из положения, по мне-

нию авторов Перспективного плана, могло стать расселение общины на мелкие поселки, оптимальные размеры которых составляли от 10 до 30 дворов в зависимости от местных природно-географических условий. В рамках поселков крестьяне получали постоянные и не подлежащие переделу земельные участки – отруба. В их совместном владении оставались выгон и источники водоснабжения. Кроме того, они объединялись в поселковые товарищества, которым принадлежали животные-производители и сельхозмашины: многолемешные плуги, сеялки, сенокосилки, конные грабли, жатки, молотилки, веялки и т. п. Более сложная техника сосредоточивалась в кооперативных прокатных пунктах. Менее сложный инвентарь (плуги, бороны, телеги, сани и т. п.) оставался в индивидуальных хозяйствах.

Существенное место в Перспективном плане отводилось кооперации, ей надлежало сыграть решающую роль в организационно-технологической перестройке аграрного производства. Основным направлением развития кооперации становилась ее специализация. Если во время составления Перспективного плана сельскохозяйственная (кредитная) кооперация одновременно выполняла ссудные, товаропосреднические, сбытовые, агрикультурные и производственные функции, то в будущем каждую из этих операций следовало передать отдельным видам кооперации. В итоге крестьяне становились членами не только поселковых, но и кредитных, специализированных закупочно-сбытовых, перерабатывающих (прежде всего маслодельных), мелиоративных, машино- и товароснабженческих, специализированных семеноводческих, племенных и других кооперативов.

Наряду с индивидуальными крестьянскими хозяйствами, объединенными в специализированные виды кооперации, определенное, но достаточно скромное место в будущей системе аграрного производства региона должны были занять коллективные и государственные сельхозпредприятия. Колхозы, призванные объединить беднейшие и неспособные к самостоятельному хозяйствованию

слои деревни, предполагалось специализировать на семеноводческой и племенной работе. При этом существующие на момент составления Перспективного плана коммуны планировалось перевести на устав сельхозартели с целью создания материальных стимулов к труду. Функции семеноводства и племенного животноводства возлагались и на совхозы. Помимо этого, совхозам надлежало заниматься коневодством для армейских нужд и мериносовым овцеводством.

Массовая перестройка крестьянских хозяйств требовала от государства значительных капиталовложений. Однако их размеры можно было существенно снизить за счет установления выгодного для сельских товаропроизводителей соотношения цен на промышленные и сельскохозяйственные товары. Это создавало возможность крестьянам самим заработать значительную часть средств, необходимых для реорганизации хозяйства. Авторы Перспективного плана также призывали снизить тяжесть налогообложения деревни и ввести систему льгот для реорганизуемых хозяйств. При этом средства, «изъятые по необременительному налогу», должны в первую очередь рационально расходоваться «на мероприятия по укреплению и развитию сельского хозяйства» [17, с. 50].

Перспективным планом также предусматривалась широкая программа индустриализации аграрного сектора экономики Сибирского края путем строительства предприятий пищевой и перерабатывающей промышленности, необходимых для подработки и глубокой переработки как экспортных, так и предназначенных для внутрорегионального потребления сельхозпродуктов.

В итоге к началу 1950-х гг. планировалось увеличить по сравнению с достигнутым в 1925–1926 гг. уровнем посевные площади в 4,4 раза (почти наполовину за счет сеяных трав), посевы пшеницы – в 2,2, поголовье крупного рогатого скота – в 1,2, коров – в 2,2, валовое производство зерновых – в 2,1, льноволокна – в 11,7, молока – в 2,5 раза.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод, что авторы Перспективного плана

опирались на концептуальную модель реформирования сельского хозяйства, разработанную ведущими представителями организационно-производственной школы российской аграрной науки, последователями которой были ведущие специалисты Сибкрайземуправления. В то же время они были вполне самостоятельными при выборе наиболее оптимальной специализации сельского хозяйства региона и его агротехнологической основы.

Однако их выбор разделялся далеко не всеми. Сомнения в целесообразности широкого внедрения в Сибири травополья были высказана рядом специалистов Наркомзема, включая А. В. Челинцева [7, с. 100]. Дискуссионным в 1920-е гг. был и вопрос о месте зернового хозяйства в структуре аграрного производства региона.

Н. Д. Кондратьев резко критиковал методику составления Перспективного плана, считая, что в нем отсутствуют доказательства того, что в итоге будут достигнуты запроецированные объемы производства сельхозпродукции, запланированный уровень доходности. При этом не берутся в расчет возможные форсмажорные обстоятельства. Будущая модель аграрного производства рассчитывается на основе условных цен и норм, условной, но мотивированной урожайности и продуктивности и т. п. [10, с. 17–18]. В целом он воспринимал сибирский план как образец типичного для периода 1920-х гг. (впрочем, как и для всего советского периода) телеологического планирования (от греч. *teleos* «цель»), пренебрегающего научными методами доказательства возможности достижения поставленной цели. Присутствовали в Перспективном плане и элементы «прожектерства», ярко отмеченные в сатирическом произведении А. Платонова «Город Градов».

В то же время позицию авторов Перспективного плана по вопросам определения места аграрного производства в экономике региона, выбора специализации сельского хозяйства и агротехнологической основы его реорганизации разделяли руководители партийных и советских органов Сибирского края. Не вы-

зывала у большевистских лидеров края идюсинкразии и ставка Перспективного плана на развитие не коллективного, а индивидуально-крестьянского хозяйства, которая в 1922–1925 гг. в целом соответствовала тактической линии Коммунистической партии в аграрно-крестьянском вопросе. Реализация «чаяновской» концептуальной модели развития сельского хозяйства в Сибири осуществлялась не только в перспективном планировании, но и в рамках текущего агрономического обслуживания деревни [1, с. 140].

Однако на XV съезде ВКП (б), принявшем курс на производственное кооперирование сельского хозяйства и усиление борьбы с кулачеством, теоретики организационно-производственной школы российской аграрной науки подверглись резкой критике. Вслед за этим обвинение в проведении антипартийной линии и прямом пособничестве кулаку выдвинули и против авторов Перспективного плана. В конце 1920-х гг. последовало их устранение из органов управления сельским хозяйством, а затем и политические репрессии.

На рубеже 1920–1930-х гг. большевистский режим перешел к осуществлению второго из вышеперечисленных вариантов решения аграрного вопроса. В рамках его реализации был разработан опубликованный в начале 1930 г. Генеральный план развития народного хозяйства Сибири, составной частью которого была программа развития сельского хозяйства региона [12].

Составители Генерального плана 1930 г. придерживались в целом аналогичных с авторами Перспективного плана 1926 г. взглядов на определение места и роли, которую в перспективе должен был занять аграрный сектор Сибири. В общесоюзном и мировом разделении труда ей отводилась роль производителя и поставщика ценной сельскохозяйственной продукции. Основными статьями аграрного производства и экспорта должны были стать животное масло, пшеница и лен. Неизменным оставался и выбор в пользу травопольной системы земледелия как основы агротехнологической реконструкции

сельского хозяйства Сибири. Однако в Генеральном плане предусматривались более усовершенствованные типы севооборотов, в которых плодородие восстанавливалось за счет не только сеяных трав, но и более широкого внедрения пропашных культур и применения минеральных удобрений.

Более существенной была разница в темпах развития аграрного сектора экономики. Запроектированные в Генеральном плане количественные показатели развития сельского хозяйства, во-первых, существенно превосходили аналогичные показатели Перспективного плана 1926 г. (по общей посевной площади – в 1,7 раза, по площади посева пшеницы – в 2,3, по поголовью крупного рогатого скота – в 3,0, по валовому сбору зерновых – в 2,2, льна – в 2,0, производству молока – в 4,0 и масла – в 3,2 раза), а во-вторых, достичь их предполагалось на 10 лет раньше.

Гарантией возможности многократного увеличения производственного потенциала региона назывался социализм, построение которого рассматривалось и как основное средство, и как конечная цель Генерального плана. Как указывалось во введении к его опубликованному тексту, «социализм – это высокий уровень потребления, обусловленный высоким уровнем развития производительных сил, а главное – это такой социальный строй, который обеспечивает дальнейшее стремительное развитие производительных сил, рост власти человека над природой, рост благосостояния человека» [12, ч. 1, с. 4].

Непременным условием построения социализма в деревне называлась ее производственная коллективизация, которую предполагалось завершить уже к концу первой пятилетки. К концу второй пятилетки сельское хозяйство региона должно было представлять из себя систему агро-индустриальных комбинатов (АИКов), способствующих существенному наращиванию производительности аграрного труда и его превращению в разновидность индустриального.

АИК, по мысли его проектировщиков, представлял собой объединение хозяйственных ячеек в виде колхозов, совхозов и пере-

рабатывающих предприятий, обладающих совместной управленческой, энергетической, транспортной и иной инфраструктурой. Каждый комбинат имел специализацию, в целом соответствующую специализации сельскохозяйственного района, на территории которого он находился. Всего в Генплане было выделено 18 сельскохозяйственных районов. От направления аграрного производства зависели оптимальные размеры АИКа. Так, те из них, что специализировались на производстве зерновых, были значительно больше молочных. Всего на территории края предполагалось создать 173 агроиндустриальных комбината.

К середине 1930 г. специалисты сельхозсекции Сибплана разработали пять подробных проектов агроиндустриальных комбинатов, которые рассматривались как типовые [13, с. 72–85].

1. Шипуновский АИК Рубцовского округа. Ведущая отрасль хозяйства – производство пшеницы. На ее отходах – птицеводство. В севообороте в качестве пропашной культуры – соя. Отходы ее переработки, сеяные травы, окультуренные сенокосы и естественные выпасы создают кормовую базу для разведения крупного рогатого скота мясного направления. Менее продуктивные пастбища предназначены для шерстно-мясного овцеводства. Общая площадь земельных угодий – 800 тыс. га. Организационно АИК состоит из базового зерносовхоза, 7 крупных колхозов, птицеводческого и овцеводческого хозяйств. На центральной усадьбе совхоза, расположенной на железнодорожной станции, сосредоточивались большое мельпредприятие, зернохранилище, маслоперерабатывающий (соевый) завод, холодильник, электростанция и ремонтный завод (отдельные мастерские строятся и в колхозах).

2. Маслянинский льно-молочной АИК Новосибирского округа. Ведущая отрасль – льноводство. Лен занимает 25 % посевных площадей. В севооборотах помимо льна – клевер и пропашные (50 %), которые создают кормовую базу для молочного животноводства. Молоко перерабатывается в масло, а

отходы в виде обрата идут на корм свиньям. На территории АИКа – 5 совхозов и 15 колхозов. Его промышленный и энергетический центр – базовый совхоз в с. Маслянино, где находятся льнозавод, бумажная фабрика, работающая на отходах от льна, заводы по производству животного и растительного масла, бекона, электростанция, крупное ремонтное предприятие. Отдельные хозяйства имеют молочные и свиноводческие фермы, сливкоотделения, машинный парк, небольшие ремонтные мастерские.

3. Еланский АИК Барабинского округа. В его составе 3 совхоза и 8 колхозов. Ведущая отрасль – производство молока, которое перерабатывается на мощном маслозаводе в масло, сгущенное молоко и сухой обрат. Растениеводство работает почти исключительно для нужд молочного хозяйства (производство кормов).

4. Прокопьевский АИК Кузнецкого округа. Специализируется на производстве молока и овощей для снабжения работников промышленных предприятий и шахт Кузбасса. Пашня разделена на огородно-овощные севообороты. В базовом совхозе предусмотрена мощная теплица, там же крупный молокоперерабатывающий завод, на который молоко с животноводческих ферм поступает в свежем виде. АИК объединяет 3 совхоза и 7 колхозов.

5. Онгудайский совхозно-колхозный комбинат Ойротской автономной области. Ведущая отрасль – мясо-шерстное животноводство экстенсивного типа. Вспомогательные отрасли – производство зерна в долинах и молока с его переработкой в сыр. Комбинат не имел в названии термина «индустриальный», поскольку произведенную там продукцию предполагалось перерабатывать на предприятиях, находящихся за его пределами. Девять колхозов, входящих в Онгудайский комбинат, объединялись вокруг головного совхоза на основе общего планирования, управления, снабжения и сбыта. Совхоз, осуществляющий централизованное агро, вет- и ремонтное обслуживание колхозов, помимо этого, специализировался на производстве концен-

трированных кормов, интенсивном откорме и племенном деле.

В целом в Генеральном плане развития народного хозяйства Сибирского края намечалась грандиозная программа нового индустриального, агропромышленного и транспортного строительства. К концу 1930-х – началу 1940-х гг. Сибирь должна была превратиться в регион с имеющей глобальное значение высокоразвитой экономикой, важной составной частью которого являлось интенсивное сельское хозяйство, имеющее преимущественно экспортный характер.

Однако грандиозным планам наращивания сельскохозяйственного производства на базе АИКов не суждено было сбыться. Отчасти это связано с самой методикой планирования. Генеральный план являлся еще более ярким, чем Перспективный план 1926 г., образцом телеологического планирования, основное содержание которого сводилось к формулированию какой-либо «великой» цели при отсутствии научных доказательств возможности и реальных средств ее достижения.

Реальные темпы, приемы и результаты коллективизации деревни оказались далеки от предполагаемых. Ставший следствием форсированной коллективизации кризис сельского хозяйства привел к отказу от идеи агроиндустриальных комбинатов. Материальная, техническая и политическая невозможность в создавшихся условиях соединения сельского хозяйства и перерабатывающей промышленности в рамках АИК получила идеологическое объяснение: партия отказалась от их строительства, поскольку в идее АИК были заложены «политические ошибки, заключающиеся в основном в грубом нарушении принципа самостоятельности колхозов и совхозов, в гигантомании, в перепрыгивании через важнейший этап социалистического строительства – этап объединения мелких крестьянских хозяйств в артель-село» [23, с. 9]. На планирование АИК навесили ярлык «маневров врагов» с целью ликвидации колхозов и совхозов.

Антипартийной объявлялась и концепция необходимости перехода аграрного производства Сибири на животноводческую специализацию. Ведущей его отраслью на ближайшую и более отдаленную перспективу провозглашалось зерновое производство [21]. Досталось и травополью, которое предполагало значительное увеличение площадей, занятых сеянными травами, в основном за счет сокращения прироста посевов зерновых. А это, по мнению оппонентов «травяного шаблона», противоречило поставленной Коммунистической партией задаче: разрешить в основном зерновую проблему в Союзе и в крае. Исходя из этого травопольная система земледелия стала рассматриваться как агротехнологическая диверсия, направленная на срыв социалистического строительства [23].

Естественно, что проектировщики АИКов врагами колхозного строительства не были, а искренне верили в безграничные возможности социализма. Реальные же возможности социализма в аграрной сфере в конкретно исторических условиях нашей страны оказались ограниченными. Приблизиться к осуществлению заложенной в Генеральном плане 1930 г. идеи социалистической агропромышленной интеграции удалось только в 1980-е гг. Однако уже в начале 1990-х гг. пришедшие к власти в России сторонники радикальных экономических и политических реформ решили отказаться от социалистической модели функционирования сельского хозяйства в пользу либеральной. При этом ее исполнение на практике вновь соответствовало крылатой фразе «Хотелось как лучше, а получилось как всегда».

Библиографический список

1. Аграрные преобразования и сельское хозяйство Сибири в XX веке : очерки истории. – Новосибирск : Ин-т истории СО РАН, 2008. – 308 с.
2. Аграрные проекты. – М. : РОССПЭН, 2010. – С. 558–559.
3. *Есиков С. А.* Российская деревня в годы нэпа. К вопросу об альтернативах сталинской коллективизации (по материалам Центрального Черноземья) / С. А. Есиков. – М. : РОССПЭН, 2010. – 246 с.
4. *Иванов Б. В.* Осуществление ленинского кооперативного плана в Сибири (1920–1927 гг.) / Б. В. Иванов. – Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 1977. – 342 с.
5. *Ильиных В. А.* Государственное регулирование сельскохозяйственного рынка Сибири в условиях нэпа (1921–1928 гг.) / В. А. Ильиных. – Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2005. – 284 с.
6. *Ильиных В. А.* Коммерция на хлебном фронте (Государственное регулирование хлебного рынка в условиях нэпа. 1921–1927 гг.) / В. А. Ильиных. – Новосибирск : Наука, Сиб. отд-ние, 1992. – 224 с.
7. *Ильиных В. А.* Перспективные планы сибирских земельных органов середины 1920-х гг. как источник изучения аграрных и кооперативных концепций периода нэпа / В. А. Ильиных // Кооперация Сибири в XX в. : теория, историография, источники. – Новосибирск, 1996. – Вып. 2. – С. 90–109.
8. Итоги 10 % выборочного обследования отдельных хозяйств в 1928 г. по Сибирскому краю. – Новосибирск : Сибкрайстатотдел, – 1929. 165 с.
9. *Кондратьев Н. Д.* К вопросу о дифференциации деревни / Н. Д. Кондратьев // Пути сел. хоз-ва. – 1927. – № 5. – С. 123–140.
10. *Кондратьев Н. Д.* План и предвиденье (к вопросу о методах составления перспективных планов развития народного хозяйства и сельского хозяйства в частности) / Н. Д. Кондратьев // Пути сел. хоз-ва. – 1927. – № 2.
11. *Кондратьев Н. Д.* Современное состояние народно-хозяйственной конъюнктуры в свете взаимоотношений индустрии и сельского хозяйства / Н. Д. Кондратьев // Социалист. хоз-во. – 1925. – № 6.
12. Материалы к генеральному плану развития народного хозяйства Сибирского края. Новосибирск : Сибкрайиздат, 1930. – Ч. 1 : Пути развития Сибирского края. – 63 с. ; Ч. 4 : Сельское хозяйство. – 175 с. ; Ч. 9 : Экспорт. – 65 с.
13. Материалы к пятилетнему плану развития народного хозяйства и культурного строительства Сибирского края. – Новосибирск : Сибкрайиздат, 1930. – 364 с.
14. Материалы переписи 1916 г. по Томской губернии (из опыта обработки на ЭВМ) / А. М. Бауфал, Л. М. Горюшкин [и др.]. – Новосибирск : ИИФиФ СО АН СССР, 1969. – 306 с.

15. Назимов И. Н. О дифференциации крестьянства / И. Н. Назимов // Пути сел. хоз-ва. 1927. – № 8. – С. 112–118.
16. Роголина Н. Л. Характер восстановления аграрного производства в 1920-е гг. / Н. Л. Роголина // Аграрное и продовольственное развитие России в XVIII–XX веках : пороги безопасности. – Оренбург, 2008. – С. 277–281.
17. Сборник статистико-экономических сведений по Сибирскому краю. – Новосибирск : Сибкрай-статотдел, 1927. – Вып. 1 : Сельское хозяйство. – 476 с.
18. Сельское хозяйство Сибирского края. – Новосибирск : В помощь земледельцу, 1926. – Вып. 1 : Материалы по характеристике сибирского сельского хозяйства. – 259 с.
19. Сельское хозяйство Сибирского края. – Новосибирск : В помощь земледельцу, 1926. – Вып. 2 : Перспективный план. – 535 с.
20. Ужанский С. Т. Дифференциация крестьянства / С. Т. Ужанский // Пути сел. хоз-ва. – 1927. – № 6/7. С. 129–136.
21. Хоробрых Ф. А. К вопросу о производственной специализации и размещении сельского хозяйства Западной Сибири / Ф. А. Хоробрых // Жизнь Сибири. – 1930. – № 9–10.
22. Хоробрых Ф. А. Кондратьевщина и вопросы развития сельского хозяйства Сибири / Ф. А. Хоробрых // Жизнь Сибири. – 1930. – № 11–12. С. 72–89.
23. Хоробрых Ф. А. Основные вопросы социально-технической реконструкции сельского хозяйства / Ф. А. Хоробрых // Жизнь Сибири. – 1931. – № 1.
24. Чаянов А. В. Оптимальные размеры сельскохозяйственных предприятий / А. В. Чаянов. – М. : Новая Москва, 1922. – 87 с.
25. Чаянов А. В. Организация крестьянского хозяйства / А. В. Чаянов. – М. : Кооператив. изд-во, 1925. – 215 с.
26. Чаянов А. В. Основные идеи и формы сельскохозяйственной кооперации / А. В. Чаянов. – М. : Книгосоюз, 1924. – 383 с.

Поступила в редакцию 14.10.2011.

Сведения об авторе

Ильиних Владимир Андреевич – доктор исторических наук, заведующий сектором аграрной истории Института истории СО РАН. Специалист в области аграрной истории и крестьяноведения России и Сибири, автор и соавтор более 190 научных работ, в том числе 13 монографий, 2 энциклопедических изданий, 9 сборников документов, материалов и хроникально-документальных изданий.

Тел.: (383) 330-24-31

e-mail: agros@history.nsc.ru

УДК 94(470):314.9
ББК ТЗ(2)5

А. С. Тургаев

К ВОПРОСУ О СОСТАВЕ НАСЕЛЕНИЯ НА ГРАНИЦАХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В XVIII – НАЧАЛЕ XIX века

Ключевые слова: Российская империя, население, отставные солдаты, казачество.

A. S. Turgaev

TO THE QUESTION OF POPULATION COMPOSITION ON THE BORDERS OF THE RUSSIAN EMPIRE IN XVIII – IN THE BEGINNING OF XIX CENTURIES

Key words: Russian empire, population, the retired soldiers, cossacks.

Россия обладает колоссальным опытом мобилизации ресурсов, прежде всего людских, для освоения и обороны огромных территорий. Изучение этого опыта сегодня, в условиях становления нового типа российской государственности, в условиях поиска эффективных форм государственного управления и местного самоуправления, становится особенно актуальным. Есть несколько аспектов этой проблемы: оптимальное распределение средств и ресурсов, социализация человека в непривычных для него географических и социально-экономических условиях, взаимодействие представителей различных народов и социальных групп в условиях совместного проживания и т. д. От грамотного решения этих и подобных вопросов и сегодня зависит судьба нашей страны, а в исторической ретроспективе они решались порой весьма продуктивно, комплексно. Особый интерес, например, вызывает история казачества. Опыт управления и самоорганизации этой категории населения, несмотря на сложнейшую судьбу казачества, до сих пор вызывает не только ностальгическое бытовое любопытство, но и несомненный интерес ученых самых разных специальностей.

Одним из важных и не до конца выясненных вопросов в этой связи является проблема происхождения, формирования населения на засечных чертах и приграничных территориях России в XVIII–XIX вв. Нам удалось обнаружить любопытные данные, показывающие,

что некоторой своей частью казачество, расселенное весьма широко, в том числе в Поволжье, и упомянутое выше приграничное население сформировалось из отставных солдат, поселенных на границах Российской империи в послепетровское время и носивших наименование пахотных солдат.

В исторических исследованиях есть указания на происхождение категории населения, называвшейся пахотными солдатами. Но авторы ограничиваются, как правило, краткими определениями, не дающими сколько-нибудь полного представления о пахотных солдатах. Н. П. Гриценко сообщает, что они мало чем отличались от основной массы крестьянства, имея в виду первую половину XIX в., и высказывает предположение, что в более ранний период пахотные солдаты пользовались некоторыми привилегиями в податном отношении [4, с. 378].

По определению А. В. Клеянкина, пахотные солдаты – это позднейшее наименование служилых людей «по прибору», поселенных на засечных линиях [5, с. 20, 183].

Иные сведения содержит работа В. Вешнякова, считавшего пахотных солдат потомками отставных нижних воинских чинов, поселенных в низовых губерниях во второй четверти XVIII в. [3, с. 20].

Каждое из этих определений по-своему верно, но относится к разным категориям населения, в разные периоды времени носив-

шим наименование пахотных солдат. Первая из таких категорий – потомки поселенных на засечных чертах и линиях служилых людей. География их расселения была довольно широка и включала практически все районы возведения упомянутых пограничных укреплений. Положение этих людей в XVIII в. исследовано В. И. Семевским, который считал, что слияние старых служб служилых людей (и пахотных солдат как их части) с основной массой государственных крестьян произошло вместе с уничтожением ландмилиции и установлением одинаковой для всех крестьян казенного ведомства подати в 1783 г. [9, с. 776–803].

В конце XVIII – начале XIX в. термин «пахотные солдаты» употребляется в отношении уже иной категории населения, сложившейся из отставных нижних воинских чинов. Попробуем проанализировать это по материалам Полного собрания законов Российской империи (ПСЗ). Начало образованию поселений отставных воинских чинов было положено указом 1736 г., который предписывал «отставных от службы за ранами и за болезнями и за старостию унтер-офицеров, рядовых и нестроевых, которые своих собственных деревень не имеют... селить вдоль границ на пустых землях». В качестве примера указывалось на поселения служилых людей XVII в., «которым даны были земли и которые служили пешую и конную службу» [6]. Были определены и конкретные места расселения: по Волге и впадающим в нее рекам, в пригородках Старом Шешминске и Новом Шешминске, Тиинске, Заинске, Ерыклинске, Билярске, прежние жители которых были переведены на новую Закамскую пограничную линию, а также в других местах тогдашней Казанской губернии. Район размещения поселений пахотных солдат со временем расширялся: позднее были заселены крепости Черемшанск и Кичуевск, в 1764 г. решено было поселить их на Сибирской линии «на пустых местах и в других губерниях, где удобно», в 1780 г. такие поселения появляются в Екатеринославской, а в 1789 г. – в Иркутской губернии [6].

Поначалу предполагалось исключительно добровольное переселение отставных солдат

в эти районы. Поселенцы получали по 20–30 четвертей земли на семью, ссуду хлебом и деньгами на проезд и обзаведение хозяйством, необходимое вооружение. Подобные же льготы, но в более значительных размерах, предусматривались и для офицеров, желавших поселиться вместе с отставными солдатами [6].

Созданием новых поселений правительство стремилось решить сразу несколько задач: способствовать быстрой колонизации края, поселить в пограничных районах людей, знающих военное дело и способных защитить себя и других от кочевников, устроить быт уволенных из армии солдат.

Однако среди отставных военных, которые казались подходящим колонизационным материалом, нашлось немного охотников, соблазнившихся предложенными условиями. Поэтому поселение отставных солдат на новых землях становится фактически принудительным. В 1763 г. было даже решено отправлять их «за конвоем», снаряжая большими группами как воинские команды под наблюдением офицеров [6]. С помощью этих мер удалось к 1789 г. увеличить число жителей в поселениях пахотных солдат до 31 тыс. душ мужского пола [6].

В целях безопасности вновь образуемые слободы были большими – по 100 и более дворов. Судя по статистическим сведениям середины XIX в., многие из них впоследствии превратились в крупные населенные пункты: такими стали слободы Бугульминская, Кувацкая, Письменная, Кандызская и др. [11, с. 21–51]. Авторы некоторых работ, посвященных заселению различных регионов России в XVIII – начале XIX в., отмечают значительную роль пахотных солдат в освоении новых земель и защите их от кочевников [2; 10; 12].

Первое время после образования новых поселений их жители были свободны от всех податей и повинностей, кроме строительства домов для вновь прибывающих [6]. Однако уже в 1760–1770-е гг. появились проекты обложении пахотных солдат податями, и проекты эти активно обсуждались Сенатом [6]. В 1783 г. поселенных отставных солдат решено было и впредь освободить от подушного оклада, а детей их, «удовольствовав землями... по-

ложить в равный со всеми государственными поселениями оклад... и брать с них рекрут на основании общих правил» [6]. Но такое положение существовало недолго. В 1789 г. был издан указ, резко обозначивший своеобразие этой категории населения. Пахотные солдаты и их дети навсегда освобождались от государственных податей. Вместо этого все сыновья поселенцев, достигшие двадцатилетнего возраста, должны были прослужить в армии 15 лет, после чего возвращались в свои селения, где наделялись землей. Исключение составлял один из сыновей, освобождавшийся от службы для помощи отцу в хозяйстве [6].

Такая система должна была обеспечить приобретение подавляющим большинством детей пахотных солдат необходимых военных навыков за время службы, способствовать тому, чтобы сама категория пахотных солдат не изживала себя, в хозяйство их не приходило в упадок.

Если по закону 1789 г. переселенцы были подведомственны земскому начальству, а в своих селениях управлялись выборными старшинами, то с 1810 г. было введено военное управление. В слободы пахотных солдат назначались офицеры и унтер-офицеры, обязанностью которых было в основном следить за подготовкой к службе в армии и распределением на службу [6]. Эти мероприятия, по видимости, стояли в общей цепи мер, которыми правительство пыталось преодолеть трудности в комплектовании армии, ярко проявившиеся именно в это время [1].

В начале XIX в. поселения отставных солдат существовали в семи губерниях, число жителей в них составляло 25 697 душ мужского пола (в Симбирской губернии – 3 691, Казанской – 6 058, Оренбургской – 13 334, Екатеринославской – 793, Таврической – 378, Иркутской – 857, Томской – 586) [8]. При этом следует иметь в виду, что наименование «пахотные солдаты» утвердилось за поселенцами, о которых идет речь, по-видимому, лишь в конце XVIII в., в некоторых местах они продолжали носить наименование просто поселенных отставных, а порой назывались гвардейскими поселенцами или белопахотными солдатами. Детей их обычно называли мало-

летками [4]. Сохранилась записка генерала И. Н. Скобелева, деда знаменитого М. Д. Скобелева, посвященная пахотным солдатам. В ней он отзывается о малолетках как о храбрых и умелых воинах, пользовавшихся заслуженным уважением и доверием в армии [8].

К середине 1810-х гг. идея поселений пахотных солдат отступает на задний план. Причиной этого наряду с выработкой нового положения об отставных нижних воинских чинах явилось и начало массового распространения в России военных поселений, в связи с чем поселения пахотных солдат утрачивали свое прежнее значение.

В 1816 г. решено было всех поселенных отставных «положить в подушный оклад и брать с их рекрут по очереди», после чего называть их казенными крестьянами [6]. Немедленному осуществлению указанных мер помешало нелегкое положение, в котором оказались к этому времени пахотные солдаты. Екатеринославский губернатор, например, сообщал, что их семьи «состоят из одних только малолетних или престарелых и большею частью имеют одного работника... все же вообще поддерживают тех, у которых нет в семействе способного к работам». В связи с этим губернатор просил освободить пахотных солдат хотя бы от части повинностей. О том же писал и иркутский генерал-губернатор [6].

В 1818 г. положение о пахотных солдатах было вновь пересмотрено, и они получили длительную отсрочку от уплаты податей и выполнения повинностей. В дальнейшем поселенные отставные солдаты Иркутской губернии были причислены к казачьему войску [6]. Та же участь ожидала и оренбургских пахотных солдат – уже к 1831 г. 1 937 из них получили звание станичных казаков [8]. С остальных пахотных солдат был возобновлен сбор податей: с поселенных в Казанской и Симбирской губерниях – в 1831 г., в Таврической и Екатеринославской в 1833 г., а в Томской – лишь в 1863 г. [7].

Таким образом, в начале 30-х гг. XIX в. основная часть пахотных солдат, о которых шла речь выше, окончательно слилась с иными категориями населения России. Значительная, если не преобладающая их доля стала

казаками. Остальные пополнили собой массу государственных крестьян. Некоторые из последних вплоть до второй половины века сохраняли прежнее название, правда, со словом «бывшие». Единственным существенным отличием можно считать право, предоставленное бывшим пахотным солдатам Симбирской и Казанской губерний в 1832 г.: их дети в возрасте от 20 до 35 лет могли по желанию, сверх выполнения рекрутской повинности, поступать на 15-летнюю службу в войска, за что две души из их семьи на этот срок освобождались от всех повинностей, за исключением земских. Если в армию уходили два охотника из семьи, то вся семья, независимо от числа ее членов, освобождалась от повинностей [7]. Такого права поселяне Казанской губернии лишились в 1863 г. [7], а Симбирской – вероятно, в результате так называемого «симбирского обмена» 1835 г., причем если подавляющее большинство государственных

крестьян этой губернии было превращено в удельных, то бывшие пахотные солдаты были лишь переданы в «удельное управление» (к этому времени число их достигало 4 117 душ мужского пола). В результате упомянутого обмена удельное ведомство получило земли, населенные государственными крестьянами в Симбирской губернии, отдав взамен худшие удельные имения во многих нечерноземных губерниях России [4, с. 81].

Примечательно, что изданный в 1849 г. указ категорически требовал называть этих людей государственными крестьянами, поскольку в 1830–1860 гг. при употреблении термина «пахотные солдаты» имелась в виду уже совершенно иная категория населения, основная часть которой находилась в Новгородской губернии [7]. История возникновения этой категории населения неразрывно связана с существованием в России военных поселений и представляет собой предмет специального исследования.

Библиографический список

1. *Бескровный Л. Г.* Русская армия и флот в XIX в. / Л. Г. Бескровный. – М., 1973.
2. *Ведерников Т. И.* Из истории формирования населения Степного Заволжья в XVII–XIX вв. / Т. И. Ведерников // Проблемы истории СССР. – М., 1980. – Вып. 2. – С. 107–112.
3. *Вешняков В.* Исторический обзор происхождения разных видов государственных крестьян / В. Вешняков // Журн. М-ва гос. имуществ. – 1857. – Ч. 62.
4. *Гриценко Н. П.* Удельные крестьяне Среднего Поволжья / Н. П. Гриценко. – Грозный, 1959.
5. *Клеянкин А. В.* Хозяйство помещичьих и удельных крестьян Симбирской губернии в первой половине XIX в. / А. В. Клеянкин. – Саранск, 1974.
6. ПСЗ-1. – Т. XII. – Ст. 7136.
7. ПСЗ-2. – Т. XXIV. – Ст. 23201.
8. Российский государственный военно-исторический архив. – Ф. 405. – Оп. 2. – Д. 3668. – Л. 9.
9. *Семевский В. И.* Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II / В. И. Семевский. – СПб., 1901. – Т. 2.
10. *Симонов А. Г.* Типы и формы русских поселений Среднего Поволжья / А. Г. Симонов // Очерки статистической этнографии Среднего Поволжья. – Казань, 1976. – С. 130–131.
11. Списки населенных мест Российской империи. Самарская губерния. – СПб., 1864 прил. – С. 21–51.
12. *Шульгин М. М.* Землеустройство и переселения в России в XVII первой половине XIX в. / М. М. Шульгин. – М., 1928. – С. 77–78.

Поступила в редакцию 15.11.2011.

Сведения об авторе

Тургаев Александр Сергеевич – доктор исторических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств. Сфера научных интересов: история и теория государственного управления и государственной службы в России, национальная безопасность России. Автор более 70 научных работ, в том числе 5 монографий.

Тел.: 8 (812) 314-11-32

e-mail: dp@spbguki.ru

УДК 321(470.345+470.65)
ББК ТЗ(2)5

А. А. Хамицаева

ОСЕТИЯ И РОССИЯ: особенности процесса интеграции в конце XVIII – первой половине XIX века

Ключевые слова: Россия, Осетия, государственная административная система, Осетинский нихас, обычаи, судопроизводство.

A. A. Khamitsaeva

OSSETIA AND RUSSIA: the Specifics of the Integration Process in the End of XVIII – at the First half of XIX Centuries

Key words: Russia, Ossetia, state administrative system, Ossetian nihas, customs, judicial proceedings.

Проблема взаимодействия традиционных институтов и структур власти с административными учреждениями развитой государственной системы является одной из наиболее интересных и вместе с тем малоизученных в современной историографии. Вместе с тем на современном этапе в связи с оживлением интереса к вопросам национальной политики и управления многонациональным государством эта проблема представляется крайне важной и конструктивной с точки зрения практического применения результатов. Однако исследование того, как соотносились в новых исторических условиях новое и традиционное, невозможно без серьезного представления о том, что же это традиционное представляло собой, каковы были тенденции его существования и трансформации.

Фундаментом политического устройства осетинских обществ являлся *нихас* (букв. – «беседа, речь») – народное собрание. Нихас как традиционный институт власти был непосредственно связан с управлением общества и регулированием практически всех сторон его жизни – от идеологической до экономической.

До присоединения к России и установления государственной административной системы основой механизма, регулирующего общественную жизнь, были нормы обычного права, или адаты, передававшиеся по устной традиции из поколения в поколение. «У осетин нет законов, – писал первый исследова-

тель обычного права осетин В. Б. Пфаф, – но весь порядок их общежития основывается на обычаях. Эти обычаи действуют со всею силою неизменных законов природы, не позволяющих ни малейшего отступления от них и ни малейшего исключения» [8, с. 184].

Основной задачей *нихаса* являлось, таким образом, соционормативное регулирование жизни общества по нормам обычного права. Историческими корнями *нихас* восходит к родовой организации [12, с. 29]. Каждое ущелье в Осетии имело свой *нихас*, на котором рассматривались вопросы, затрагивающие интересы всех селений данного ущелья. Такие *нихасы* были в Алагирском ущелье – это *нихас* в селении Дагом, площадка «Зилахар» недалеко от Тамиска; в Дигорском ущелье – *нихас* в с. Мацута и площадка «Мадзаска». Такие же общеущельские *нихасы* имелись и в Кургатинском и Тагаурском обществах [6, с. 226].

Осетинский *нихас* представлял собой собрание мужчин. Женщины не имели права присутствовать на *нихасе*. В собраниях *нихаса* принимали участие все совершеннолетние мужчины общества независимо от происхождения, причем присутствие на собрании было обязательным по крайней мере для одного из членов семьи. Состав *нихаса* во всех ущельях горной Осетии имел более или менее выраженный сословный характер.

Представители феодальной верхушки принимали участие в собраниях *нихаса* во время обсуждения лишь тех вопросов, кото-

рые непосредственно затрагивали их интересы. Вообще, они считали посещение нихаса недостойным для себя [4, с. 14].

Важнейшей функцией нихаса было судопроизводство как в общественной, так и в хозяйственной жизни общины: он регулировал пользование лесными угодьями, общинными пастбищами и выгонами, решал вопросы охраны посевов, назначал общие сроки начала и окончания сельскохозяйственных работ, устанавливал систему севооборота, выносил решения об устройстве подъездных путей и строительстве мостов, обеспечивал надзор над ними.

В компетенцию нихаса входило разбирательство международных конфликтов, дел об убийствах, ранениях, оскорблениях, воровстве, споров из-за имущества. Принятие в общину новых поселенцев разрешалось также общинным собранием. На нихасе решались и вопросы военного характера – о набегах или войне против другого племени или общества, об организации обороны, о сооружении оборонительных крепостей и башен [6, с. 335].

Решения нихаса подлежали официальному оглашению и доводились до сведения всех жителей села через глашатая/фидиуага [2].

Решения, которые принимались на нихасах, являлись обязательными для всех жителей селения. Если же решение выносилось на общеущельском собрании, этому решению подчинялось все население ущелья [7, с. 169].

Мера наказания вытекала из норм обычного права и по существовавшим представлениям соответствовала степени виновности. За незначительные нарушения виновный подвергался штрафу в пользу общины, а при более важных преступлениях его могли подвергнуть бойкоту или изгнать из общины (осет. *хьоды*). Применение смертной казни вызывалось непоправимым уроном, нанесенным обществу, например, в случаях пособничества врагу или сознательного распространения заразных болезней. К смертной казни приговаривались также отцеубийцы и кровосмесители. Приговоренных к смерти обыч-

но сбрасывали с высокой скалы или обрывали или забрасывали камнями [3].

Исполнение принятых на нихасе решений происходило согласно обычаю, имевшему силу закона.

Общесетинский нихас находился в Алагирском ущелье вблизи селения Дагом, в месте, называемом Мадизæн: «Для решения народного дела собирались всегда со всех сторон... на месте называемом Мадизе» [11, л. 29].

Собрание на Мадизане созывалось по вопросам, связанным с общенародными интересами осетин. К нихасу у селения Дагом обращались и в том случае, когда какой-либо из нихасов не мог разобраться в том или ином вопросе.

На нихасе не рассматривались такие вопросы, как упорядочение вопросов собственности, регулирование конфликтов, возникавших на почве кровной мести и т. п. Разбирательством этих вопросов по обычному праву занимался третейский суд, который состоял из выбранных тяжущимися сторонами посредников – тæрхоны лæгтæ (ед. ч. *тæрхоны лæг*) [5, с. 218]. Название суда «тæрхон» восходит, по В. И. Абаеву, к арийскому *trkana* – *tarkana* с широким кругом соответствий в индоевропейских языках [1, с. 275].

Судопроизводство у осетин было основано на присяге (осет. *ард*, *ард хæрын*). Это ограждало судей от обвинений сторон в нечестности или несправедливости и преследований со стороны осужденного. Если преступление не являлось очевидным фактом, не требовавшим доказательства, то в установлении истины решающее значение принадлежало присяге-клятве, произносимой публично обвиняемым или истцом. Присяга, принимавшаяся обвиняемым, должна была быть обеспечена гарантией-поручительством со стороны его рода (например, по делу об убийстве). Без такой гарантии присяга не признавалась за судебное доказательство и свидетельство невинности ответчика. Поэтому на суде вместе с присягателем в качестве соприсяжников («картамонга») выступало несколько представителей его рода.

Другими видами установления судебной достоверности у осетин еще с древних времен являлись ордалии и судебный поединок как форма «божьего суда» (осет. *хуцауы таерхон*). Ордалии или поединок применяли в отношении лиц, не имевших родственников, которые могли бы выступить на их стороне как защита и поручители-соприсяжники. В практике исполнения приговора традиционное судопроизводство осетин также опиралось на принцип коллективной ответственности рода за действия отдельных его членов. Игнорирование приговора суда, нарушение присяги, неподчинение «закону обычая» влекли за собой восстановление всего общества против нарушителя – изгнание его из общины (осет. *хьоды*), что было равносильно смертному приговору. Гарантом исполнения приговора теперь выступала вся община в лице ее собрания – *нихаса*. Это обстоятельство и дало право В. Б. Пфафу назвать общинный сход осетин «всемогущим *нихасом*» [8, с. 380].

После присоединения к России осетины в течение довольно длительного времени не испытывали практически никакого давления со стороны российской администрации. Первые попытки реформирования судопроизводства у осетин были предприняты российскими властями в 20-х гг. XIX в. Учреждение в 1828 г. во Владикавказе суда для осетин вполне обоснованно расценивалось властями как одно из главных мероприятий, призванных усилить государственно-административное влияние в Осетии. С учреждением Владикавказского инородного суда должны были, по мнению российской администрации, «утвердиться совершенно народные права тагаурцев и прекратиться бесчеловечные кровомщения».

В состав суда должны были быть избраны «почетнейшие владельцы», представлявшие различные общества Осетии и старшины от назрановских ингушей: два владельца от тагаурцев, один – от куртатинцев, один – от алагирцев и двое ингушских старшин. Кандидатуры судей утверждались командующим Кавказской линией генерал-майором Эмануэлем.

В состав Владикавказского суда не был избран кадий, поскольку власти учли весьма

ограниченную степень проникновения ислама в Осетию в первой половине XIX в. В случае необходимости «суждения духовного дела» предполагалось приглашать на заседания суда кадия из Кабарды.

Обязанностью суда было «разбирательство дел тяжёбных между всеми состояниями Тагаурцев, Куртатинцев, Алагирцев и Назрановцев, как подданных Российского Государя императора»... [10, л. 7].

Все дела в суде должны были разбираться, как сказано в источнике, «по древним обычаям и обрядам, приспособляя оные поскольку важность случаев дозволит к правам Российским». Максимально приближена была к традиционной и сама процедура судопроизводства: истец должен был явиться в суд и объявить свою жалобу, которая записывалась в специальный журнал и утверждалась подписями и печатями членов суда. Затем в суд вызывались ответчики и свидетели, показания которых также фиксировались. После того как выслушивались обе стороны, члены суда «сообразно со своими правами и обычаями», т. е. в соответствии с нормами обычного права, выносили приговор, который утверждался председателем суда. Недовольная сторона имела право обжаловать решение суда у коменданта Владикавказе, но только в том случае, если цена тяжбы превышала 200 руб. Решение уголовных дел, к которым относились убийства, измена, «возмущение в народе», «побег за пределы линии с злыми намерениями», не входило в компетенцию Владикавказского инородного суда, а подлежало «законам и строгости» военного суда.

Судопроизводство происходило на русском языке со слов переводчика и, чтобы избежать злоупотреблений, последнему было вменено в обязанность удостоверять своей подписью все бумаги. В случае неправильного перевода переводчик нес юридическую ответственность [9, л. 34].

Приспособление норм традиционного права к российскому государственному законодательству не могло, естественно, происходить без подробного и детального изу-

чения положений обычного права. Первые шаги в этом направлении были предприняты в Осетии сразу после открытия Владикавказского инородного суда. Члены суда, как представители социальной верхушки, так и простонародья, обязывались заняться «составлением правил, основанных на законах и обычаях народа для дел всякого рода...», т. е. на нормах обычного права осетин. Предполагалось создать своеобразный свод законов, основанный на обычном праве, который бы использовался в деятельности суда [9, л. 9].

В первоначальном виде Владикавказский суд просуществовал недолго. В 1830 г., после карательной экспедиции генерала Абхазова, правительство приступило в Осетии к новым административным преобразованиям: на ее территории была установлена система приставства, а Владикавказский инородный суд реорганизован в окружной. Владикавказский окружной суд, как и ранее существовавший инородный суд, призван был заниматься дело- и судопроизводством осетин и обладал также административной властью.

При реорганизации Владикавказского инородного суда в окружной российские власти в корне изменили систему судебного разбирательства. Если раньше разбор дел осуществлялся согласно обычаям и традициям горских народов, то теперь предписывалось в решении дел руководствоваться правилами «Учреждения о губерниях». Использование общероссийского законодательства позволило рассматривать во Владикавказском суде не только гражданские дела, но и уголовные преступления. Применение в судопроизводстве общероссийских законов привело к изменению состава суда, поскольку теперь участие в суде требовало специальной юридической подготовки и знания законодательства. В соответствии с высочайше утвержденным 1 апреля 1837 г. указом «О штате Владикавказского окружного суда» в его состав вошли: председатель – владикавказский комендант, судьи – два гражданских чиновника, два «депутата от народа» с совещательными голосами и секретарь суда. Таким образом, впервые на Центральном Кавказе в судопроизводстве

гражданских дел горских народов были применены российские законы. Введение нового порядка должно было, по предположению российских властей, повлечь за собой сближение местного населения с Россией. Фельдмаршал И. Ф. Паскевич отрицательно относился и к системе военного управления. Однако в 1834 г., с назначением на должность главноуправляющего барона Г. В. Розена, вновь стал актуальным вопрос об упразднении гражданской администрации и установлении военного управления. Вообще, не только ход реформ и преобразований, но и сам факт возникновения тех или иных из них на повестке дня кавказской политики всегда во многом зависел от личностных качеств и политических воззрений личности, возглавлявшей на определенный момент кавказскую администрацию. Кавказская история знает достаточно примеров того, как благие начинания и преобразования предшественников сводились постепенно на нет, а то и вовсе уничтожались «последователями», придерживавшимися имперско-шовинистических взглядов на место и способы существования кавказских народов в составе Российского государства. Барон Розен, принадлежавший к числу таких «последователей», мотивировал свои преобразования трудностью соотносить гражданскую и военную администрации и необходимостью больших расходов на их содержание.

Владикавказский окружной суд был одним из первых учреждений, которого коснулись преобразования нового главноуправляющего Кавказом. В 1836 г. власти сочли необходимым закрыть его как лишнюю административную инстанцию. С 1836 г. в Осетии продолжала существовать лишь система приставства. Все приставы теперь находились в непосредственном подчинении коменданта Владикавказской крепости. Судопроизводство велось на местах приставами и их помощниками «сообразно понятиям и обычаям горцев».

Закрытие Владикавказского окружного суда не означало, однако, что российские власти совсем отказались от намерения применять в управлении горцами «местные понятия

и обычаи». Как уже отмечалось, некоторая противоречивость и непоследовательность вообще были характерны для кавказской политики России первой половины XIX в.

Одним из проявлений таких «колебаний» было открытие в Дигории народного суда в мае 1847 г. Примечателен тот факт, что дигорцы, как «черный народ, так и старшины», сами обратились к начальнику Центра Кавказской линии генерал-майору Хлюпину с просьбой «об учреждении у них Народного суда». Мотивировали они свое желание тем, что «тяжбы, случающиеся в народе», не могли быть разбираемы и решаемы одним приставом, тем более что «старшины позволяли себе не всегда исполнять его решения» [Цит. по: 2, л. 1 об.].

Суд в Дигории был первоначально образован властями «в виде испытания», как временный, с тем чтобы впоследствии, судя по результатам его деятельности, внести в его работу коррективы или же вовсе упразднить. Он предназначался для разбора дел «между всеми классами Дигорцев: старшин, фарсалак, тумов (кумаягов. – А. Х.) и холопьев». Дела в народном суде, так же как ранее во Владикавказском инородном суде, разбирались и решались «по древним обычаям и обрядам народа Дигорского», т. е. по нормам обычного права [2, л. 3 об.].

Разбор дел в суде происходил только в присутствии дигорского пристава или его помощника. Дела «казаков и русских с Дигорцами» компетенции суда не подлежали, а должны были разбираться «по законам Российским» приставом. Тяжбы дигорцев-мусульман разбирались по шариату приглашенным эфендием. Уголовные дела, такие как «убийства, возмущения в народе, набеги в границы Кавказской Линии, нападения и хищничества», не подлежали рассмотрению народного суда, и члены суда обязаны были сообщать о них российским властям через пристава. Общее руководство судом было возложено на начальника линии Военно-Грузинской дороги полковника Ильинского.

В статусе «временного» Дигорский народный суд просуществовал до вес-

ны 1849 г., когда командующим войсками Кавказской линии и Черномории генерал-лейтенантом Завадским было принято решение утвердить суд «в настоящем его положении» [2, л. 16].

С 30-х гг. XIX в. общинное управление в осетинских обществах также постепенно заменялось государственно-административными. Осетия была разделена на сельские общества и приходы. Во главе каждого сельского общества был поставлен выборный старшина с помощниками, кандидатуры которых утверждались властями. Сельский старшина был наделен широкими полномочиями – от административных до полицейских. Однако необходимо подчеркнуть, что в большинстве случаев сельские старшины были только исполнителями решений, принятых общинным сходом-нихасом. Путем созыва общинных сходо-нихасов в обычной форме российские власти стремились приспособить методы традиционного управления к новым историческим условиям.

Подводя итоги, следует отметить, что после установления в Осетии государственно-административного управления на нихасе, кроме прочих, начали разбираться также вопросы, вносимые сельской администрацией. Деятельность первых государственных судебных учреждений в Осетии также была основана на нормах обычного права, максимально приближена была к традиционной и сама процедура судопроизводства. Нормы общественного регулирования и взгляды, выработавшиеся задолго до XIX в. и ставшие основой общественного устройства, продолжали действовать (иногда в пережитой форме) и после внедрения в осетинское общество основ государственного управления и включения его в российскую административную систему. Российские власти не стремились к одномоментным, кардинальным преобразованиям в крае, предпочитая постепенные преобразования эволюционного характера. До 60-х гг. XIX в. адаты, несмотря на влияние российского законодательства, оставались важнейшим элементом общественных отношений у осетин.

Библиографический список

1. *Абаев В. И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка / В. И. Абаев. – Л., 1973. – Т. 2. – 364 с.
2. *Берзенов Н. Г.* Из воспоминаний об Осетии / Н. Г. Берзенов // Кавказ. – 1852. – № 67.
3. *Берзенов Н. Г.* Из записок об Осетии / Н. Г. Берзенов. – Кавказ. – 1852. – № 40.
4. *Кануков И. В.* В осетинской ауле / И. В. Кануков // Сборник сведений о кавказских горцах. – Тифлис, 1875. – Вып. 8. – 45 с.
5. *Ковалевский М. М.* Современный обычай и древний закон. Обычное право осетин в историко-сравнительном освещении / М. М. Ковалевский. – М., 1886. – Т. 2. – 418 с.
6. *Магомедов А. Х.* Общественный строй и быт осетин (XVII–XIX вв.) / А. Х. Магомедов. – Орджоникидзе, 1974. – 326 с.
7. *Марков Е.* Очерки Кавказа / Е. Марков. – СПб., 1904. – 269 с.
8. *Пфаф В. Б.* Народное право осетин / В. Б. Пфаф // Сборник сведений о Кавказе. – Тифлис, 1871. – Т. 1. – 286 с.
9. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). – Ф. 13454. – Оп. II. – Д. 466.
10. РГВИА. – Ф. 13454. – Оп. II. – Д. 74.
11. Центральный государственный архив Республики Северная Осетия – Алания. – Ф. 291. – Оп. 1. – Д. 6.
12. *Чиковани Г. Д.* Осетинский ныхас / Г. Д. Чиковани // Кавказский этнографический сборник – Тбилиси, 1979. – Т. 5, вып. 2. – 123 с.

Поступила в редакцию 23.12.2011.

Сведения об авторе

Хамицаева Альбина Ахметовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры российской истории и кавказоведения Северо-Осетинского государственного университета им. К. Л. Хетагурова (СОГУ). Область научных интересов: обычное право, миграционные процессы на Кавказе, социальная история Осетии, история Осетии XVIII–XIX вв.

Тел.: 8 903 484-03-99

e-mail: hares@inbox.ru

УДК 323.327(470.41)
ББК ТЗ(2)5

С. В. Першин

СОСТОЯНИЕ ЦЕХОВОГО РЕМЕСЛА г. КАЗАНИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX века

Ключевые слова: цехи, цеховое общество, ремесленная управа, городская дума, голова, старшина, магистрат, гласные, подати.

S. V. Pershin

THE STATE OF CRAFT-GUILD IN CITY KAZAN IN FIRST HALF OF XIX CENTURY

Key words: guilds, guild society, Crafts council, city council, the head foreman, magistrate, taxes.

Опубликованное в 1785 г. Ремесленное положение обязывало магистраты и ратуши из городских жителей, занимавшихся одним ремеслом, сформировать цехи или ремесленные управы [2, с. 168–173]. Ежегодно цеховым из своих мастеров полагалось избирать управного старшину и двух старшинских товарищей, приступавших к исполнению обязанностей после согласования их кандидатур с магистратом или ратушей. Старшина и его помощники были призваны: надзирать за производством ремесленниками работы в соответствии с предписаниями управы; контролировать сроки исполнения заказов; рассматривать жалобы на высокую цену и низкое качество изделий мастеров; отслеживать сохранность и своевременное пополнение ремесленной казны, ежегодно представляя сходу финансовую отчетность. К обязанностям управного старшины, кроме этого, относилось участие в заседаниях городской думы.

Важной функцией цехов являлся контроль над пополнением ремесленной общины. Управы были призваны регистрировать мастеров, подмастерьев и учеников, внося их в особые книги. Вели делопроизводство приносящие мажоры, за свой труд вознаграждавшиеся из общественных сумм.

Управный старшина и старшинские товарищи имели право собирать принадлежащих к своему цеху ремесленников каждые четыре месяца; внеочередные сходы созывались в случае особой необходимости. Собираться

управы должны были в специально отведенных для этого местах (при отсутствии таковых разрешалось проводить сходы в трактирах), где помимо хранившихся в особых ящиках документации, денежных средств, печатей, штемпелей находились выданные управой меры веса, длины и прочие инструменты, необходимые для оценки качества производимых товаров.

На рубеже XVIII–XIX вв. законодательные основы городского управления претерпели существенные изменения. Вступив на престол, Павел I пожелал переустроить на свой лад многое из учрежденного его матерью Екатериной II. Недовольный уровнем развития ремесла в России, новый император подписал 12 ноября 1799 г. Устав цехов. В соответствии с данным узаконением внедрялись должность алдерманов, усиливалась дисциплинарная власть в цехах, упрощался порядок перевода в мастера, подмастерья получили возможность приработка в свободное время [11, с. 99]. Однако краткость правления Павла не позволила воплотиться в жизнь большинству его начинаний. При Александре I Ремесленное положение 1785 г. вновь обрело законную силу.

В данной статье мы попытаемся выяснить, каким образом выглядела и какие претерпела трансформации на протяжении первой половины XIX столетия цеховая организация Казани – одного из наиболее развитых в экономическом плане городов средневожского региона.

В первые десятилетия XIX в. структура цехового ремесла в Казани, как и в других губернских центрах поволжского региона, соответствовала положению 1785 г. [11, с. 180, 186, 193]. Социальные ресурсы и уровень развития ремесленного производства позволили местной власти сформировать в соответствии с узаконениями цехи и управы, однако до их деятельности, как свидетельствуют документы, ни городскому, ни губернскому начальству дела не было.

Например, среди сведений, подготовленных по поручению начальства Казанской думой в 1811 г. для сенатской проверки, нами обнаружено лишь упоминание о количестве цехов и ремесленников [4, л. 7]. К пяти управам – портной, кузнечной, сапожной, хлебной и столярной – были приписаны 182 мастера, 102 подмастерья, 113 учеников. Если верить «Ведомости о числе граждан в губернском городе Казане», то из 988 цеховых только 397 чел. имели отношение к ремесленной организации.

Отвечая в 1823 г. на запрос гражданского губернатора, присутствие казанского магистрата было вынуждено признать, что ничего не знает о структуре и финансах цехов. 3 июня 1823 г. Казанская дума «уведомила магистрат сей что в городской доход со здешних цехов ни с котораго и ни сколько не поступает, да и сколько существует цехов или ремесленных управ сведения в думе нет» [5, л. 1].

По распоряжению магистрата общественники собрали для губернского начальства информацию о казанских цехах. Ремесленным головой в то время состоял Григорий Иванов Бровкин, управными старшинами являлись: хлебной – Гаврила Иванов Юдилов, портной – Михайла Иванов Бежболдинской, кузнечной – Гаврила Леонтьев Кузнечиков, сапожной – Тит Андреев Шилов, столярной – Андрей Федоров Шубников, серебряной – Петр Васильев Рукавишников [5, л. 1 об.].

Судя по переданным Г. И. Бровкиным сведениям, без вмешательства городского и губернского начальства дела цехов обставили вполне сносно. Всего по окладу цеховых числились 710 душ. Каждая управа распо-

лагала собственными средствами (табл. 1), ответственность за которые несли старшины. Дефицитным был бюджет лишь одной, самой малочисленной ячейки ремесленной организации – серебряной управы. По итогам 1821 г., дабы «свести концы с концами», старшине этой управы П. В. Рукавишникову пришлось даже вложить собственные деньги.

Интересно, а на какие цели шли собираемые с ремесленников средства? Для того чтобы ответить на этот вопрос, процитируем ведомость сапожной управы, доставленную ремесленным головой в магистрат. Расходы сапожников в 1821 г. составили 253 руб. 23 ½ коп., в том числе было употреблено: «на покупку книг 2 руб. 50 коп. бумаги 2 руб. снуру 7 коп. на промен целковаго (серебряная монета. – С. П.) 30 коп. за служение молебна с акафистом (церковный гимн. – С. П.) священнику 2 руб. восковых свеч на 2 руб. прощено ремесленникам Ивану Муравьеву и Семену Стрелкову должных управе 100 руб. выдано бывшим в 1820 г. старшине Филипу Журалевскому и его товарищу Гавриле Гурьянову за службу жалованья 70 руб. священнику за привод к присяге балатирующих людей 2 руб. на покупку чернил 2 руб. выдано в жалованье маклеру Викторинскому и сторожам 40 руб. 66 ½ коп. промену на 13 целковых 3 руб. 90 коп. на управной расход 25 руб. 80 коп.» [5, л. 2].

Помимо жалованья выборным и разного рода организационных нужд, часть финансов казанских ремесленников расходовалась на содержание особого помещения – «управной горницы» [5, л. 1].

Обособленное существование цеховых управ продолжалось предположительно до середины – второй половины 1820-х гг. Ситуация с регламентацией ремесленной деятельности начала меняться после того, как правительство приступило к наведению порядка в податном хозяйстве.

14 ноября 1824 г. было утверждено подготовленное министром финансов Е. Ф. Канкриным «Дополнительное постановление об устройстве гильдий». Суть узаконения, направленного, по мнению советских исто-

Таблица 1
Доходы и расходы цеховых управ г. Казани в 1821 г., руб., коп. [5, л. 1 об.–3]

Управа	Поступило в приход			Израсходовано	К 1822 г. в остатке
	остаток от прошлых лет	в 1821 г.	всего		
Хлебная	909 руб. 50 коп.	2 547 руб. 75 коп.*	3 457 руб. 25 коп.	491 руб. 18 коп.	2 966 руб. 7 коп.
Сапожная	584 руб. 87 1/2 коп.	314 руб.	898 руб. 87 1/2 коп.	253 руб. 23 1/2 коп.	645 руб. 64 коп.
Портная	570 руб. 15 коп.	650 руб.	1 220 руб. 15 коп.	130 руб. 40 коп.	1 089 руб. 75 коп.
Столярная	250 руб. 60 1/2 коп.	269 руб.	519 руб. 60 1/2 коп.	179 руб. 88 1/2 коп.	339 руб. 72 коп.
Кузнечная	26 руб. 58 1/2 коп.	188 руб.	214 руб. 58 1/2 коп.	72 руб. 1 1/2 коп.	142 руб. 57 коп.
Серебряная	25 руб. 94 коп.	65 руб.	90 руб. 94 коп.	107 руб.**	–

* В том числе возвращено 1 404 руб. долга.

** В связи с превышением расходов над доходами старшина П. Рукавишников потратил собственные средства в размере 16 руб. 89 коп.

риков, на укрепление позиций средней буржуазии в торгово-промышленной деятельности, известна: гильдейская подать вместо процентного сбора с объявляемых капиталов преобразовывалась в неизменный оклад; в торговое обложение вводилось новое начало – билетный сбор с излишнего против положенного числа лавок; мещане, занимавшиеся торговлей, были обязаны приобретать свидетельства (прежде они освобождались от промыслового обложения). По сведениям П. Г. Рындзюнского, вследствие протеста горожан уже в 1825–1827 гг. правительство было вынуждено отменить многие наиболее существенные положения гильдейской реформы [12, с. 151–152].

Так или иначе, но в Казани именно в те годы активизировалось вовлечение городских и пришлых ремесленников в цеховые организации. 19 августа 1827 г. старшины портной, столярной, сапожной, кузнечной и серебряной управ рапортовали думе о том, что, несмотря на их многочисленные обращения, казанские и иногородние мастера приписаться к управам с имевшимися у них работниками и учениками не пожелали. Старшины обратились к думе с ходатайством понудить не вступивших в цехи и имевших задолженности ремесленников «чрез кого следует»; до получения соответствующих разрешений они предлагали запретить деятельность незаконных заведений [6, л. 4 – 4 об.].

Рассматривая прошение цеховых, гласные думы руководствовались Положением о доходах и расходах г. Казани, несколько пунктов которого касались порядка взимания с ремесленников податей: «37. Мастерские временно приписывающиеся к учрежденным в Казани цеховым управам должны платить ежегодно мастер 12 руб., подмастерье 9 руб., работник 6 руб., а ученик 3 руб. За всех сих отвечает платежом мастер или хозяин а управа принимая оныя снабжает его по числу людей свидетельством им вносимой суммы половину оставляя временной казне другую представляя при отчете в думу для присоединения к градским доходам. 38. Дворовые люди в домах господ своих живущие и для собственного их употребления занимающиеся работою от сего платежа изъеются. 39. Вообще никто из мастерских не заплатив... не имеет права выставить... ремесла своего и за нарушение правил во всяком случае подвергаются платеж в двое в пользу городских доходов» [6, л. 4 об.].

2 сентября 1827 г. Казанская дума приказала старшинам: всех ремесленников, не имеющих на производство работ разрешений, а также недобросовестных плательщиков внести в особый список, в котором должны были поименно указываться место проживания, количество подмастерьев и учеников, род занятий [6, л. 4 об.]. 15 сентября 1827 г. дума

постановила рапорт старшин с приложенным к нему регистром передать казанской полиции с просьбой принять соответствующие меры по защите интересов цехов [6, л. 5].

Ремесленники начали сдавать полагавшиеся с них средства лишь после того, как в дело вмешалась городская полиция. 3 апреля 1829 г. казанская полиция уведомила думу о том, что с проживавших в ведомстве первой части города мастеровых, упомянутых в регистре от 15 сентября 1827 г., положенные деньги были затребованы.

9 июня 1836 г. Казанское губернское правление постановило создать печную управу с причислением к ней печников, каменщиков и штукатуров. Круг лиц, с которых следовало взимать деньги установленным порядком в городскую и ремесленную казну, таким образом расширился.

По получении предписания правления ремесленники под руководством головы Кожевникова должны были избрать еще одного старшину. Последнему приказывалось незамедлительно заняться составлением списка всех казанских печников, каменщиков и штукатуров. Как само формирование новой структуры, так и срочность исполнения распоряжения начальства были вызваны необходимостью взыскания акцизов в разгар строительного сезона [7, л. 1 – 1 об.].

Распоряжением думы от 20 июня 1836 г. ремесленники оповещались о разрешении губернского начальства взимать средства в пользу управы и в доход города с временно занимавшихся штукатурной и печной работами на основании § 37 Высочайше подтвержденного Положения о доходах и расходах г. Казани.

Стараниями нового старшины Николая Иванова Рожина опись казанцев, которых следовало приписать к печной управе, была составлена. Всего в нее был внесен 21 мастер, в том числе 7 печников, 6 штукатуров, 4 каменщика. Несмотря на многократные обращения Рожина, внести сбор за прошедшую половину года все упомянутые в списке мастера отказывались. Старшина был вынужден прибегнуть к помощи ремесленного

головы, а тот в свою очередь – просить думу «проживающих в городе Казане печников, каменщиков и щекотуров, чрез кого следует к платежу в ремесленную управу и в доход города понудить» [7, л. 3].

Еще с большим трудом новшества внедрялись среди работавших в Казани иногородних ремесленников. 6 июля 1836 г. в городскую думу были вызваны 10 подрядчиков каменных и штукатурных работ, прибывших из Нижегородской, Ярославской и Костромской губерний. Городское начальство оповестило их об образовании печной управы и обязательности выплат в пользу местных учреждений [7, л. 7].

Группа подрядчиков и мастеров требование думы вносить в доход управы деньги наравне с казанскими ремесленниками сочла противозаконным. Занимавшиеся строительными работами выходцы из Нижегородской и Костромской губерний обратились к военному губернатору с просьбой рассмотреть справедливость данного сбора, однако губернское правление распоряжение казанского городского магистрата об отчислении в пользу ремесленного и городского обществ нашло правильным [7, л. 27].

Не поддержанные губернской администрацией пришлые ремесленники, мягко говоря, не особо спешили расставаться с заработанными деньгами. 22 октября 1836 г. Н. И. Рожин сообщил начальству о том, что долг 19 мастеров, 8 подмастерьев, 342 работников и 129 учеников (498 чел.) достиг 1 321 руб. 50 коп., внесены же были всего 48 руб. [7, л. 22–25] Лишь с помощью полиции к началу 1837 г. старшине печной управы удалось собрать с временно записанных мастеров, работников и учеников 1 500 руб. [7, л. 33]

Сложно сказать, многим ли иногородним мастерам удалось по окончании работ избежать обложения, покинув Казань. Судя по вниманию губернского начальства к пополнению казны в то время, первый опыт деятельности печной управы вряд ли оценивался администрацией положительно. 11 марта 1837 г. военный губернатор распорядился:

«Вследствие рапорта сей думы о деньгах, считающихся в недоимке в пользу города и печной управы с мастеровых и их подмастерьев, о взыскании коих дума отнеслась в октябре месяце 1836 года в казанскую градскую полицию... я предписываю на будущее время во избежание затруднений, встречающихся при взыскании таковой недоимки, взыскивать... деньги вперед при выдаче билетов на производство мастерства» [7, л. 40].

Анализ состояния исследуемой цеховой конторы в конце 1830-х гг. позволяет предположить, что даже в таком крупном торгово-промышленном центре, как Казань, ремесленники не особо стремились записаться в цеховые. В 1837 г. насчитывалось 924 казанских цеховых. В два следующих года прирост цехового общества составлял всего по 1 чел. мужского пола [8, л. 6 – 6 об.]. В течение 1838 г. членами цехового общества стали 4 ясашных крестьянина Казанского уезда, 2 вольноотпущенника, 3 ясашных крестьянина Свяжского уезда; убыли из цеховых в казанские гильдии 8 чел. [8, л. 6 – 6 об.].

Выплаты в пользу ремесленного общества в 1838 г. включали в себя: 44 $\frac{1}{2}$ коп. с души на земскую повинность, по 21 коп. – на вспоможение земского капитала, по 30 коп. – на водные и сухопутные сообщения; кроме того, на поставку рекрутов, продовольствие, содержание цеховой конторы и прочие общественные повинности ремесленники сдавали еще по 15 коп. с души. Приобретение свечей и канцелярских товаров, плата служащим при цеховой конторе (письмоводителю и двоим рассыльным), а также вознаграждение священников за труды в 1838 г. обошлись цеховым в 1 274 руб. 59 коп. (51,7 % всех земских повинностей) [8, л. 9–10].

Численность иногородних ремесленников значительно превышала количество казанских мастеровых людей. 29 декабря 1837 г. выполнявший задание губернского начальства ремесленный голова А. Паяльщиков подал выписку, в которой сообщал о 1 803 иногородних ремесленниках (мастерах, рабочих и учениках), находившихся на тот момент в Казани [1, с. 27].

Что же заставляло пришлых ремесленников саботировать распоряжения местного начальства? Как нам представляется, такого рода поведение было обосновано стремлением отходников любыми путями минимизировать собственные расходы, в том числе воспользоваться несогласованностью действий административных и полицейских органов. Тем более, что в большинстве городов Поволжья выплаты в пользу цехов как дополнение к городскому обложению и казенным податям в то время еще не практиковались.

В том же году стремление насильно легализованных мастеров к справедливому обложению податями и повинностями (вполне возможно, также и желание ремесленников, осознавших первые успехи цехов, укрепить их) подвигло казанцев к дальнейшему усложнению ремесленной организации. 31 марта цеховые на собрании постановили по аналогии с печниками и каменщиками обложить новым сбором плотников и пильщиков [10, л. 2].

Рассмотрев приговор ремесленников, 27 мая 1838 г. гласные поддержали их ходатайство: «Поелику членам думы известно, что многие казанские и иногородние подрядчики содержат у себя значительные артели плотников, сделали себе из того постоянный промысел, не платя за сие ни градским, ни ремесленным доходам никакого акциза. А как казанские цехи приговором предполагают учредить плотничную управу... каковое учреждение здесь в Казане плотничной управы, для увеличения градских и управных доходов, градская дума признает необходимо нужным; почему... войти с представлением в казанское губернское правление» [10, л. 1 об.].

Однако губернское правление не разделило мнения общественников и не особо спешило с одобрением постановления цеховых. 22 июня 1839 г. ремесленный голова Паяльщиков обратился к думе с просьбой повторно задать начальству этот вопрос [10, л. 5 – 5 об.]. Не дождавшись соответствующего распоряжения, 18 марта 1840 г. думцы вновь напомнили о своем прошении [10, л. 7].

Медлительность администрации была связана с тем, что она исходила из необхо-

димости учитывать не только мнение выборных, стремившихся пополнить цеховые и городские доходы, но и важность защиты интересов основной массы жителей Казани. В отличие от каменщиков многие плотники, минуя посредников, поодиночке или небольшими артелями исполняли заказы обывателей, плата за которые была относительно небольшой. Дополнительные сборы могли повысить стоимость предоставляемых населению услуг и в итоге – негативно сказаться на внешнем виде губернского центра.

30 марта 1840 г. правление наконец-то поручило ремесленному голове Золотову заняться организацией плотничной управы [10, л. 10]. В тот же день администрация указала думе: «Чтобы упомянутому взысканию подвергаемы были только подрядчики плотничного и пильного мастерства с своими подмастерьями и работниками, исключая тех рабочего класса людей, кои для прокормления себя нанимаются порознь поденно и получают плату от самих хозяев» [10, л. 9].

2 апреля 1840 г. цеховые приговорили избрать на место плотничного старшины происходившего из вольноотпущенников Павла Павлова Зуева. Цеховое общество ручалось перед думой за предложенную кандидатуру, охарактеризовав П. П. Зуева как честного человека, с давних пор проживавшего в Казани, имевшего в городе недвижимость, способного исполнять возложенные на него обязанности [10, л. 13].

Таким образом, к началу 1840-х гг. казанские цехи охватывали все основные сферы ремесленного производства (или, по крайней мере, формально имели к ним отношение).

Закономерным этапом в развитии цеховой организации стало обращение ее представителей к проблеме соответствия структуры занятости городских жителей их сословной принадлежности.

Состав цехов обсуждался руководителями цехов на состоявшемся в июне 1843 г. собрании. Голова и старшины, в частности, рассуждали: «Роды ремесел подразделяются на общества под названием цехов. Каждый цех устанавливается из людей, производящих

одинакое ремесло [270 статья ремесленного постановления тома XI свода Законов]. Промысел ремесленных цехов определен в 278 статье оных постановлений тома XI свода Законов. И сим подтверждается смысл, что всякий принадлежащий к цеховому обществу должен быть производящим ремесла. Это равно требуется от цехов называемых вечными и временными, не название только цеховыми, самое производство ремесла или рукоделия есть основание для причисления к обществу цехов [351 ст. ремесленного постановления тома XI свода Законов] ... Не ремесленники или не производящие ни ремесел, ни рукоделий, не суть цеховые» [10, л. 416 – 416 об.]. Выборные отметили, что среди казанцев встречается много таких, которые только числятся цеховыми, но на самом деле не имели к ремеслам никакого отношения. Часть приписанных к казанским цехам вели происхождение от вечно-цеховых, некоторые, не проходя обучения мастерству, перешли в цехи из других сословий и состояний.

На июньском собрании указывалось на последствия причисления к ремесленному обществу «мнимых» цеховых: «Их большое число, и они вмешиваясь на сходках в суждение ремесленников, большинством своим отнимают средства правильных распоряжений. Самое употребление ремесленной казны по сей причине бывает не для ремесленников и других по ремеслам нужд, для чего и составляется она; но для самих тех только называемых вечными цеховыми, а в самом деле вовсе не цеховых» [10, л. 416 – 416 об.].

Данные, приводимые К. А. Пажитновым, относящиеся, скорее всего, к началу 1860-х гг., подтверждают обоснованность заявления казанских ремесленников о несоответствии статуса вечно-цеховых их профессиональной деятельности. В монографии К. А. Пажитнова «Проблема ремесленных цехов в законодательстве русского абсолютизма» упоминается о том, что в Казани «из 3 575 лиц, числящихся ремесленниками, оказалось не более 50 вечно-цеховых, занимавшихся мастерством; остальные служили лакеями или занимались мелочной торговлей» [11, с. 126].

К. А. Пажитнов также писал в своей книге о том, что царское правительство отводило «главенствующую роль в управлении ремесленными делами ничтожной кучке вечно-цеховых и отстраняя от этого управления основную массу ремесленного класса» [11, с. 126]. По мнению Пажитнова, устранение временно-цеховых, «составляющих подавляющее большинство членов ремесленного общества, от решающего участия в его делах, естественно, должно было отразиться отрицательным образом на практике органов ремесленного самоуправления: вместо того, чтобы служить интересам массы членов, они стали преследовать узко эгоистические, личные цели» [11, с. 126]. Не обнаружив в законодательстве XVIII – первой половины XIX в. упоминаний об ограничении прав цеховых, К. А. Пажитнов предположил: подобный порядок в условиях вырождения цехов установился на основе административной практики при попустительстве либо по прямому указанию МВД [11, с. 126].

В «Социальной истории России» Б. Н. Миронов делает аналогичный вывод о захвате власти вечно-цеховыми: «Только потомственные горожане-ремесленники, так называемые вечно-цеховые, на долю которых приходилось менее половины всех цеховых, обладали сословными правами и участвовали в самоуправлении. Временно-цеховые, т. е. ремесленники, принадлежавшие к другим социальным группам и временно приписанные к цеху ради получения разрешения заниматься ремеслом в городе, никакими корпоративными правами не пользовались, это был текучий элемент в составе цехов, затруднявший формирование крепкой общины среди ремесленников» [3, с. 497–498].

Выводам вышеупомянутых исследователей о бесправии временно-цеховых противоречит положение, принятое Казанской ремесленной управой в июне 1843 г. Для установления надлежащего порядка ремесленной голова по поручению общественности ходатайствовал перед магистратом [9, л. 418]: 1) оставить в подчинении ремесленной управы только горожан, действительно

занимавшихся ремеслами; 2) так называемых вечно-цеховых, желавших стать ремесленниками, обязать записаться в цеховые книги; 3) «только таких цеховых постоянных или временных допускать к участию по делам управления ремеслами, устраняя от сего всех прочих, хотя называемых цеховыми; но не принадлежащих ни к какому ремеслу, а самая сходка ремесленных цехов и всякое по делам их действие дозволить иметь независимо от общества непринадлежащих к ремеслам цеховых в особом на счет ремесленной казны помещении»; 4) отменить поручение голове и старшинам собирать подати и отслеживать исполнение повинностей цеховыми, не имеющими никакого отношения к ремесленным заведениям.

Рассмотрев рапорт казанского городского магистрата, губернское правление 14 сентября 1843 г. приказало думе: в соответствии со ст. 270, 278 и 351 ремесленных постановлений т. 9 Свода законов сбор податей и повинностей с не имевших отношения к ремесленному труду горожан поручить избранным из их же числа старшинам [9, л. 420].

К середине XIX столетия Казанская ремесленная управа оставалась крупнейшей цеховой организацией на территории средневожского региона. По данным Центрального статистического комитета, по численности ремесленников средневожские губернии в 1858 г. расположились в следующем порядке: Казанская (5 878 чел.), Пензенская (5 326), Симбирская (3 498), Самарская (3 021 чел.) [11, с. 112–115].

В 1858 г. 3 294 мастера, подмастерья, работника и ученика официально были приписаны к восьми действовавшим в Казани цехам. Структура цехов с начала 1840-х гг. не изменилась (табл. 2).

По данным офицеров Генштаба, в 1857 г. в подчинении казанской управы состояло 73 % всех ремесленников губернии, причем пополнялись цехи в основном за счет сельской местности [1, с. 30]. Как среди работников (75 %), так и среди учеников (69 %) доминировали крестьяне; немногим меньше половины (44 %) крестьян было среди хозяев

Таблица 2
Ремесленники цехового общества г. Казани в 1855 г. [1, с. 28–30, 33]

Цех	1855 г.				
	Мастера	Подмастерья	Работники	Ученики	Всего
Хлебный	67	18	145	63	293
Плотницкий	60	–	425	129	614
Печной	39	–	264	152	455
Кузнечный	58	1	68	107	234
Столярный	69	3	154	197	423
Портной	119	13	303	333	768
Сапожный	81	–	107	149	337
Серебряный	37	13	56	64	170
Итого	530	48	1 522	1 194	3 294

мастерских. Почти $\frac{3}{4}$ работников нанималось на 1 год, остальные – на более короткие сроки. Ученики поступали к хозяевам по контрактам и жили на их полном содержании; по окончании срока обучения вместо платы они служили 1–2 года работниками у мастеров.

Определенный интерес представляют сведения «Материалов для географии и статистики России, собранных офицерами Генерального штаба», касающиеся ремесленных занятий потомков горожан: из каждых 100 хозяев-ремесленников насчитывалось только 29 мещан; относительная численность мещан-работников составила всего 14,4 %, мещан-учеников – 17,0 %. Как видим, ремесленные занятия были для казанцев менее привлекательны, нежели торговля, что послужило основной причиной низкого прироста численности ремесленной организации и пополнения ее в основном за счет бывших крестьян.

Подведем итоги нашего исследования.

В начале 1800-х гг. казанские цехи объединяли лишь некоторую часть занимавшихся ремеслом горожан и представляли собой

вполне автономные от городских органов структуры. Вовлечение ремесленников в цехи активизировалось во второй половине 1820-х гг. Занимавшиеся торговлей мещане с того времени обязывались приобретать свидетельства, ремесленники вынуждались приписываться к цехам.

Причисление к цехам было возможно при условии вмешательства администрации – активизировать пополнение цехов и ремесленной казны удавалось в основном при помощи полиции. Насильно легализованные мастера на определенном этапе сами начали проявлять инициативы, способствовавшие развитию ремесленной управы: устанавливали оставшихся не вовлеченными в цеховую организацию мастеров и подмастерьев; ставили перед городскими властями вопрос о защите узкокорпоративных интересов.

В результате описанных процессов казанская ремесленная организация к середине XIX в. претерпела определенные количественные и качественные изменения (были созданы новые управы – печная и плотничная).

Библиографический список

1. История Казани в документах и материалах. XIX век : Промышленность, торговля, финансы / под ред. И. К. Загидуллина. – Казань : Магариф, 2005. – 720 с.
2. Материалы по истории СССР для семинарских и практических занятий. Вып. 5: Социальный и сословный строй России во второй половине XVIII в. : учеб. пособие для вузов по специальности «История» / сост.: М. Т. Белявский, Л. Г. Кислягина. – М. : Высш. шк., 1989. – 352 с.

3. *Миронов Б. Н.* Социальная история России периода Империи (XVIII – начало XX в.) : генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства : в 2 т. / Б. Н. Миронов. – СПб. : Дмитрий Буланин, 2000. – Т. 1. – 548 с.
4. Национальный архив Республики Татарстан (НА РТ). – Ф. 114. – Оп. 1. – Д. 75.
5. НА РТ. – Ф. 114. – Оп. 1. – Д. 402.
6. НА РТ. – Ф. 114. – Оп. 1. – Д. 615.
7. НА РТ. – Ф. 114. – Оп. 1. – Д. 1208.
8. НА РТ. – Ф. 377. – Оп. 1. – Д. 4.
9. НА РТ. – Ф. 377. – Оп. 1. – Д. 5.
10. НА РТ. – Ф. 377. – Оп. 1. – Д. 1322.
11. *Пажитнов К. А.* Проблема ремесленных цехов в законодательстве русского абсолютизма / К. А. Пажитнов. – М. : Изд-во АН СССР, 1952. – 208 с.
12. *Рындзюнский П. Г.* Городское гражданство дореформенной России / П. Г. Рындзюнский. – М. : Изд-во АН СССР, 1958. – 560 с.

Поступила в редакцию 23.12.2011.

Сведения об авторе

Першин Сергей Викторович – доктор исторических наук, профессор кафедры экономической истории и информационных технологий Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева (Саранск). Область научных интересов: социальная история и историческое краеведение. Автор более 60 научных и учебно-методических работ, в том числе 5 монографий (3 в соавторстве).

e-mail: pers99@inbox.ru

Д. М. Пюрияйнен

МОДЕРНИЗАЦИЯ БЛАГОУСТРОЙСТВА УЕЗДНОГО ГОРОДА КАК ФАКТОР УРБАНИЗАЦИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX века (на примере г. Сарапула Вятской губернии)*

Ключевые слова: уездный город, благоустройство, социопространственная структура города, инфраструктура, урбанизация, индустриальная культура.

D. M. Pyurianen

MODERNIZATION OF IMPROVEMENT DISTRICT CITY URBANIZATION AS A FACTOR IN THE SECOND HALF OF XIX – EARLY XX century (Illustrated Sarapul Vyatka Province)

Key words: county town, landscaping, sotsioprostranstvennaya structure of the city, infrastructure, urbanization, industrial culture.

Модернизационные процессы, обусловленные реформами Александра II, стали мощным двигателем в развитии всех сфер жизни общества. Под влиянием экономических изменений трансформировалась и социопространственная структура городов. В новых условиях промышленного и урбанизационного роста необходимо было изменить их традиционное благоустройство.

Ф. Брокгауз и И. Ефрон в своем фундаментальном энциклопедическом словаре толковали благоустройство как старинный юридический термин, обозначающий законы о мерах, обеспечивавших благосостояние населения [20, с. 112]. В современной науке данный термин трактуется более широко. Он включает не только законы, но и городскую коммуникацию, эстетику городских зданий, чистоту улиц и площадей, т. е. все то, что делает жизнь в городе комфортной. Исследование благоустройства в расширенном понимании позволяет выделить степень урбанизационных и культурных процессов, протекавших в городской среде, так как именно благоустройство всегда являлось одним из признаков и одновременно результатом роста значения городов, которые

отличались и отличаются от сельской местности совершенно иной инфраструктурой и коммуникациями. Помимо прочего, благоустройство города свидетельствует об общем уровне социально-культурного и экономического развития населения, помогает отследить процесс перехода аграрного города к индустриальному, формирование нового типа культуры. В рассматриваемый период городским благоустройством занимались органы местного самоуправления, в составе которых на первом этапе их функционирования преобладали купцы, а позднее – городская интеллигенция из числа врачей, учителей и священнослужителей.

Указом Екатерины II 1780 г. большое село Вознесенское было преобразовано в город Сарапул. Основными занятиями населения были торговля и кожевенное производство. Селение было вытянуто вдоль правого берега Камы и находилось на стыке трех губерний: Вятской, Пермской и Уфимской, являясь, таким образом, естественным центром Среднего Прикамья. Первоначально, по данным источников, Вознесенское размещалось у подножия Старцевой горы, на значительно выдававшемся тогда берегу Камы, при впа-

* Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре», проект «Социальная динамика российской периферии: традиции и инновации (XV–XX вв.)».

дени в нее речки Юрманки. «С этого места, называемого Оползино (почти совсем исчезнувшего в связи с изменением русла Камы), быстро разраставшееся селение вытеснялось к юго-западу, на незатопляемую часть берега. Здесь, на возвышавшемся береговом откосе, возвели крепость, в которой разместили перенесенную из Оползина деревянную церковь Вознесения» [1, с. 297]. В дальнейшем эта территория стала центром города.

Местоположение Сарапула является типичным для российского города. Так, Л. В. Кошман отмечает, что города возводились на высоком берегу реки, в чем проявлялся ландшафтный принцип средневековой застройки [21, с. 20]. Наибольшая длина Сарапула в середине XIX в. составляла около 2 верст и 2/4 сажени (5 км 335 м), наименьшая – 1 версту и 311 саженой (2 км 798 м). Через Сарапул проходил почтовый тракт из Елабуги до г. Оханска Пермской губернии, а также до Ижевского и Воткинского заводов [26, с. 170–174]. В XVII в. здесь пролегла важная Арская дорога, соединявшая с Сибирью Центральную Россию [3, с. 3]. Северная его граница упиралась в берег р. Юрманки, а правая граничила с р. Сарапулкой. К городу тяготел обширный густонаселенный район в 100–150 верст (213,4–320,1 км) окружностью, в который, кроме Сарапульского, входили Осинский, Оханский, Бирский, Мензеленский и Малмыжский уезды с населением до 1,5 млн чел. [28, л. 65–68].

Выгодное географическое положение на стыке трех губерний, в окружении многонаселенных деревень, на окраине Черноземья и в центре Волго-Камского торгового пути стимулировало быстрый экономический рост города, что привело к увеличению как численности, так и территории поселения. Если в 1856 г. здесь проживали 6 190 чел., то в 1897 г. – уже 21 268. 13 августа 1780 г. был утвержден план Сарапула, который состоял всего из 20 кварталов и 10 улиц. Данные источников о территориальном росте города противоречивы. Так, в 1868 г. в Сарапуле насчитывалось 19 улиц, а в 1873 г. – лишь 16. В 1910 г. в городе было заселено уже 100 квар-

талов и еще 25 было занято заводами и местами под застройку [2, с. 5].

На период присвоения Сарапулу статуса города (1780 г.) лишь 6,6 % зданий были каменными, основная его застройка оставалась типично деревенской: «Дома были деревянными и своей архитектурой походили более на дома крестьян. Бедные деревянные лачуги с пузырями в окнах, вместо стекол, близко лепились друг к другу» [25, с. 151]. Данная ситуация сохранялась до реформ середины XIX в. С ростом города происходило увеличение числа каменных строений. Тем не менее из-за неточностей подсчетов данные статистики существенно различаются, так как часть зданий были сделаны как из дерева, так и из кирпича. Вероятно, в некоторые годы они причислялись к каменным, что объясняет существенное сокращение числа деревянных зданий в 1909 г.

Крыши строений были двускатными или четырехскатными. Долгое время они застилались соломой, что усугубляло и без того сложную пожарную обстановку в городе, поэтому в пореформенный период городская дума издала приказ о запрете соломенных крыш. Сарапульский обыватель отмечал, что город за первое десятилетие XX в. украсился зданиями с замечательными архитектурными ансамблями. Внешним видом и благоустройством он мог соперничать с губернскими городами [10, с. 3].

Несмотря на это, длительное время Сарапул сохранял аграрное лицо, и для него по-прежнему большое значение имела земля как источник дохода. По генеральному плану межевания 1804 г. городу отводилась площадь размером в 4 015 десятин 120 квадратных саженой (3 675,17 га): усадебной внутри городской черты – 320 десятин 750 квадратных саженой (293,6 га) и выгонной – 3 694 десятин 1 770 квадратных саженой (3 381,38 га) [30, л. 4–5]. Земля даровалась на правах общинного пользования. Л. В. Кошман видит в этом сходство с общинным использованием земли в деревне [21, с. 45]. Изначально большая часть земель распахивалась. По мере развития города наименее плодородные участки

(около 350 десятин, или 320 га), располагавшиеся близи р. Камы и Сарапулки, отдавались в аренду предприимчивым горожанам под различные производственные постройки (мельницы, амбары, кузницы, заводы и т. д.), а также сады и огороды [21, с. 45]. В ходе роста численности населения Сарапула свободные земли сокращались, а их ценность, напротив, возрастала. Запрет законодательства застраивать выгонные земли еще более усугублял ситуацию [21, с. 45]. Поэтому частыми становились аграрные споры из-за сенокосов, пастбищ и бывшей пашни. Пахотная земля на северо-западной окраине города размером в 274 десятины 2 050 саженой (250,82 га) в ходе урбанизации перестала использоваться по прямому назначению и была разделена на две части. Одна была отдана под застройку, а другая долгое время оставалась невостребованной, поросшей кустарником. Сенокосные участки сарапульчан располагались в трех урочищах: на Зеленом острове и двух луговых местах: по берегу Камы ниже города и вверх по р. Б. Сарапулке между лесными дачами до западной границы. Пастбища для скота на южной окраине, как и прочие земли, состояли в общественном пользовании. Горожанам были дарованы также два участка лесных дач, разделенные р. Сарапулкой и лугами. Первый участок с южной стороны со смешанным лесом, другой прилегал к западной части города с хвойным лесом. Эти дачи были разбиты на участки, периодически на них производилась вырубка дров для отопления городских зданий, за законностью которой следили полицейские власти.

Большое значение в жизни сарапульчан имели водные артерии: р. Кама, Сарапулка и Юрманка, а также располагавшиеся на территории города озера. Вода в них использовалась как для домашних, так и для производственных нужд, а также рыбалки. Озера были благодатным источником пресной воды, так как протекали непосредственно во дворах горожан или вблизи них. Сарапульчане активно использовали их в предпринимательских целях: устраивали общественные мойки для полоскания белья, строили

на берегах заводы и кузницы. Со временем варварская эксплуатация привела к полному загрязнению окружающих вод. Озера стали угрозой различного рода заболеваний и в 1910-е гг. были засыпаны.

В административном отношении город был разделен на две части по ул. Нагорной: с северной стороны – первая часть, а с южной – вторая. В каждой половине находился полицейский надзиратель. По городу было размещено пять теплых полицейских будок [3, с. 23]. Центр Сарапула являлся его наиболее древней частью, где располагался Вознесенский собор, построенный в 1776 г. на месте сгоревшей в 1774 г. церкви Вознесения Господня. Место перед собором стало главной торговой площадью. В 1813 г. вдоль собора пленными французами были обустроены каменные лавки для торговли [3, с. 52].

Ярмарка должна была проходить с 15 по 25 декабря, но фактически она не действовала и была перенесена ко времени ежегодного пребывания в городе иконы св. Николая Чудотворца – с 7 по 12 июля, когда от 20 до 40 тыс. крестьян округа прибывали в город поклониться святыне. В остальное время на площади действовал уездный рынок. В середине XIX в. он работал по вторникам и воскресеньям. Во второй день недели, особенно зимой, рынок был наиболее оживленным, так как именно тогда крестьяне с округи активно привозили товары. В воскресенье же как истинно православные люди они отдыхали, и торговля шла вяло [14, с. 4]. Данная ситуация была невыгодна предпринимателям, и к началу XX в. базар перенесли на вторник, четверг и субботу каждой недели [28, л. 65–68].

Коммерсанты должны были вести торговлю только в специально отведенных местах на площадях, становясь рядами. Такими площадями, кроме уже упомянутой Соборной, являлись еще две: Троицкая и Покровская. Согласно постановлению городской думы на первой разрешалось торговать скотом, зерном, мясом, рыбой, печеным хлебом, железным и щепным товаром, дровами, лесом; на Покровской – куделей, сеном, соломой, печеным хлебом и горшечным товаром, а на

Соборной – мясом, рыбой, съестными припасами, хлебом в развес и другими товарами [27, с. 43]. Фактически же такое разделение не соблюдалось. Торговля на других площадях, кроме базарной, шла плохо, и продавцы стремились всеми возможными способами попасть на нее. Места на рынках распределялись в соответствии с продаваемой продукцией. Если предприниматель вел постоянную торговлю, то он брал место на рынке в долгосрочную аренду. Остальные желающие, уплатив разовый взнос, устанавливали лари, палатки, подвижные столы или просто рогожки, а в конце торгового дня убирали их [27, с. 22].

Центр города и его северо-западная часть были заселены наиболее обеспеченными горожанами. Этот район был экологически благоприятен для проживания и удобен для развития коммерции (внизу торговой площади вдоль Камы стояли склады и амбары для товаров). Расположенная на возвышенности местность меньше затоплялась во время разливов, хорошо обдувалась ветрами, которые, высушивая улицы, не давали распространяться различным болезням. Тем не менее главная улица – Большепокровская – проходила в низине, по берегу Камы. Будучи старейшей в поселении, хотя и не особенно удобной для жизни (ежегодно затоплялась весной), она была благоприятна для промышленно-торговой деятельности. Многие предприниматели обустраивали на заднем дворе своего дома причал и сгружали с приходивших кораблей и пароходов товары в свои кладовые.

Южная часть Сарапула не являлась престижной. Дома были построены на топкой почве, окружены озерами и болотами, что способствовало распространению различных заболеваний, в том числе и эпидемий. Усугубляли санитарную обстановку и сами горожане, сбрасывая в водоемы назем и трупы погибших животных. Гниение наполняло воздух района дурным запахом и становилось источником болезней [22, с. 212]. Из-за дороговизны земли постройки стояли вплотную, что усиливало и без того неблагополуч-

ную эпидемиологическую обстановку. Санитарное бедствие обострялось социальным. В этой части города на ул. Рождественской располагались дома терпимости. Столь же малопрестижным был район р. Юрманки: «Берега Юрманки были густо застроены малыми домиками бедного класса жителей; эта скученность домов и запруживание плотинами во многих местах Юрманки для стирки белья, а также попадающие в нее нечистоты из домов, портят ее воды и воздух» [22, с. 212]. Наименее благополучной частью города была крестьянская слобода, которая в начале XX в. называлась Сосновской или Старческой. Располагаясь у северной границы, она вплотную примыкала к городскому центру. Именно эта близость к городу объясняла процессы, протекавшие в слободе.

В 1866 г. Вятский статистический комитет опубликовал ряд сведений, где отмечалось, что «г. Сарапул замечателен в том отношении, что среди его жителей находится общество государственных крестьян, занимающих своими жилищами 69 дворовых участков. Эти крестьяне никогда не занимаются хлебопашеством, а принадлежат к разряду городских ремесленников и промышленников. Подушную землю они отдают в оброк соседним поселениям, как свою крепостную собственность; то же самое они делают и со своим лесом и рыбными ловлями на р. Каме» [13, с. 9–10]. Крестьянская слобода росла за счет приезжего сельского населения. Мигранты прибывали сюда главным образом из-за дешевизны жилья, так как хижин слобожан сдавались значительно дешевле, чем в городе [3, с. 22]. Поэтому слобода была своеобразным социальным дном, где проживали маргинальные слои населения. С другой стороны, дешевизна земли и рабочей силы привлекала сюда предпринимателей. В 1910 г. здесь располагались 2 канатных завода, 2 гончарных, 10 кирпичных, 1 завод для выделки олифы и масляных красок и до 10 кузниц [28, л. 65–68]. Таким образом, крестьянская слобода являлась органичной частью города. Современники понимали это, несколько раз «крестьяне» обращались с

просьбой присоединить их к городу, но вопрос каждый раз оставался нерешенным. Так, фактически слившись с городом, слобода формально продолжала оставаться сельским поселением.

В скором времени утвержденная по высочайшему плану территория не могла вместить всех желающих. В ходе развития город начал обрастать мещанскими слободами, которые фактически являлись его частями, но не значились на официальном плане. С северной стороны поселения у р. Юрманки находились слободы Юрманка, Солдатская и гора Старческая (по преданию, названная так от принадлежности данной местности Яромаскому монастырю, уничтоженному в конце XVII в.). На юге располагалась слобода Песчаная, которая в 1874 г. из-за наводнений была перенесена на западную, возвышенную, часть города [15, с. 3–4]. К концу XIX в. за р. Б. Сарапулкой образовался рабочий поселок, называемый заводской слободой [29, л. 201]. Процесс разрастания города был непрерывным. Старые мещанские слободы входили в его черту, но на окраинах появлялись новые рабочие поселки.

Молодой, активно развивавшийся город нуждался в обустройстве территорий. В начале исследуемого периода, в 50–60-е гг. XIX в., согласно указу Екатерины II от 1 сентября 1778 г. городское благоустройство находилось в ведении местного общества, которое не располагало большими средствами. Государство, хотя и заботилось о внешнем облике империи, испытывало постоянный финансовый дефицит и не могло тратить необходимые суммы на развитие городской инфраструктуры. Ситуацию коренным образом должна была изменить реформа 1870 г., когда в ведение городских дум были переданы все хозяйственные дела, в том числе и благоустройство. С 1871 г. ежегодно местное самоуправление издавало постановления, неприменные для всех жителей.

Обязанность наблюдения за исполнением постановлений возлагалась на полицейские чины, но им помогали и горожане. Согласно опубликованным распоряжениям 1873

г. спокойствие и порядок в городе обеспечивали караульщики. Разгуливая по улицам Сарапула, они сигналами трещотки поднимали горожан в случае пожара, кражи или других нарушений. В каждом квартале на год назначался староста, который следил за работой караульщиков, регулировал их очередность и был подотчетен городской управе. Он освобождался от несения караула [27, с. 26]. Возможно, это распоряжение констатировало порядок, который существовал в городе с давних времен. По прошествии ряда лет сарапульчане отказались от обременительной обязанности и стали нанимать караульщиков. В 1897 г. среди профессий горожан числилось большое количество данных служащих, как правило, из крестьян.

Для молодого самоуправления остро встал вопрос снабжения жителей водой. Традиционная застройка предполагала размещение поселений главным образом вдоль речных артерий, которые наряду с колодцами служили основными источниками воды. Но активная урбанизация отдаляла строения от естественных водоемов, и возникала необходимость в водопроводе. Строительство первого общественного российского водопровода в Москве закончилось еще в 1805 г. Он состоял из бассейнов-фонтанов, из которых возчики-водоносы развозили в бочках воду по домам [21, с. 92]. Такое устройство водопровода стало типовым.

В первой половине XIX в. в городах Европейской России появились первые общественные водопроводы. Среди передовых оказался и Сарапул. Именно в этот период там была обустроена небольшая ветка с деревянными трубами, по которым вода шла самооттеком из подземных родников к резервуарам для ее скопления, которые местные жители называли бассейнами. Эти емкости были открыты, и в них вместе с водой накапливались атмосферные осадки, пыль, грязь и другой мусор. Именно из них горожане черпали воду для домашнего потребления, но использовать ее в промышленных и других целях строго запрещалось. Главный резервуар был устроен на ул. Вознесенской. Он накапливал воду,

которая являлась неприкосновенным запасом города [6, с. 3–4]. В 1884 г. А. Т. Шитовым была проведена новая ветка водопровода, доставлявшая воду к нему на дачу, реальному училищу, женскому монастырю, а также к резервуарам двух площадей. Но, несмотря на увеличение объемов водопровода, доставка воды продолжала оставаться неэффективной, так как деревянные трубы быстро перемерзали и позволяли употреблять воду только с июня до первых морозов. В остальное время сарапульчане пользовались естественными водоемами и колодцами. В ноябре 1886 г. жители второй части Сарапула обратились к городской думе с просьбой провести ветку водопровода из фонтана с Троицкой площади, где лишняя вода выливалась на землю, на перекресток ул. Тихоновской и Рождественской, установив там чан. Они испытывали крайнюю потребность в воде, поэтому весной и осенью вынуждены были брать ее из колодцев с примесью грязи и песка. Дума рекомендовала управе составить смету, но обустройство регулярного водоснабжения затянулось на десятки лет [16, л. 164].

Купец 1-й гильдии старообрядец У. С. Курбатов, понимая важность решения проблемы водоснабжения для горожан, предложил думе помочь в его проведении и обещал пожертвовать для подъема воды паровую машину в восемь сил. Но члены управы инициативу не поддержали и на предложение не откликнулись. Тем не менее остроту проблемы осознавали и сами «отцы города». В 1880-е гг. бывший сарапульский глава, купец 2-й гильдии Н. Ф. Барабанщиков, пожертвовал 1 600 руб. на устройство водопровода из ключа Батманихи в город. Однако вопрос вновь остался открытым, поскольку отпущенная сумма оказалась недостаточной. Тогда деньги были положены под процент и со временем значительно увеличились. В 1891 г. вопрос снова был поднят на заседании думы. Жертвователю предполагалось проведение водопровода на ул. Вознесенскую, Воскресенскую, Спасскую и Смоленскую. Но решено было ограничиться ремонтом ветки до Троицкой площади, что привело к снижению

финансовых затрат города. Поддерживая начинания органов местного самоуправления, купец 2-й гильдии Михаил Петрович Курбатов выразил желание пожертвовать мощную паровую машину в десять сил для бесперебойной работы насосной станции [17, л. 174–176]. В итоге в 1893 г. вторая линия водопровода была построена, но качество поступавшей воды оставалось низким. К тому же водопровод охватывал не весь город, поэтому перебои с водоснабжением сохранялись.

Коренным образом изменить ситуацию с водоснабжением сумел купец 2-й гильдии Павел Андреевич Башенин, который за время службы городским главой обустроил регулярный водопровод и электростанцию. Водонапорная и очистительная станции стояли на берегу Камы, так как только полноводная река могла обеспечить нужды разрастающегося города. На столь крупную перестройку водоснабжения у города не было средств, и городской управе пришлось пойти на масштабный заем. Часть средств обеспечили горожане, покупая облигации, обещавшие высокие проценты [4, с. 9–11]. Вследствие бюджетного дефицита вода была платная – 1,5 руб. за 1 000 ведер. Электричество также являлось удовольствием не из дешевых – 20 коп. за киловатт. К тому же в первое время в целях экономии электроэнергию после двух часов ночи отключали. По мнению Л. В. Кошман, водопроводы не были популярны в российских городах. На стыке веков лишь 20,6 % городов с населением свыше 10 тыс. чел. имели водопроводы [21, с. 98]. По благоустройству Сарапул постепенно начал входить в число передовых городов страны.

Новая эпоха остро поставила вопрос об освещении города. В дореформенный период многие уездные и губернские города освещались масляными или скипидарными фонарями, которые в 1860-е гг. были заменены на керосиновые [21, с. 81]. Данных о наличии или отсутствии освещения в Сарапуле в этот период мы не имеем. Вероятно, именно такую иллюминацию использовала Сарапульская городская дума первого созы-

ва, пытаясь решить проблему освещения в августе 1874 г. Но уже в ноябре того же года член думы Генрих Шиотц с возмущением отмечал, что в ночное время у городских фонарей хулиганы выбивают стекла и крадут лампы. Так, с августа по ноябрь было выбито более 30 стекол и похищены четыре лампы. Дума обязала домовладельцев следить за сохранностью фонарей, но данная мера не принесла ожидаемого результата. Масштабное оснащение городского освещения произвел купец 2-й гильдии П. А. Башенин. Благодаря его усилиям в начале XX в. город освещался 45 керосинокалильными фонарями и 30 обычными. Электричество имелось во всех частных, общественных и государственных зданиях.

В обустройстве города первостепенное значение имела организация дорог и тротуаров. Постановление городской думы 1881 г. в соответствии с общегосударственными правилами благоустройства установило параметры, которым они должны были отвечать. Так, выпуклая поверхность мощеных улиц предполагала наличие скатов и канав по обе стороны, обложенных дерном, камнем или досками. Тротуары из-за дороговизны кирпича и камня настилались тесом, расположенным на поперечных брусках. От канав их ограждали столбиками. За территорию улицы, примыкающей к жилищу, были ответственны домовладельцы. В летнее время плотно дороги они засыпали галькой, весной очищали от навоза, а зимой выравнивали от ухабов и ям, очищали ото льда и посыпали песком. Все работы должны были проводиться после десяти вечера и до шести утра [27, с. 38].

Однако в реальности состояние дорог оставляло желать лучшего. Во второй половине XIX в. в городе были замощены только Соборная площадь и часть Большепокровской улицы. Остальная территория города осенью утопала в грязи, а зимой покрывалась льдом. Корреспондент газеты «Вятская речь» А. К. Восточный крайне негативно отзывался о состоянии дорог в Сарапуле зимой: «Невозможное состояние тротуаров, особенно в

центре Вознесенской улицы, также около Соборной площади и по другим центральным улицам, приводит пешеходов в естественное негодование. Это не тротуары, а сплошной лед, не посыпaeмый ни песком, ни золой. Домовладельцы, получив с осени “приказ о наблюдении за состоянием дорог и тротуар”, постановления городской Думы значения не придают, а администрация почему-то не замечает» [7, с. 3]. В 1910-е гг. в Сарапуле были замощены еще три четверти улиц. Оставшиеся неблагоустроенными дороги весной и осенью представляли «сплошное море грязи», по которому невозможно было ни проехать, ни пройти. В 1908 г. городом были выделены 5 000 руб. на мощение части улиц, но из-за плохой организации работ не были заготовлены материалы. А выделенные в 1910 г. деньги потратили на ремонт казарм для солдат. У города не нашлось других средств, поскольку после постройки водопровода и электростанции его бюджет стал дефицитным [9, с. 3–4].

По мере разрастания города все острее становилась проблема санитарного состояния жилых домов и промышленных предприятий. Городская дума не придавала данной проблеме большого значения. Центральные площади города, особенно Покровская, были завалены навозом. Священник и краевед Н. Н. Блинов обвинял местное самоуправление в безответственном отношении к городским проблемам: «Общественные здания – городской дом, пожарный сарай с каланчой и др., поражают заброшенностью; они выглядят, как бы ободранными фабричными казармами. Пожертвованные городу Колчиным и Курбатовым благотворительные заведения тоже даже не побелены, как и женская гимназия... Общественных тенистых садов нет. Разводимый более десяти лет Пушкинский сад красуется тощими деревьями и широкими, двойными в ряд, трактовыми дорогами вместо затейливых дорожек. Улицы в городе большей частью не мощены, во время дождей они грязны» [4, с. 2–3].

Территориальная протяженность города обуславливала широкое использование общественного транспорта. Извозом занима-

лись как крестьяне, так и мещане. Желающие работать должны были представить в полицейское управление паспорт и получить номерные знаки. Ямщики стояли на площадях и пристани рядами и делились на десятки. Возглавлял извозчиков староста, выбираемый городской управой из трех кандидатов, предложенных ямщиками [27, с. 11–13].

В дореволюционный период не был решен вопрос здравоохранения населения. Функционировала только одна земская больница, которую обслуживали три врача, а также родовспомогательное отделение. Всего в 1910 г. в городе работали 10 врачей, 9 фельдшеров, 3 акушерки, 4 дантиста и 11 фармацевтов [4, с. 7]. В это же время действовали две аптеки: земская и вольная. Но этого количества учреждений явно было недостаточно для удовлетворения нужд горожан в медицинской помощи, поэтому смертность населения оставалась крайне высокой. Нерешенные проблемы санитарного состояния города резко обострились в начале XX в. Н. Н. Блинов утверждает, что в это время, несмотря на внушительные размеры города, гигиена его оставалась «деревенской» [4, с. 24].

Перестройка бытовых привычек граждан отставала от темпов урбанизации. Городская управа постановлениями обязывала сарапульчан поддерживать чистоту собственных дворов и территорию вокруг них. Так, нечистоты, навоз и погибшие животные должны были вывозиться за город ночью (не ранее полуночи) в специально отведенные места; во дворах устраивались помойные ямы, в которые временно складывались все нечистоты. Их вырывали вдалеке от строений, обкладывали бревнами или плахами, над конструкцией устанавливали крышу и дверь.

По тому же принципу, но более тщательно устраивались отхожие места. Вычищались они два раза в год: перед наступлением зимы и весны. Владельцы жилых домов должны были еженедельно выливать в помойные ямы и отхожие места несколько ведер раствора железного купороса. Предпринятые меры могли помочь контролировать

санитарно-эпидемиологическую обстановку в городе. Однако, издав постановления, городская администрация мало беспокоилась об их выполнении. Жители и предприятия, не придерживаясь установленных правил гигиены, стремительно и необратимо нарушали экологический баланс города: «Во всех домах устроены нужные места, а также хлева для домашних животных. Зимой снег, навоз и всякие нечистоты с дворов увозятся на Каму, которые вместе со льдом весной уносятся... в остальное время года навоз свозится большей частью в огороды жителей, занимающихся огородничеством» [22, с. 211]. Нечистоты сваливали за огороды горожан в кусты, где все это гнило. Трупы погибших животных часто не хоронили, а выбрасывали на болотистую почву за жилыми домами.

Большая часть заводов и постоянных дворов располагалась в низменной части города, на болотистой почве. Именно здесь начинались различного рода эпидемии. Вокруг них, как отмечали корреспонденты «Вятской речи», «ужасная вонь, навоз, нечистоты. Внутренние помещения для народа невообразимы: они тесны, низки, запылены и пропитаны всевозможными вредными миазмами, переполненные “отхожие места” дополняют картину» [5, с. 4]. Значительная часть домов горожан находилась на низком месте – между р. Камой и Сарапулкой. Весной жилые кварталы заливались водой, а летом наполнялись запахами и грязной водой из замусоренного ручья Кургашки. Почти 40 лет жители боролись за то, чтобы ручей и озера были засыпаны. Лишь в 1911 г. была осушена нижняя часть города и укреплен берег Камы [2, с. 9–11].

Городской администрации часто было невыгодно следить за исполнениями постановлений думы. Крупные заводчики, входившие в число ее гласных, являлись главными нарушителями санитарной среды города. Н. Н. Блинов утверждает, что местное самоуправление не проявляло заботы об интересах жителей и не беспокоилось о благоустройстве города [2, с. 23]. Промышленники в погоне за собственной выгодой мало интересовались экологией города, до крайности загряз-

няя производственными отходами округу. Н. Н. Блинов с горечью отмечает: «Ближе к окраине, но в черте населенных кварталов протекает р. Сарапулка... промышленники обратили реку в клоаку. По течению реки расположены заводы. Преимущественно кожевенные, которые потребляли массу воды. Вся она, загрязненная бурными потоками, по несколько десятков ведер сливается ежедневно в речку. В ней моют десятки тыс. пудов грязной шерсти и т. д. Мало того, прямо над речкой заводчики устраивают сортиры для рабочих...» [4, с. 23]. Врачи и полиция периодически осматривали предприятия, частные дома и трактиры. Обнаружив антисанитарные условия, они составляли протоколы и подавали в суд, где дело рассматривалось около полугода. Нарушитель, получив штраф от 5 до 10 руб., предпочитал его уплатить, чем капитально перестраивать все хозяйство. Антисанитария порождала в городе различные заболевания и главное – холеру. В 1910 г. в Сарапул прибыл вятский губернатор для предотвращения эпидемии и лично осмотрел ряд предприятий-нарушителей. По замечаниям Н. Н. Блинова, губернская комиссия была крайне удивлена отвратительным состоянием завода и условиями труда рабочих [4, с. 24]. Губернатор распорядился закрыть один из заводов до исправления всех недостатков, но фактически сделать это было невозможно, поскольку требовалось кардинальное преобразование всего производства.

Вопрос санитарного состояния Сарапула волновал главным образом не государственные или общественные органы, а местную интеллигенцию. В 1909 г. земством был поднят вопрос о приглашении в Сарапул врача-бактериолога. Большинство расходов оно брало на себя, а от городской думы требовалось только 500 руб. Но все «отцы города» отказались, ставя интересы своего производства выше здоровья и нужд горожан. Под давлением интеллигенции после долгих прений они согласились выделить 300 руб. [8, с. 3–4].

С ростом численности горожан увеличилось до 70 число пивных и тайных притонов. Прибыль предпринимателей от морального

разложения жителей особенно беспокоила городскую интеллигенцию. Врачи, озабоченные распространением сифилиса, неоднократно заявляли на заседаниях городской думы о том, что необходимо прекратить наживу пивных лавок при ночных оргиях: «Почти каждая пивная, для “лучшей и прибыльной торговли”, имеет “милых, но погибших” созданий» [11, с. 3]. Все усилия Сарапульской думы были сосредоточены на выплате долгов после постройки водопровода и электростанции, поэтому контроль за пивными был снижен. Между тем санитарное состояние данных заведений было ужасающим. В каждой пивной шел разлив продукции без всякой гигиены: «Загляните в любую из них, – призывает корреспондент “Вятской речи”, – и вы увидите везде грязь, отбросы, пустые бутылки и т. п. Моют бутылки женщины сомнительного здоровья, грязные, неопрятные. Бутылки в разливные привозятся нередко после нахождения в них ядовитых медикаментов, дегтя, скипидара и пр. Много бутылок поступает и из домов терпимости, где они обслуживают и другие нужды, а затем поступают в склады для пополнения пивом» [12, с. 3].

Справедливости ради стоит отметить, что тяжелое санитарно-эпидемиологическое состояние было характерно для большинства городов России, не только для Сарапула. Быстрые темпы урбанизации, массовая безграмотность, отсутствие культуры у первого поколения горожан, составлявших большинство жителей, приводили к крайнему загрязнению городов. Так, в 1894 г. в сообщении общества врачей Вятки говорилось о высокой смертности в городе, что во многом связывалось с уличной антисанитарией [10, с. 3].

Государство и горожане понимали важность образования в молодом развивающемся городе. Первое малое народное училище в Сарапуле было открыто в 1790 г. Десять лет учителем при нем работал знаменитый вятский историк А. Вештомов. В 1817 г. к народному училищу прибавилось уездное, организованное на средства горожан в доме купчихи Ехлаковой (инициалы в источнике

не указаны). В данных учебных заведениях обучалось минимальное число учащихся. Большинство обеспеченных горожан нанимали частных преподавателей, а неимущая часть сарапульчан оставалась необразованной [3, с. 61]. В 1858 г. продолжилась организация женского училища, для чего требовался сбор дополнительных денежных средств. Но осуществить идею удалось лишь через десять лет [4, с. 2–3]. В 1871 г. училище было переформировано в женскую прогимназию, а с 1879 г. – в гимназию. После городской реформы обязанность по открытию образовательных учреждений ложилась на органы местного самоуправления. Однако «отцы города» не считали это своей приоритетной задачей, поэтому большинство учебных заведений было организовано и содержалось главным образом за счет средств земства.

В 1873 г. в Сарапуле было открыто первое в России реальное училище для мальчиков. Инициатива его создания, как и женской гимназии, принадлежала земству. Более того, члены городской управы пытались снизить расходы по содержанию учебных заведений. Так, в 1880 г. дума обратилась к земству с просьбой принять расходы по содержанию двух приходских училищ, открытых им в Сарапуле, на свой счет [19, с. 93]. Таким образом, именно Сарапульскому земству, идейную основу которого составляли немногочисленные дворяне-либералы, принадлежала ведущая роль в организации образования и просвещения не только в городе, но и в уезде в целом.

В пореформенный период горожане активно включились в процесс получения образования, и вскоре учебные заведения уже не могли вместить всех желающих. «В последние два-три года все эти училища буквально переполнены учащимися особенно в начале учебного года» [16, л. 98]. Старые помещения не соответствовали возросшему числу учащихся. Администрация школ и училищ вынуждена была отказывать в приеме желающим обучаться, особенно в начале учебного года, поэтому городское и земское самоуправление стремилось открывать

новые школы. С 1873 по 1910 г. количество учебных заведений в Сарапуле возросло почти в четыре раза. По инициативе земства в 1909 г. здесь появился и первый в Вятской губернии музей [23, с. 38].

Заинтересованность в квалифицированной рабочей силе проявляли и купцы. В пореформенные годы (первоначально при уездном училище) было организовано ремесленное отделение. В него входили мастерские по столярному, переплетному, токарному, картонному делу и выпиливанию [18, с. 49]. С 1898 г. функционировала низшая ремесленная школа, обучавшая кожевенному и сапожно-башмачному ремеслу [4, с. 11–14].

Отношение думцев к образованию окончательно изменилось на стыке веков, когда ряды гласных пополнились образованным купечеством и интеллигенцией. В XX в. возрастание интереса к образованию и познанию было вызвано становлением индустриального общества, требовавшего квалифицированных кадров рабочих и служащих. Росла потребность образования и среди обеспеченной части населения, которая всевозможными способами стремилась поднять свой интеллектуальный уровень. Для преодоления безграмотности населения в 1909 г. городская дума постановила ввести в городе бесплатное всеобщее начальное обучение [2, с. 20]. Но даже в 1910 г. Н. Н. Блинов с возмущением отмечал: «Неприлично городу содержать только пять в полном значении низших, начальных школ притом на “благотворительные средства” – прибыли Общественного Банка... Из “отцов города” есть лица, даже получившие среднее образование, которые убежденно высказываются, если не против образования, то против расходов на образования: “город не обязан устраивать и содержать школы” – говорят они» [4, с. 15–16].

Возрастало количество учреждений, способствовавших расширению кругозора горожан. Еще в 1835 г. в Сарапуле была открыта первая в губернии публичная библиотека [4, с. 112], а к 1910 г. их существовало уже четыре: публичная земская, народная при училище, попечительства о народной трезвости и

при Вознесенском братстве [4, с. 6]. С 1902 г. в город начали заезжать гастролирующие синемаграфы, а в 1909 г. открылись первый стационарный кинотеатр и музей. Ежегодно число синемаграфов возрастало [29, л. 140]. В 1911 г. было учреждено Сарапульское отделение Русского императорского музыкального общества [29, л. 138]. Накануне Первой мировой войны в 1914 г. на берегу Камы появился цирк.

Таким образом, благоустройство города являлось важной частью урбанизационного процесса, который проходил под влиянием социально-экономических изменений. Модернизация, начавшись в производственной сфере, изменила инфраструктуру города. Старая, традиционная система патриархаль-

ного устройства уже не удовлетворяла новым условиям зарождавшейся индустрии. Перемены коснулись всех сфер городского обустройства: водопровода, коммуникаций, архитектуры и т. д. Тем не менее на протяжении всего исследуемого периода традиционный крестьянский уклад отдельных семей продолжал сосуществовать с передовыми городскими инновациями. Изменение социопро пространственной структуры Сарапула происходило путем включения крестьянских и мещанских слобод, расширявших его территорию. Пик дореволюционного благоустройства города пришелся на начало XX в. В это время среди горожан начал зарождаться новый тип индустриальной культуры, который модернизировал городскую среду.

Библиографический список

1. Безверхова Л. Б. Архитектурно-планировочное развитие городов Вятского Понизовья в XVI – начале XVII века / Л. Б. Безверхова // Европейский Север в культурно-историческом процессе : материалы Междунар. конф. – Киров, 1999. – С. 297–299.
2. Блинов Н. Н. Город Сарапул. Второй год. Общественные дела. Новая Сибирская магистраль / Н. Н. Блинов // Памятная книжка на 1912 г. – Сарапул, 1912. – 60 с.
3. Блинов Н. Н. Историко-статистическое описание Сарапульского уезда, города Сарапула, Воткинского и Ижевского заводов / Н. Н. Блинов. – Сарапул : Типолитография Ф. Т. Пойлова, 1886. – 134 с.
4. Блинов Н. Н. Сарапул. Исторический очерк / Н. Н. Блинов. – Сарапул : Типолитография Ф. Т. Пойлова, 1887. – 83 с.
5. Вятская речь : ежемес. независимая газ. Вят. губ. – 1908. – № 126.
6. Вятская речь : ежемес. независимая газ. Вят. губ. – 1908. – № 179.
7. Вятская речь : ежемес. независимая газ. Вят. губ. – 1909. – № 2.
8. Вятская речь : ежемес. независимая газ. Вят. губ. – 1909. – № 90.
9. Вятская речь : ежемес. независимая газ. Вят. губ. – 1910. – № 110.
10. Вятская речь : ежемес. независимая газ. Вят. губ. – 1910. – № 165.
11. Вятская речь : ежемес. независимая газ. Вят. губ. – 1910. – № 209.
12. Вятская речь : ежемес. независимая газ. Вят. губ. – 1910. – № 252.
13. Вятские губернские ведомости : обществ. газ., орган печати Вят. губ. – 1866. – № 2.
14. Вятские губернские ведомости : обществ. газ., орган печати Вят. губ. – 1866. – № 4.
15. Вятские губернские ведомости : обществ. газ., орган печати Вят. губ. – 1873. – № 55.
16. Государственный архив Кировской области (ГАКО). – Ф. 582. – Оп. 94. – Д. 18. – 264 л.
17. ГАКО. – Ф. 582. – Оп. 99. – Д. 14. – 218 л.
18. Журналы Сарапульского уездного земского собрания XII очередной сессии 1878 года и доклады управы. – Сарапул : Тип. Ф. Т. Пойлова, 1879. – 421 с.
19. Журналы Сарапульского уездного земского собрания XIII очередной сессии и доклады управы за 1879 год Вятской губернии. – Сарапул : Тип. Ф. Т. Пойлова, 1880. – 470 с.
20. Иллюстрированный энциклопедический словарь Ф. Брокгауза и И. Ефрона. – М. : Эксмо ; Форум, 2007. – 960 с.
21. Кошман Л. В. Город и городская жизнь в России XIX столетия : Социальные и культурные аспекты / Л. В. Кошман. – М. : РОССПЭН, 2008. – 448 с.
22. Медико-топографическое описание г. Сарапула // Сборник медико-топографических сведений Вятской губернии. – Вятка : Губ. тип., 1878. – 256 с.
23. Мельникова О. М. Научная археологическая школа Р. Д. Голдиной в Удмуртском государственном университете / О. М. Мельникова. – Ижевск : УдГУ. – 2006. – 142 с.

24. *Миненко Н. А.* Повседневная жизнь уральского города в XVIII – начале XX века / Н. А. Миненко, Е. Ю. Апкаримова, С. В. Голикова. – М. : Наука, 2006. – 384 с.
25. Памятная книжка Вятской губернии на 1868 г. – Вятка : Тип. губ. правления, 1868. – 758 с.
26. Памятная книжка Вятской губернии на 1873 г. – Вятка : Тип. губ. правления, 1873. – 758 с.
27. Сборник обязательных постановлений Сарапульской городской думы, изданных для жителей города Сарапула с 1872 г. – Сарапул : Типолитография И. М. Колчина, 1898. – 81 с.
28. Управление по делам архивов (УДА) Администрации МО «Город Сарапул». – Ф. 76. – Оп. 1. – Д. 11. – 86 л.
29. УДА Администрации МО «Город Сарапул». – Ф. Р-588. – Оп. 1. – Д. 126. – 152 л.
30. Центральный государственный архив Удмуртской Республики. – Ф. 142. – Оп. 1. – Д. 1. – 35 л.

Поступила в редакцию 01.11.2011.

Сведения об авторе

Пюрийнен Дарья Михайловна – кандидат исторических наук, методист кафедры психологии и специального образования АОУ ДПО ИПК и ПРО УР (Ижевск). Область научных интересов – социально-культурные изменения среди городского населения во второй половине XIX – начале XX в. Автор 15 научных работ.

Тел.: 8 912 753-08-69

e-mail: oleco2@yandex.ru

Раздел 3

СЕЛЬСКОЕ СООБЩЕСТВО В ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ

УДК 323.325(470.2)
ББК ТЗ(2)5

Н. П. Никитина

ИЗМЕНЕНИЯ В СОЗНАНИИ КРЕСТЬЯН-ОБЩИННИКОВ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ СЕЛЬСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В РОССИИ В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД (на примере губерний Северо-Запада России)

Ключевые слова: крестьянская община, крестьяне, губернское земство, ссуда, хлеб, сельский сход.

N. P. Nikitina

CHANGES IN THE CONSCIOUSNESS OF THE PEASANTS OF COMMUNITY MEMBERS IN THE CONDITIONS OF TRANSFORMATION OF THE RURAL SELF-GOVERNMENT IN RUSSIA IN THE POST-REFORM PERIOD (on the Example of the Provinces of the North-West of Russia)

Key words: peasant commune, peasants, provincial district council, loan, breadstuffs, village assembly.

Жизнь крестьянской общины базировалась на нравственных началах и особой ментальности русского крестьянина. Л. В. Данилова и В. П. Данилов отмечали, что «ментальность крестьянства – это общинная ментальность, сформированная в рамках замкнутого локального сообщества, в сельской соседской организации. Конечно, на ментальность крестьянства влияло и макрообщество, но его значение в этом плане несравнимо со всеобщим влиянием общины» [6, с. 22]. Основой общинной ментальности являлось коллективистское общинное сознание, для которого были характерны взаимопомощь, взаимопонимание между членами мира, включение каждого крестьянина в дела общества и соучастие в них всех его членов. Данное сознание базировалось на нормах обычного права. В сознании каждого общинника всегда были два начала: индивидуальное и коллективистское.

Пореформенная эпоха в развитии России характеризовалась переходом от традиционного общества к индустриальному. В этих условиях происходил процесс трансформации сельского самоуправления, что, естественно, находило отражение и в крестьянском сознании и менталитете. Такая важная функция крестьянского мира, как взаимопомощь, начала ослабевать. Современники отмечали, что «...в общинах утрачивается все более и более этот принцип взаимопомощи и нуждающиеся крестьяне обращаются прямо к земству, на которое переносят всецело понятие об обязанностях бывших помещиков» [1, с. 740]. Данное обстоятельство указывает на развитие индивидуалистического начала в сознании крестьян. Обращение нуждающихся крестьян к земству было также вызвано тем обстоятельством, что крестьяне-общинники, платя

различные повинности, в том числе и земские, считали себя вправе требовать от земства помощи. Так, 1894–1895 гг. выдались неурожайными в России. Многие крестьяне Псковской губернии обращались с прошениями к губернским властям о выдаче ссуды на хлеб. Описывая свое «...крайне печальное безвыходное положение», они указывали на уменьшение количества скота с 10–12 коров до 2–3 коров и лошадей с 3–4 до 2, так как остальные проданы для покупки хлеба, на отсутствие дополнительных заработков. Однако земский начальник, который провел проверку указанных в прошениях фактов, отмечал, что «...посторонние заработки есть... и поденная плата не снижается, следовательно, возможность заработать зависит от просителей» [2, л. 142]. Кроме того, выяснилось еще одно обстоятельство, что крестьяне, испрашивающие ссуду хлебом, «...не выдаются бедностью, а по исправности платежей, повинностей и засыпки – лучшие» [2, л. 143]. Данная ситуация свидетельствует, с одной стороны, о нежелании крестьян разорять общину, а с другой – о сохранившейся еще в крестьянской среде привычке иметь «покровителя»: во времена крепостничества – в лице помещика, а теперь – в лице государства и земства.

В пореформенный период в мировоззрении крестьян сильны были коллективистские начала. По их мнению, все стороны жизни крестьянина должны быть направлены на обеспечение счастья и спокойствия общины, что является залогом благополучия каждой семьи. Крестьянин всегда воспринимал себя частью общества, своего мира. Общинные начала по-прежнему преобладали в сознании крестьян. Все свое поведение, образ жизни крестьянин соотносил с жизнью общины. Оценка «миром» всего, что происходило внутри крестьянского двора, была важна для каждого отдельного крестьянина. Такая оценка проявлялась как в устной форме, так и в решениях сельских и селенных сходов, а также волостных судов, которые принимались на основе норм обычного права. Мнение общества о поступках каждого его члена

не только имело значение в информационно-оценочном плане, но и влекло за собой материальные последствия.

Источники практически не фиксируют оценку «миром» каких-либо нарушений со стороны своих членов. Однако в материалах обследования волостных судов встречается упоминание о том, что до рассмотрения дела в волостном суде крестьяне прибегают к суду сельского схода, стариков, соседей, например, в Устьевской волости Череповецкого уезда, Волокославской волости Кирилловского уезда Новгородской губернии [13, с. 722]. В той же Волокославской волости комиссия под председательством М. Н. Любоцинского зафиксировала факт решения большого количества дел в сельском обществе посредством суда стариков, однако данные решения нигде не фиксировались [13, с. 744].

В приговорах сельских сходов оценка общиной действий членов звучит и даже подкрепляется решениями. Примером служит решение сельского схода Борисовского сельского общества Псковской губернии, лишившего права наследства крестьянина Степана Яковлева за то, «...что он поведения был не благопристойного» [3, л. 2]. Такое поведение выражалось в систематическом пьянстве и неповиновении отцу.

Материалы решений волостных судов Северо-Запада России, относящиеся к 70-м гг. XIX в., также отражают оценку крестьянами поведения членов сельского общества. В частности, в 1871 г. волостной суд Ракомской волости Новгородского уезда приговорил крестьянина А. к 20 ударам розгами за «злообычность пьянства». Кроме данного решения, «...в книге Ракомского Суда усматривается значительное число решений, коими по заявлению сельских Старост о нетрезвой жизни и растрате хозяйства целый ряд крестьян приговаривается к наказанию розгами от 10 до 20 ударов» [13, с. 714].

Осуждению обществом подвергалось не только пьянство, но и семейные раздоры. Например, Ягановский волостной суд Череповецкого уезда Новгородской губернии в 1871 г. дважды рассматривал дело о

семейных раздорах, одно из которых было решено методом «вразумлением мужа» [13, с. 727]. Данным судом была рассмотрена жалоба крестьянки А. на мужа, который «... бьет и гонит ее из дому. Ответчик объяснил, что жена незначительна. Суд постановил: дозволить супругам разделиться, с тем чтобы муж обязался дать жене и дочери необходимое пропитание» [13, с. 727].

Обращение крестьян в волостной суд, а не только апелляция к сельскому сходу фиксирует трансформацию сельского самоуправления в пореформенный период. Волостной суд как часть крестьянского самоуправления юридически был оформлен «Общим положением о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости». В то же время традиция обращения к суду стариков или «миру» остается достаточно сильной в крестьянской среде.

В соответствии с «Общим положением о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости» община получила право смены домохозяина, не справлявшегося со своими обязанностями. В пореформенный период такие факты фиксируются редко. П. Зиновьев, давший описание общины деревни Борок Псковской губернии, отмечал, что «...мир оказывает влияние на выбор большака в семье... иногда даже ставит большаком сына над отцом» [11, с. 328]. Среди причин смены домохозяина отмечались следующие: неисполнение обязанностей перед общиной, дурное обращение с членами семьи. Однако чаще общество после применения увещательных мер (устное убеждение на сходе, порка розгами) обращалось с просьбой в высшие инстанции об удалении неблагонадежных членов. Например, крестьяне Малогогородского сельского общества Порховского уезда Псковской губернии составили приговор об удалении из общества крестьянина Павла Сидорова «...как зловерного и опороченного» [4, л. 22]

Бесспорно, однако, что в пореформенное время в общине развивались новые отношения, которые, по сути, были противоположны коллективистским. Это, например, стремление к выходу из общины и вообще

индивидуалистические тенденции. Они явились результатом развития новых капиталистических отношений в сельском хозяйстве и, как следствие, социального расслоения деревни. Это проявлялось и в ломке старых устоев, и в укреплении индивидуалистических начал, и в семейных разделах. Семейные разделы происходили фактически, и сельский сход утверждал их задним числом. Очень многие сторонники общинного землепользования отрицательно относились к семейным разделам, рассматривая их как главную причину упадка в сельском хозяйстве и как результат нравственного разложения общины. Например, священник Псковской губернии Торопецкого уезда Н. Алмазов описывает этот процесс так: «И вот затрещала связь изб; заревели жалобно разлучаемые коровы; полоса, на которой свободно поворачивалась пара лошадей, делается настолько узкой, что одной бороне повернуться негде. В печальном финале – христарядная сума и просьба правительственной помощи – грустная картина» [14, с. 331]. Многие земства также видели в семейных разделах причины упадка сельского хозяйства. Например, Петербургское губернское земство в 1881 г. просило «...об установлении законом правила, по которому при жизни отца дети не имели бы права требовать раздела семьи, ибо обязанность законодательной власти – заставить уважать семейное начало и родительскую власть и не подрывать их установлением разделов по воле общества» [9, л. 159 об.] Несмотря на упомянутые отрицательные последствия семейных разделов, крестьяне интуитивно понимали, что приостановить их не представляется возможным, и закон от 18 марта 1886 г. об ограничении семейных разделов не имел желаемых последствий.

Увеличение количества семейных разделов на Северо-Западе было связано с тем, что вследствие избытка рабочих рук довольно значительное число крестьян отправлялось на отхожие промыслы. Причем в основном это были не домохозяева, а молодые члены их семейств. Доходы от таких заработков

позволяли отходникам впоследствии отделяться от родственников. Следствием семейных разделов становились количественные и качественные изменения в составе сельских сходов. Сельский сход вырастал количественно из-за увеличения числа домохозяев. Качественные же изменения заключались в том, что в состав схода входили новые, относительно молодые домохозяева, которые имели несколько отличные от предыдущего поколения представления о жизни. Многие местные исследователи, в их числе И. Красноперов, отмечали, что эти люди «...возвращаются к своим пенатам совершенно преобразованными. Возвращение их вносит в деревенскую жизнь начало развращающее и индивидуальное, личное» [7, с. 268]. Изменения в составе сельских сходов в пореформенный период связано не только с участием в них молодого поколения «отходников», но и с появлением в них женщин, которые представляли своих мужей в случае их длительного отсутствия, когда в семье не оставалось взрослых лиц мужского пола. Это довольно положительное явление, так как расширяло состав лиц, имеющих право участия и голоса в сельском сходе.

Для пореформенного времени на Северо-Западе России характерна тенденция, связанная с падением в глазах крестьян авторитета сельского старосты, который иногда воспринимается как проводник интересов государства и возрастанием роли зажиточных крестьян – кулаков. Данное обстоятельство крестьяне Лушинской общины Новгородской губернии объясняли следующим образом: «Старосты сменяются, а богатый мужик завсегда с нами, деньги понадобятся к нему идешь» [10, л. 22]. Таким образом, роль «капиталитых» крестьян в принятии решений «миром» значительно возросла и именно они в крестьянском сознании являлись главными хозяевами сельского общества.

В пореформенный период наблюдался факт ухода одного из членов крестьянской семьи, иногда даже домохозяина, из сельского общества с целью заработка. Чтобы земля не пустовала, крестьяне или селенной сход

сдавали ее в аренду. В сознании крестьян, такие отходники не имели права на землю, и отношение к ним со стороны «мира» было отрицательным, а в случае их возвращения – даже настроженным.

Групповое сознание крестьян всегда было связано с обычаями и традициями конкретной общины, ее неписаными законами и моралью. Однако оно воспринималось далекими от крестьянства людьми как нечто похожее на насилие над личностью. Например, Гдовский комитет о нуждах сельскохозяйственной промышленности Петербургской губернии отмечал, что «...в нравственном отношении община так же имеет очень дурное влияние, выражающееся в порабощении и обезличивании членов ее» [12, с. 239]. В то же время священник Торопецкого уезда Псковской губернии Н. Алмазов подчеркивал значимость коллективистского начала, характерного для общины, которое «...предохраняло крестьян от изолированности и черствого эгоизма, вселяет в них христианский дух единения и братства» [14, с. 329].

Действительно важным элементом в формировании нравственных понятий крестьян являлась религия. Именно на православных традициях базировался нравственный идеал русского крестьянина. Коллективизм покоился на серьезной оси – соборности церкви. Церковь играла не последнюю роль в жизни общины. Например, крестьяне Заходского сельского общества Псковской губернии выступили с инициативой о строительстве церкви-школы вблизи их селения, указав на неценность ее в религиозно-нравственном отношении [5, л. 16]. Заходское сельское общество бесплатно выделило землю под церковь, утвердило денежный сбор, взяло на себя расходы, связанные со строительством и содержанием церкви-школы. Крестьяне материально поддерживали церковь. Это проявлялось в том, что в смету расходов волости входили и траты на религиозные потребности: крестный ход, содержание и пособие притчу, жалованье просвиру, старосте, сторожу, ремонт церкви. Помимо этого, каждое сельское общество часть мирских

денег тратило на обеспечение религиозных потребностей своих членов. Например, в Петербургской губернии эта сумма составляла 17,8 % всех расходов сельского общества. Ежегодно крестьяне устраивали церковные помочи. Обычно такие помочи крестьяне общин одной волости проводили по очереди. Помощь оказывалась при заготовке дров для отопления, ремонте здания и т. п.

Школа также оказывала значительное влияние на жизнь общины, давая возможность обучения грамоте молодому поколению крестьян. В Лужском уезде Петербургской губернии «...сельские общества сами стараются открывать новые школы и обращаются за содействием к земству» [8, с. 268]. В крестьянской среде укрепилось мнение о значимости школы и образования для жизни и занятия сельским хозяйством.

Постепенно общинные отношения, основанные на коллективизме и опыте предков, начали ослабевать, и в крестьянской среде росло альтернативное индивидуалистическое настроение. Закономерно, что противоборство этих двух начал в пореформенное время приводило к конфликту между «миром» и теми общинниками, которым были близки новые индивидуалистические традиции. Некоторые из них вовсе стремились к выходу из общины. К ним «мир» относился неоднозначно. Благоклонно общество относилось к безземельным членам, желавшим покинуть его ряды. В то же время община пыталась удержать тех членов, которые пользовались надельными землями, прежде всего с целью сохранения платежеспособности хозяйства. Кроме того, для выхода из общины

таким крестьянам, кроме решения сельского схода, требовалось выполнение следующих условий: отсутствие задолженности по всем видам платежей, погашение выкупной ссуды. Крестьянин, желающий выйти из состава общества, не мог состоять под следствием и судом. Самое главное условие заключалось в том, что крестьянин в случае выхода из общины обязан был сдать надел земли в фонд общества безвозмездно. Такие условия явно затрудняли выход крестьян из общины и в какой-то мере способствовали ее консервации. В пореформенный период процесс развития капиталистических отношений в деревне лишь набирал темпы. Будущее было туманно, поэтому даже чисто психологически часть крестьянства предпочитало держаться за общину, чем броситься в омут неизвестности.

Таким образом, в пореформенный период основы мирской жизни были довольно сильны в крестьянской среде, хотя под воздействием отходничества, проникновения в крестьянскую среду капиталистических отношений шел процесс изменения мировоззрения и нравственности в крестьянской среде. Эти изменения были связаны прежде всего с личностными началами, которые в общине всегда уходили на второй план по сравнению с коллективными. Но это было лишь тенденцией, а не широкомасштабным явлением.

В жизни крестьянина всегда были сильны традиции, нравственные основы предыдущих поколений, строящиеся на общинном коллективистском начале, и за одно поколение изменить их кардинально было невозможно.

Библиографический список

1. Вестник Псковского губернского земства. – 1884. – № 47.
2. Государственный архив Псковской области (ГАПО). – Ф. 20. – Оп. 1. – Д. 2518.
3. ГАПО. – Ф. 78. – Оп. 1. – Д. 78.
4. ГАПО. – Ф. 202. – Оп. 2. – Д. 52.
5. ГАПО. – Ф. 159. – Оп. 1. – Д. 46.
6. Данилова Л. В. Крестьянская ментальность и община / Л. В. Данилова, В. П. Данилов // Менталитет и аграрное развитие России (XIX–XX вв.) : материалы Междунар. конф. – М., 1996. – 440 с.
7. Красноперов И. Поземельная община в Крестецком уезде / П. Красноперов // Рус. речь. – 1880. – Май, год второй. – С. 263–285.
8. Материалы для изучения современного положения землевладения и сельскохозяйственной промышленности в России. – СПб. : Тип. Тренин и Фюско, 1880. – Вып. 1. – 93 с., 312 с. прил.

9. Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 93. – Оп. 2. – Д. 792.
10. РГИА. – Ф. 91. – Оп. 2. – Д. 774.
11. Сборник материалов для изучения сельской поземельной общины. – СПб. : Тип. А. М. Вольфа, 1880. – Т. 1. – 393 с.
12. Свод трудов местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности (губернии, состоящие на великороссийском положении) по вопросу о крестьянском землепользовании / сост. П. П. Семенов. – СПб. : Тип. В. Ф. Киришбаума, 1905. – 295 с.
13. Труды комиссии по преобразованию волостных судов. – СПб. : Тип. Второго отд. Собств. Е. И. В. канцелярии, 1874. – Т. 6. – 754 с.
14. Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. XXXIII. Псковская губерния. – СПб. : Тип. Гольберга, 1903. – 349 с.

Поступила в редакцию 20.12.2011.

Сведения об авторе

Никитина Наталья Павловна – кандидат исторических наук, доцент, Псковский государственный университет. Область научных интересов – история крестьянской поземельной общины Северо-Запада России в XIX в.

Тел.: 8 911 363-78-68

e-mail: npnikitina@rambler.ru

Е. С. Кравцова

РОЛЬ СЕЛЬСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В ФИСКАЛЬНОЙ СФЕРЕ В РОССИИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX столетий

Ключевые слова: налогообложение, сельское самоуправление, мирские сходы, прямые государственные и местные налоги.

E. S. Kravzova

SIGNIFICANCE OF RURAL GATHERINGS IN THE SPHERE OF TAXES COLLECTION ON THE BORDER OF XIX–XX CENTURIES

Key words: taxation, agriculture, government, secular gatherings, direct state and local taxes.

Крестьянское общество Российской империи под термином «власть» понимало вполне конкретные категории: царь, полицейский урядник, земский начальник и, конечно, сельский сход, что для сельского обывателя было первично, поскольку именно этот орган крестьянского самоуправления распределял земельные наделы, раскладывал и взимал государственные и местные налоги, решал важнейшие проблемы «мира».

Крестьяне на протяжении многих веков постоянно проживали в общине, и все их сознание было непрерывно с ней связано. Особенно роль этого объединения увеличилась после реформы 1861 г. «Самое существенное изменение, которое принесла реформа, состоит в том, что значение формальной структуры сельского общества повысилось, а неформальной – понизилось» [20, с. 462]. При этом стоит согласиться с неизвестным автором, который в своей «Записке», составленной для министра внутренних дел В. К. Плеве, писал: «Принципы полной самостоятельности крестьянского общественного самоуправления не принадлежат к числу тех, которые находит реформа 19 февраля 1861 г. Задача была – освободить крестьянский народ от крепостной зависимости» [13, л. 1].

В исторической науке при рассмотрении сущности крестьянской общины многие исследователи XIX в. (Б. Н. Чичерин, С. М. Соловьев, В. О. Ключевский, К. Р. Кочаровский) определяли ее в первую очередь как податной финансовый союз крестьян, еди-

ница владения и пользования землей [1, с. 4], т. е. понимали ее исключительно в качестве поземельно-хозяйственной организации [23, с. 382].

Однако никто из специалистов не отрицает значение общины, правда, их оценки часто разнятся. «Сельская община представляла собой сравнительно небольшую локальную социальную группу, члены которой лично знали друг друга и были связаны взаимными и личностными отношениями и эмоционально привязаны» [1, с. 17], «община сформировала особый социально-психологический тип крестьян – с весьма стойкими традиционалистическими устоями, переходившими из поколения в поколение» [2, с. 15]. Действительно, именно сходы членов сельских общин решали все важнейшие дела: включение в общину новых членов и исключение из нее, наделение землей, налогообложение, применение круговой поруки и т. д. При этом стоит согласиться, что в некоторых случаях «мелочная опека “мира” культивировала безынициативность, иждивенчество, личная ответственность растворялась в крестьянской» [2, с. 15]. Такое положение дел не всегда удовлетворяло интересам сельских обывателей: «изначально деревню покидала так или иначе недовольная часть крестьянства» [16, с. 48].

Как уже отмечалось, главные проблемы для общества обсуждались на сельских сходах. При решении принципиальных для крестьянской общины вопросов крестьяне

старались держаться одной линии, в том числе в отношении с бывшими помещиками, и «стремятся выступать против помещика всем миром» [18, с. 62].

В историографии и документах осталось большое количество свидетельств о деятельности этого органа самоуправления. Исследователь начала XX столетия Н. Д. Дружинин в своей работе писал: «Общественные сходы – важнейшие учреждения в крестьянской среде. Ряд существенных интересов находятся от них в прямой зависимости» [15, с. 1]. Для нас наиболее интересны принципы распределения налогов и в целом принятие решений. Дружинин красочно передает свой разговор с крестьянином. На вопрос: «Как обсуждаете дела?» крестьянин дал ответ: «Обсуждаем? Нет, какое обсуждение! Кричим – да. Иногда шибко кричим, когда одни, без земского. На большом сходе трудно бывает разобраться, в чем дело, чего хотят. Многие, случается, кричат, – и когда дело трогает за живое, и когда можно покричать безопасно – когда дело касается кого из нас, простаков» [15, с. 1].

Интересные данные в своей записке министру внутренних дел В. К. Плеве от 25 мая 1897 г. сообщал священник с. Петрушкова Карачевского уезда Орловской губернии Птицын: «На сход старосты начинают созывать рано утром, через выборного раз, два, три, а потом и сами ходят по дворам. Редко крестьяне охотно идут на сход. Идя на сход, все одеваются в лучшие одежды. Крестьянские сходы бывают при начале каждой работы, при найме пастуха, сторожа, при засыпке хлеба. Сходы всегда кончаются хорошей попойкой водки, а иногда и дракой [11, л. 2].

Податной инспектор Краснослободского уезда Пензенской губернии так описывает сельский сход на своем участке: «Уведомление о сельском сходе крестьяне получают не очень охотно. Впрочем, есть такие горлопаны, которым только свистни и они с величайшим удовольствием готовы идти. Исключения составляют те сходы, на которых крестьянам предвидится попойка. Тут мужик и домашние нужные дела бросает. Идя на сход, крестьянин не всегда заботиться о своей внешности. По-

стоянно можно встретить мужичка идущего на сход в лохмотьях, ободранного. На сход крестьяне не всегда являются в здравом уме и твердой памяти: часто, прежде чем идти на сход, мужик зайдет в кабак» [12, л. 2].

Многие современники отмечали, что крестьяне пользовались любым поводом для того, чтобы выпить. В известной записке «О причинах разорения дворянства и о мерах к поддержанию дворянского землевладения» П. А. Кривицкого Николаю II от 1 ноября 1896 г. отмечается (по поводу продажи свидетельств на штофные заведения (кабаки)): «Крестьяне были и без того в некотором опьянении от полученной ими свободы. Но вследствие открытия на каждом шагу кабаков с дешевой (3 руб. ведро) водкой, они буквально спивались. В продолжение нескольких лет невозможно было собрать трезвого сельского схода. Все крестьянские средства: и выкупные платежи, и подати, и арендная плата за землю, все шло в “дешевку”, в Акцизное ведомство» [14, л. 14 об.].

На сходах не всегда царил рабочее настроение. Фискальный агент Рузского уезда Московской губернии в отчете за 1899 г. описывал такие случаи: «Между собраниями на сходе начинаются разговоры, мутки, какого-либо начала схода нет. В то время как толпа прибавляется, размещаются кто на чем попало, разговоры касаются то одной, то другой темы; несколько человек столкнулись на деревенской улице безо всякой предварительной цели, разговорились, присели, к ним подошли еще кой какие прохожие, тоже заинтересовались, а затем, наговорившись, все разошлись по домам» [10, л. 3]; «Рассказывают о продаже сена, уплате налогов и т. д., вдруг замечают у одного из присутствующих стручки зеленого гороха. Одни начинают шутить, что вот, дескать, посылает ребят рвать горох, а они, небось, рвуть чужой. Некоторые серьезно замечают, что для обрывавших горох нужно назначать определенный срок и штрафовать тех, кто будет сам рвать горох или даже доверит делать это своим детям; о прежней теме уже забыто на время. Одни стояли за назначение срока, другие не видят в этом проку и, особен-

но против того, чтобы штрафovali родителей за провинности их детей. Наконец, кто-то, что бы примерить стороны, шутя, замечает: «Небось, когда горох сеяли, так приговаривали: “Уроди, Боже, на всякого, на прохожего, на проезжего”, а теперь и жалко стало. Бога-то надули, стало быть?» Все смеются, решают, что из-за гороха не стоит прибегать к таким строгим мерам, и переходят к обсуждению прежней темы» [10, л. 3].

Тем не менее сельские сходы были призваны решать самые важные, в том числе и фискальные, вопросы. В законе от 19 февраля 1861 г. отмечалось: «...на самих крестьян возлагается ответственность за исправное отбывание казенных, земских, мирских и других денежных повинностей» [21, с. 143].

Раскладка всех платежей между крестьянскими плательщиками происходила по следующей схеме: государственные налоги, приходя в губернию, распределялись по уездам либо на заседаниях присутствий, либо на земских собраниях, которые, кстати, назначали и свои – земские сборы. Затем в уезде на заседаниях присутствий облагались уже конкретные налогоплательщики, в случае если это личные сборы (государственный промысловый налог, квартирный и др.), а в случае если сбор с коллектива, то суммы раскладывались по волостям, а затем по каждому сельскому обществу, которое в конце концов назначало величину налога каждому.

Сельское общество могло состоять либо из целого селения, либо из нескольких близко расположенных населенных пунктов. Общественное управление составляли: сельские сходы, сельские старосты, также общества «... могли иметь особых сборщиков податей, смотрителей хлебных магазинов, училищ, больниц и т. д.» [26, с. 55].

В «Сборнике узаконений и распоряжений правительства о сельском состоянии (Общее положение о крестьянах)» (ст. 62) перечислялись функции сельского схода, такие как: назначение сборов на мирские расходы, раскладка всех лежащих на крестьянах окладных и мирских денежных сборов, ровно как земских и мирских натуральных повинностей, по-

рядок ведения счетов по означенным сборам [26, с. 72], а также совещания и ходатайства об общественных нуждах и благоустройстве [26, с. 176]. Кроме этого, крестьянский сход мог ходатайствовать в Акцизное управление о закрытии питейного заведения для соблюдения благоустройства и интересов общества.

Органы крестьянского самоуправления принимали также участие в работе комиссий по уплате частных долгов крестьянского населения. Например, в 1885 г. вышел указ его Императорского Величества № 2124, в котором сказано, что «...взыскание долгов с крестьянского имущества, составление описей производится с участием крестьянских властей: с отдельных крестьян – сельского старосты и волостного старшины; с крестьянских обществ – членов уездного по крестьянским делам присутствия или мирового посредника» [4, с. 3 об.].

Однако система крестьянского налогообложения имела много проблем, которые рассматривались и на заседаниях Государственной думы. Например, в марте 1907 г. министр финансов отмечал: «При такой организации подоходного надзора практика взимания денежных сборов выражается на деле в приемах, которые, к сожалению, вносят в нее неурядки, тяжело отзывающиеся на платежных силах населения и в которой виновата администрация, которая получила значительно больше, нежели действующее законодательство» [17, с. 1].

В качестве отрицательных моментов, обременяющих процесс налогообложения, указывались следующие: «1. волостные правления не ведут письменного податного счетоводства; 2. произвол сборщиков и писарей при взимании сборов (к этому пункту можно было отнести такие нарушения, как: взимание налогов сверх нормы, многократное взимание сборов, бездоказательность платежей, растраты, недочеты и т. д.); 3. почти повсеместно в районах низкое развитие грамотности плательщиков, существующие способы податного счетоводства не применяются на практике, поскольку недостаточно понимаются огромной массой неграмотных плательщиков» [17, с. 1].

Основные функции в деле взимания налогов с крестьянского населения лежали на плечах старосты и сборщиков налогов в сельских обществах (там, где сельский сход постановил не привлекать к службе сборщика, их функции выполнял староста). На них возлагалось: «взимание лежащих на крестьянах установленных денежных сборов, а также недоборов и недоимок, ведение счетов полученных денег, внесение в местное казначейство окладных сборов и получение квитанций, предоставление сходом сведений о неплательщиках для принятия ко взысканию с них недоборов и недоимок и т. д.» [26, с. 206].

На деле же не всегда раскладка налогов проходила правильно. Податной инспектор Львовско-Дмитриевского участка Курской губернии отмечал, что «...раскладка казенных, земских и мирских сборов между крестьянами... делается по одному только словесному соглашению сумм на сходах... Сельский староста составляет реестры для хозяйств и в них отмечает сумму раскладки» [7, л. 29]. Или же рассылка окладных листов шла с большим опозданием, например, податной инспектор Курского уезда этой же губернии отмечал, что встречает сильные затруднения при наблюдении за своевременной раскладкой и взысканием сборов, из-за несвоевременной рассылки окладных листов [9, л. 52].

Деятельность сельских сборщиков подвергалась ревизии на различных уровнях, в том числе и внутри общества. В частности, работу сборщика в отдельно взятом селении контролировал волостной старшина, и «если при учете собранных средств сборщиками обнаружена растрата, то старшина об этом немедленно должен доложить земскому начальнику» [25, с. 69].

В России занятие должности в сельской администрации не давало никаких льгот, но были сложности: отсутствие сколь-либо значительных привилегий, постоянная связь с избирателями, материальная зависимость от них и при этом на «общинном уровне выборы не стали чиновниками» [20, с. 464].

Сельские должностные лица находились в весьма сложном положении, вызванном

двойственностью их политики: с одной стороны, члены сельского общества, откуда они и сами были выходцами, с другой – необходимость выполнять не очень приятные функции по взиманию сборов, особенно недоимок. Это понимали и в Минфине. Поэтому неудивительно, что одной из обязанностей и старосты, и сборщиков было просвещение крестьянского населения: «Успех податного дела, основанный на сроках, находящихся в огромной зависимости от того, насколько должники деревни изучат и поймут свои права и обязанности» [22, с. 1].

В некоторых местностях государства вообще сложилась сложная обстановка с занятием должностей. С одной стороны, нежелание выполнять функции сельского должностного лица в одних районах страны. Современники так описывали ситуацию: «Не только во многих селах, но в целых волостях и во многих уездах крестьяне не сознательно относятся к общинному хозяйству и капиталам... Сборщики податей и сельские старосты не имеют у них никакого веса и значения. Даже вошло в обычай во многих селах Киевской губернии избирать старост самых безгласных и беззащитных, дабы властью последних не тормозилась и не парализовалась воля общества. А на деятельность сборщиков крестьяне смотрят как на тяжелую общественную повинность, от которой во всякое время готовы отказаться, но в большинстве случаев это им не удается, и они отбывают годичный срок на деятельности сборщика податей, как требуется это Общим положением о крестьянах» [27, с. 24].

В других районах государства наблюдалась совсем иная картина. При занятии должностей нередко на селе кандидатами применялись и незаконные меры, в том числе и «подпойка горлопанов». Податной инспектор Краснослободского уезда Пензенской губернии описывал такой случай, произошедший на его участке. «В 1896 г. кончилось трехлетие старшины. Нужно было выбирать нового. И вот один из числа кандидатов на эту должность – очень выгодную и почетную – начал подпавать крестьян в надежде на большой успех от этого. Поил и

вином и чаем, и как рассказывали сами подпайваемые, пропили до 28 руб.» [12, л. 3].

Одной из самых важных функций выборных должностных лиц в деревнях было взыскание налогов и принятие всех мер для этого вплоть до «отстранения от участия в выборах» [19, с. 28], угроз и «выколачивания» долгов по сборам у недобросовестных плательщиков. Старосты, старшины, сборщики, конечно, предпринимали необходимые меры, однако их не всегда хватало для нормального налогообложения. В этом случае в действие приводились другие механизмы фискальной системы: посещения селений должников уездным податным инспектором, земским начальником, уездным исправником и т. д. При этом, кроме мер, предпринимаемых властями против самих неплательщиков, наказание несли и сельские должностные лица, которые своими действиями не добились желаемого пополнения бюджета.

Наглядный пример такой политики в Пензенской губернии: в 1895 г. по распоряжению Керенского уездного исправника «за слабое взыскание податей волостные старшины и сельские старосты были оштрафованы на 609 руб., волостные заседатели, сборщики податей – на 96 руб., причем 34 старосты подверглись еще аресту от 3 до 5 суток» [24, л. 177 об.].

Податной инспектор Саранского уезда Пензенской губернии так описывал сложившуюся систему: «Если на сельском сходе во главе участвует один сельский старости, то при неуплате податей неисправный плательщик, не смотря на его даже основательные ссылки по поводу не платежа, заключается на полусутки или полные сутки под арест в холодный чулан или сборной избе. Если присутствует волостной староста, то неисправный плательщик немедленно отправляется под арест в “холодную” при волостном правлении в Саранске. Больше всего крестьяне боятся, когда на сходе уездный исправник, который, как выражаются крестьяне “ставит банки” и “пущает кровь”, т. е. неисправных плательщиков поколачивает или заставляет производить

эту расправу полицейским урядникам» [12, л. 64]. Крестьяне, особенно из недостаточно обеспеченной категории, предпочитали вообще не посещать в таком случае сходы. Крестьяне Инсарского уезда Пензенской губернии так объяснили причины непосещения сельских сходов: «Не ходят, конечно, коли знают за собой какие прорехи. Например, числятся большие недоимки, сход собирается поэтому, значит, случаю, так тут он и не идет, тогда его понуждать начинают» [12, л. 26].

При этом податными инспекторами Курской губернии отмечалось, что «сельские сходы – очень громоздкое и неповоротное учреждение, служило тормозом для успешного взыскания сборов» [21, с. 65]. Фискальный агент Тимского уезда Курской губернии указывал, что сельский сход имел незначительное значение для успешного сбора налогов. Вот как он описывает ситуацию с недоимками по своему участку: «Сами же общества неохотно решались на продажу имущества своих членов, и только в случае явного упорства недоимщиков, когда многократные напоминания уплатить подати остаются без внимания, сельские сходы составляют приговоры о назначении в продажу его имущества» [6, л. 263 об.]. Более того, сельские сходы в Грайворонском, Старооскольском, Обоянском уездах указанной губернии вообще отказались заниматься взысканием недоимок и даже собираться по этому вопросу [4, л. 3 об.].

Сельская администрация обязана была собирать наличные средства (государственные, земские, мирские сборы) с сельских обывателей. «При приеме от крестьянина платежей староста или сборщик за вычетом из них оклада мирских денег, обязан был вносить сумму в местное казначейство» [26, с. 177].

К сожалению, необходимо отметить тот факт, что избранные крестьянами-общинниками должностные лица не всегда были честными и порядочными людьми. Например, крестьяне с. Перевыдовой Белицы Дмитриевского уезда Курской губернии отмечали, что с 1881 г. в течение пяти лет не было ни одного сборщика налогов, который бы пра-

вильно выполнял свою работу и не затаивал бы в свою пользу принадлежавших им денег. Разные должностные лица по-разному – от 10 до 50 руб., но Л. Пеганский присвоил более 90 руб. Бывшие сборщики не отвергают сделанных ими растрат, но называют меньшие суммы. Другие, наоборот, доказывают, что денег с крестьян недобрано и что их ложно обвиняют в этих поступках [8, л. 21].

Инсарский податной инспектор Пензенский губернии сообщал в Министерство финансов о вопиющем случае использования служебного положения в личных целях сельским старшиной Юрусовым в селе Любятино. «Крестьяне были отпущены на волю. Им объявили, что крестьяне должны платить подати, крестьяне заявили, что они не чего не будут платить, ибо от людей знающих слышали, что царь освобождает их от того. “Коли воля”, – говорят, – “то воля полностью”. Прошло три года. Из Инсара был прислан военный отряд. Жителям было объявлено, что если они не будут платить податей, то против них будет употреблена военная сила. Устрашенные крестьяне взяли сколько кто мог денег и направились на площадь, где находилось начальство. Всякий клал, кто сколько мог. Многие клали много более того, чем следовало бы. Старшина отправился с деньгами в Инсар, большую часть их скрыл. Представленная в уплату податная сумма оказалась недостаточной, и старшине было вновь предложено собрать подати. Крестьяне не знали о мошенничестве, только возросшее благосостояние Юрусовых убедило их в этом. Теперь у Юрусовых явилось более сотни десятин собственной земли и не одна десятина леса, а остальные жители села Любятино крайне бедны и безденежны» [12, л. 26].

Управляющий Курской казенной палаты в отчете в Департамент окладных сборов за 1885 г. указывал, что ему «лично пришлось сеудить одному сборщику из хороших кре-

стьян 25 руб., который позволил себе на эту сумму растратить общественные деньги и горько плакавшему об этой растрате». И еще интересный факт из его же отчета: «...пришлось знать одного старосту, который со времени избрания перестал жить в своем доме, а перебрался на жительство в ближайший кабак, там он и ночевал, и обедал, обед ему носили в кабак его малолетние дети» [5, л. 204].

Даже на очередной XXXV сессии Суджанского земского собрания указанной губернии отмечалось, что, хотя податное дело не находится в ведении земства, единичные расследования по вопросу недоимок показывают, что основными их причинами были хаотичное ведение податного дела сельскими властями, растраты сборщиков [3, л. 29].

Крестьяне по-разному относились к растратчикам своих денег. Так, при проверке работы сборщиков налога Верентиловского сельского общества податным инспектором Щигровско-Фатежского податного участка Курской губернии была обнаружена растрата в сумме 367 руб., в том числе за нынешним старостой, который ранее был сборщиком, – 91 руб. «Крестьяне жалеют предовать суду своих сочленов и стараются только взыскать с них деньги. Например, 17 мая по поручению Фатежского присутствия я был на сходе в с. Сергеевском и сход отказался дать приговор, узнав, что сборщика будут судить «с прокурором», а не в простом суде» [5, л. 490].

Таким образом, органы крестьянского самоуправления, являясь элементом фискальной системы, не всегда справлялись с возложенными на них функциями ввиду общей малограмотности крестьян и их бедности. При этом наблюдается противоречивость в положении сельских должностных лиц: жесткий контроль со стороны государства и непонимание со стороны общинников.

Библиографический список

1. Агафонова Н. Ю. Сельская община в России второй половины XIX – н. XX вв. : Вопросы социальной и культурной организации : автореф. ... канд. ист. наук / Н. Ю. Агафонова. – Владивосток, 2001. – 27 с.
2. Вронский О. Г. Крестьянство и власть / О. Г. Вронский. – Тула : Рарус, 1993. – 138 с.
3. Государственный архив Курской области (ГАКО). – Ф. 39. – Оп. 1. – Д. 133.
4. ГАКО. – Ф. 184. – Оп. 1. – Д. 6343.

5. ГАКО. – Ф. 184. – Оп. 1. – Д. 6391.
6. ГАКО. – Ф. 184. – Оп. 1. – Д. 6394.
7. ГАКО. – Ф. 184. – Оп. 1. – Д. 6396.
8. ГАКО. – Ф. 184. – Оп. 1. – Д. 6583.
9. ГАКО. – Ф. 327. – Оп. 1. – Д. 242.
10. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 586. – Оп. 1. – Д. 111.
11. ГАРФ. – Ф. 586. – Оп. 1. – Д. 114.
12. ГАРФ. – Ф. 586. – Оп. 1. – Д. 115.
13. ГАРФ. – Ф. 586. – Оп. 1. – Д. 131.
14. ГАРФ. – Ф. 601. – Оп. 1. – Д. 1022.
15. Дружинин Н. Д. Очерки крестьянской общественной жизни / Н. Д. Дружинин. – СПб. : Типоли-
тография. А. Г. Розена, 1905. – 252 с.
16. Дячков В. Л. Деревня, город, государство и российская революция / В. Л. Дячков // Взаимодей-
ствие государства и общества в контексте модернизации России в конце XIX – начале XX веков :
сб. науч. ст. – Тамбов, 2001. – С. 43–51.
17. Замечания к законопроекту о преобразованиях в порядке взимания окладных сборов, вызывае-
мых отменой круговой поруки, представленные министром финансов в Государственную Думу
20 марта 1907 г. за № 2789. – Симферополь : Тип. Коршунова и Эпели, [б. г.] – 8 с.
18. Кабытов П. С. Русское крестьянство: этапы духовного возрождения / П. С. Кабытов,
В. А. Козлов, Б. Г. Литвак. – М. : Мысль, 1988. – 237 с.
19. Максимова Е. Земские финансы / Е. Максимова. – СПб. : Тип. В. Демакова, 1885. – 40 с.
20. Миронов Б. М. Социальная история России периода Империи (XVIII – начало XX в.) /
Б. М. Миронов. – СПб. : Дмитрий Буланин, 2003. – Т. 1. – 548 с.
21. Обзор податного состояния Курской губернии за 1900 г. (составлен по отчетам податных ин-
спекторов). – Курск : Тип. губ. правл., 1901. – 123 с., прил.
22. Полное Собрание Законов Российской Империи. Собр. второе. Т. XXXVI. 1861. – СПб.: Тип.
II Отд-ния Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1863. – 990 с.
23. Права и обязанности сельских старост и должностных лиц волостного и сельского управления
по взиманию окладных сборов. – Саратов : Паровая типолитогрфия Г. Х. Шельгорна и К, 1900. –
104 с.
24. Романовский В. Е. Государственные учреждения древней и новой России / В. Е. Романовский. –
М. : Изд. И. Кнебеля, 1911. – 453 с.
25. Российский государственный исторический архив. – Ф. 573. – Оп. 25. – Д. 789.
26. Руководство для волостных старшин, сельских старост, сборщиков податей по взысканию с
крестьян повинностей / под ред. А. Ф. Скорова. – М. : Типолиотография Высочайше утвержден-
ного тов-ва И. Н. Кушнерев и К, 1895. – 100 с.
27. Сборник узаконений и распоряжений правительства о сельском состоянии (Общее положение
о крестьянах). – СПб. : Тип. МВД, 1914. – 441 с., прил.
28. Сельские финансы. – Киев : Тип. «Киев. слово», 1893. – 48 с.

Поступила в редакцию 07.11.2011.

Сведения об авторе

Кравцова Елена Сергеевна – доктор исторических наук, доцент кафедры философии Кур-
ского государственного университета. Сфера научных интересов: история России, история нало-
гообложения, краеведение. Автор более 120 статей и нескольких учебно-методических пособий

Тел.: 8 903 027-50-24

e-mail: elenakravcova@yandex.ru

УДК 94(470.51) "18/19"
ББК 65.9(2Рос)09

Н. П. Лигенко

**НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ Г. Е. ВЕРЕЩАГИНА И ПУТИ РАЗВИТИЯ
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УДМУРТСКОЙ
ДЕРЕВНИ. КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX века***

Ключевые слова: удмуртская деревня, крестьяне, земледелие, животноводство, промыслы, расслоение, торговля, товарищества, ментальность.

N. P. Ligenko

**SCIENTIFIC HERITAGE OF G. E. VERESCHAGIN AND THE WAYS
OF BUSINESSACTIVITY DEVELOPMENT IN UDMURT VILLAGE.
THE END OF XIX – THE BEGINNING OF XX CENTURIES**

Key words: agriculture, animalhusbandry, stratification, trades, merchancy, partnership, mentality.

Труды Григория Егоровича Верещагина «Вотяки Сосновского края», «Вотяки Сарапульского уезда Вятской губернии», «Общинное землевладение у вотяков Сарапульского уезда», «Остатки язычества» и др. носят историко-этнографический характер и широко используются учеными-обществоведами в качестве серьезного источника по этнической, социально-экономической, социокультурной истории региона [2–5]. В связи с этим нельзя не упомянуть работы В. Е. Майера, А. Н. Вахрушева, М. А. Садакова, М. М. Мартыновой, В. Е. Владыкина, М. В. Гришкиной, Г. А. Никитиной и др., в которых дана высокая оценка научного наследия Г. Е. Верещагина [1; 8; 11–13]. Сведения из уст живого свидетеля, с любовью и глубоким уважением относящегося к народу, пытливого и талантливого исследователя не вызывают сомнений по достоверности и репрезентативности. «Все изложенное в работах, тщательно проверено показаниями другой смежной общины, а, что казалось сомнительным, то упущено, и это дает мне право ручаться за достоверность изложенного», – поясняет Г. Е. Верещагин в работе «Общинное землевладение у вотяков Сарапульского уезда» [4, с. 63].

Описанные Г. Е. Верещагиным события глубоко и емко отражают социально-

экономические, культурные, этноконфессиональные, психологические процессы, происходившие в удмуртской, удмуртско-русской деревне на рубеже веков. Во всей полноте предстают обычное право удмуртской общины, процессы трансформации правовой культуры с учетом внедрения в деревенский мир русского крестьянства. Данный вид источника отвечает современным требованиям общественных дисциплин при использовании антропологического метода, когда развитие тех или иных общественных процессов рассматривается через индивидуальное сознание, нередко являющееся более точным ключом к пониманию социальной действительности.

В поле нашего зрения в основном находится работа «Общинное землевладение у вотяков Сарапульского уезда», представляющая срез крестьянского образа жизни деревни Ляльшур Шарканской волости Сарапульского уезда. Работая над статьей, Г. Е. Верещагин задался целью «выяснить причины современного упадка экономического состояния вотяков» (имеется в виду конец XIX – начало XX в.) [4, с. 63]. В ходе повествования автором зримо раскрываются процессы социального расслоения крестьянства, традиционные ценностные установки

* Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре», проект «Социальная динамика российской периферии: традиции и инновации (XV–XX вв.)».

на земледельческий и промысловый труд, торговлю и предпринимательскую деятельность и т. д., что дает возможность уверенно говорить об уровне жизни удмуртского крестьянина, товаризации крестьянского хозяйства, причинах сдержанного вовлечения удмуртов в предпринимательство, о потенциальных возможностях модернизации удмуртской деревни. Кроме того, многоаспектность и глубина содержания рассматриваемой работы помогают выявить скрытую информацию многих источников, особенно такого ценнейшего для крестьяноведов, как «Материалы по статистике Вятской губернии» [9].

Обращаясь к определению общего экономического статуса деревни, Г. Е. Верещагин визуально выделяет основные признаки ее благосостояния. На первый план как камертон самодостаточности селения выступают: добротные хозяйственные комплексы с жилыми домами, достаточное количество скота и хлеба в скирдах на полях и в запасном магазине. С учетом указанных признаков ученый относит деревню Ляльшур к середняцкой, отмечая, что «богатых между ними нет», правда, до пожара 1882 г. верхняя часть ее слыла богатой, однако и после пожара, в настоящее время, «деревню в общем нельзя назвать бедною» [4, с. 81].

Анализируя экономическое положение непосредственно каждого крестьянского хозяйства, Григорий Егорович классифицирует дворы на пять типов по следующим признакам: 1) оценка имущества в денежном выражении; 2) добросовестность уплаты податей; 3) качество обработки земельного надела; 4) трудолюбие, изобретательность в дополнительном внеземледельческом получении доходов [4, с. 82–83].

Итак, первый тип – двор зажиточный, их насчитывается в общине 13 (15,7 %). Такой двор, отмечает автор, ни частным лицам, ни в волостную вспомогательную кассу денег не должен, подати уплачены, имеет в запасе сотню-другую-третью наличных денег да муки и жита в закромах на сотню-другую рублей, да скирд около 10 на 500 руб. и скота достаточное количество. Стол из лучших, если

хозяин не скряга. Таким образом, заключает автор, присутствие средств зримо выражается большим количеством скирд хлеба, лучшими лошадьми, хорошей сбруей и чистой одеждой. Можно предположить, что это венец ценностных установок крестьянина.

Второй тип – двор достаточный, таковых в общине самое большое число – 35 (42,2 %). Автор отмечает, что «вообще, достаточный двор мало чем отличается от зажиточного»: разве только, здесь в запасе уже не сотни рублей, а десятки, и скирд не на 500 руб., а на 200.

К третьему типу причисляется двор недостаточный, таких дворов 18 (21,7 %). Им свойственны следующие черты: имеется скот, уплата податей затягивается, наличные деньги в запасе имеются редко, иногда домоладцы прибегают к займам, но тем не менее, в подобном дворе крестьянин свободен, «не закабален богачом».

Четвертый тип – бедный двор, таковых 12 (14,4 %). Его признаки: подати затягиваются, нередко уплачиваются с помощью других членов общины; лошадь, как правило, одна, хлеба не хватает и на обсеменение полей, сеют «исполу». Отличительный признак – плохие кони, часто неимение телег.

Пятый тип – двор неимущий – 5 (6,0 %). Однако Г. Е. Верещагин тут же оговаривается, что его, в сущности, нельзя назвать неимущим, ибо семьи «живут в избушках» и имеют свой надел. Однако другие показатели носят менее оптимистичный характер: лошадей хозяйства не имеют, в хлебе вечный недостаток; пробиваются изо дня в день либо попрошайничеством, либо работой на зажиточных, а в неурожайные годы собирают милостыню; хлеба сеют мало. Подчеркивается, что крестьянин вынужден один свой надел отдавать члену другой общины с обязательством уплаты податей.

По наблюдениям исследователя, границы имущественной дифференциации были довольно хрупкими, зажиточный крестьянин в одночасье мог стать бедняком. Он выявляет три причины, когда «в бедность и нищету впадает нередко и состоятельный член общины»

[4, с. 85]. Во-первых, самым страшным бедствием было пьянство: хозяйство разорялось «вследствие привязанности к кабаку главы семьи, когда сыновья еще малы и хозяйствует (в смысле хранения денег) сам он». Второй причиной обеднения крестьянских хозяйств являлись семейные разделы, «когда в семье между женщинами не бывает мира». Чаше «в раздел» уходили братья с малолетними детьми, и если на долю получали одну лошадь, то, как правило, не могли вовремя и посеять, и убрать урожай, и приобрести замену «во время отправления натуральных повинностей». Экономическое состояние такого хозяйства приходило в упадок быстро, «тогда как в многорабочей семье... отсутствие одного и незаметно, и дело идет обычным порядком». Отмечается, что в Шарканской волости в течение 10 лет было 485 разделов, связанных с семейными неурядицами [3, с. 85]. Третьей причиной являлись несчастные случаи, чаще всего кража лошадей. «Такие случаи бывают нередко, – отмечает Верещагин, – и результатом лишения лошадей является то, что член общины приходит в бедность» [4, с. 86]. Для поддержания крестьянского хозяйства на уровне «достаточности», для оказания помощи при несчастных случаях была выдвинута идея о том, что «...весьма бы было полезно открыть при волостных правлениях банки для мелкого кредита» [4, с. 86].

Итак, полярные группы – это зажиточные и бедные. Первые составляли подавляющую часть деревни – 48 дворов, что равняется 58,0 %, тогда как по Европейской России зажиточных дворов насчитывалось 22 %. В Ляльшуре беднота охватывала 17 дворов, что составляет 20,3 %, тогда как по Европейской России – в среднем около 50,0 %. Средняки в Ляльшуре занимали 18 дворов (21,7 %). Таким образом, в удмуртской деревне, как и в русской, происходил процесс социального расслоения крестьянства, но был выражен значительно слабее, чем в среднем по Европейской России.

Работы Г. Е. Верещагина позволяют рассмотреть крестьянское хозяйство в его многоотраслевом комплексном развитии,

выявить основные приоритеты, реальные возможности безбедного существования крестьянской семьи и потенциальные условия для встраивания в общий поток модернизационных процессов. В качестве комментария отметим, что крестьянствование было всепоглощающим образом жизни удмуртов. «С глубокой старины они впитали в свою кровь любовь к земледелию, и на этом занятии они растут и умирают; любят его, как нужно любить труд всякому, нуждающемуся в пропитании, и, благодаря этому труду они всегда обеспечены», – пишет Г. Е. Верещагин [3, с. 63]. Отмечая «средняцкий уровень» жизни крестьян деревни Ляльшур, ученый находит, что удмурты Сосновского края также были состоятельны, о чем свидетельствует «исправный платеж податей, и скирды хлеба на полях, оставшиеся не тронутыми на местах двадцать и более лет и наконец денежные вклады, находящиеся в разных банках» [2, с. 18]. Вышесказанное свидетельствует о том, что сельскохозяйственные занятия не только обеспечивали жизнедеятельность крестьянской семьи, но и являлись ресурсом получения сверхдохода. Автор замечает, что за последние 15 лет (это 90-е гг. XIX в.) в жизни удмуртской деревни произошли значительные изменения, «сейчас на базар хлебную продукцию везут все двory, особенно овес и ячмень» [4, с. 92]. На конкретных примерах Верещагиным показывается процесс втягивания в товарно-денежные отношения каждого крестьянского хозяйства. Так, из числа 83 домохозяев деревни Ляльшур было продано овса 79 хозяйствами, ячменя – 78, ржи – 2, муки ржаной – 25, муки пшеничной – 13, толокна – 6, гречи – 28, крупы ячневой – 13, конопли – 2, льняного семени – 20, кожи, сала – 2, щетины – 14, пуху – 9 [4, с. 93]. Он обозначает порядок выделения из общей среды крестьян-богачей, которые сумели хорошо адаптироваться к новым рыночным условиям, активно занялись хлебной торговлей, закупая у крестьян главным образом рожь, овес, ячмень. Ученый подробно рассматривает географию формирования и реализации оптовой сельскохозяйственной

продукции. Так, на базарах по четвергам с открытием санного пути до прекращения такового закупами хлеб восемь человек из местных крестьян: починка Балтачей – Николай Назаров, Шубин и Иван Козьмин Гуштин; починка Порозова – Захар Герасимов и Евдоким Никитин; деревни Кыквы – Фрол Васильев Корепанов; с. Шаркан – Иван Васильев Бехтерев и Василий Прокопьев Бехтерев, починка Шляпина – Николай Васильев Вахрушев. Хлеба торговцами приобреталось около 110 000 пудов, в том числе: ржи – 20 000, ячменя – 40 000, овса – 50 000; кроме того, льняного семени – около 2 000 пудов, конопляного семени – 1 000 пудов. Закупаемый хлеб крестьяне свозили на складочные пункты Воткинска, Ижевска, с. Дебесы, Шаркан. Например, в Воткинске они сдавали его купцам Коткову, Цыганову, Русанову и другим, которые в свою очередь отправляли свой товар в поволжские губернии. Ячмень крестьяне сдавали в основном купцам Бодалеву и Тюнину на пивоваренные заводы [4, с. 91]. Верещагин поясняет, что семь из восьми вышеуказанных торговцев получали «чистого барыша» ежегодно в среднем 3 000 руб. [для сравнения, корова стоила в среднем 15 руб.], а в иной год выручали в 2–3, иногда и в 5–10 раз больше, торговлю вели за наличные деньги. Однако случалось, что крестьяне-скупщики несли большие убытки [4, с. 92].

Помимо зерновой продукции, скупщики из зажиточных дворов закупами пух, щетину, кожу, сало, тряпье и сдавали их на Воткинском заводе предпринимателям, занимающимся оптовой торговлей. Наиболее преуспевающим среди местных крестьян-скупщиков был Василий Бехтерев, который оптом отправлял хлеб в Санкт-Петербург. «Он имеет сушильню, стоящую 800 руб., строит паровую мельницу для размолы хлеба и шастанья овса. Все машины его стоят – 6 000 руб.». В 1894 г. в деревне была устроена винная лавка, имя хозяина не указывается. За приговор на разрешение открыть лавку община получила доход в 100 руб., на которые были куплены пожарные инструменты [4, с. 73]. Лавки в благополучных деревнях, как правило,

принадлежали зажиточным крестьянам. В данном случае мы наблюдаем процессы соединения торгового капитала с промышленным, пути формирования мелкой сельской буржуазии. Выявляется общая для подобного региона тенденция: промышленники-хозяева относились к очень «исправным» земледельцам, т. е. к представителям крестьянской буржуазии. На одном полюсе деревни зажиточное меньшинство открывало промышленные заведения, улучшало земледелие, выступая в роли скупщиков, активно втягивалось в товарно-денежные отношения, создавало капитал, который мог послужить активному включению в предпринимательскую деятельность.

В деревне наработывался опыт образования товариществ, формирования ассоциированного капитала. На паях появлялись мельницы, зерносушилки, маслобойки. Г. Е. Верещагин пишет, что на речке Шегьянке под названием Вортча-вуко функционировали на паях три мельницы, объединяя жителей починков Шляпино и Ляльшур, имелась третья мельница Ляльшур-вож, используемая на паях ляльшурцами, арлановцами и шляпинцами. Мельница была куплена на паях у Управления государственными имуществами Вятской губернии. Время для работы на мельнице регламентировалось количеством паев, число их определялось суммой вложенных денег, степенью участия в постройке мельницы [4, с. 74]. Богатые крестьяне (человек 10) имели части во всех трех мельницах, некоторые в двух, но были и такие, что ни в одной из них части не имели и, откупая у пайщиков мельницу на сутки, платили им по 2 коп. с пуда. Верещагин подчеркивает: «Кто больше расходовал денег и работал в водворении плотины, тот приобрел и больше частей. А кто не работал и денег не расходовал, не получил ничего» [4, с. 74]. Мы имеем типичный пример товарищества на паях, сформировавшегося на местной почве. Подтверждением чему служит тот факт, что «при переселении в другую деревню всякий вправе продать и продает свою часть другому», покупатель вступает «в полное владе-

ние купленной частью». Нельзя не заметить, что ученый, описывая жизненные ситуации, постоянно проводит связь степени достаточности крестьянской семьи с мерой ее трудолюбия.

Следует отметить, что первоначальный процесс накопления капитала в регионе происходил на базе сельскохозяйственной продукции. С одной стороны, на скупке-продаже зерна с конца XVIII в. сформировались крупные купеческие династии, основатели торговых домов, акционерных обществ в лице Стахеевых, Ушковых, Александровых, Гирбасовых, Бодалевых и т. д. Частным капиталом на базе местной сельскохозяйственной продукции была образована пищевая отрасль промышленности. С другой стороны, в условиях активизации рыночных отношений в конце XIX – начале XX в., как замечает Г. Е. Верещагин, реализация в массовом масштабе сельскохозяйственной продукции способствовала формированию капитала в руках определенной части крестьянства, создавая потенциальные возможности организации рационализированного капиталистического хозяйства. В данном случае развитие сюжета зависело от того, насколько умело крестьянин сможет адаптироваться к новым условиям и успешно распорядиться своим богатством.

Исследователь тонко улавливает тенденцию развития крестьянского хозяйства в рамках модернизирующейся экономики России и находит потенциальные возможности его капитализации. К изменению экономического состояния удмуртов описываемой общины, по мнению Г. Е. Верещагина, привело бы «улучшение скотоводства да некоторые изменения в системе полеводства». Он считает, что на коммерческий путь нужно поставить разведение льна и конопли, поскольку куделя «играет большую роль в торговом отношении в промышленном мире». Местные крестьяне получили бы возможность заняться закупкой и реализацией изгеби (пакля или льняное грубое волокно) и кудели (короткое льняное волокно, используемое для получения толстой, грубой пряжи). Однако, сокращается автор, льна и конопли удмурты разво-

дят мало, главным образом только для себя. Часть таких продуктов все же продают на базарах на Ижевском и Воткинском заводах и селах, а равно и приезжим торговцам у себя же дома... Покупателями волокна, пачеси являются русские торговцы» [4, с. 60]. На вырученные от продажи льна и конопли деньги женщины могут себе позволить купить лишь платки и ситец на свои наряды. В бедной же семье деньги идут обыкновенно на продовольствие и другие более насущные потребности [4, с. 93].

Г. Е. Верещагин предлагает «с промышленной целью» держать уток, гусей, индеек, поскольку «овса вотяками насеваются много». «Не меньше бы улучшили экономическое состояние народа местные промыслы, но их у вотяков мало», – отмечает автор. В деревне лишь один удмурт занимался кузнечным промыслом, один русский – крашением пряжи. В большей степени удмурты были сосредоточены на традиционных добывающих промыслах. Так, 10 дворов содержали пчел, выручая за мед и воск в год всего около 100 руб. [4, с. 90].

Наблюдая новые прогрессивные явления в жизни деревни, Верещагин все же бросает укор удмуртам, обвиняя их в лености, мешающей реализовать богатые возможности своего хозяйства. «Здесьние вотяки всем своим существованием опираются на земледелие, имея земли десятин 12 на душу [десятина – 1,09 га., т. е. 13,08 га на душу], ... кроме хлеба, зарабатывать вотяку денег, впрочем, близко негде, а ходить далеко здешний вотяк не привык как не выдавший еще большой нужды; да зарабатывать он будет пустяки как вялый, нерасторопный», – считает автор. В лености и отсутствии правильного ухода он обвиняет и женщин, которые «ограничиваются содержанием только небольшого числа птиц». Исследователь указывает на скрытые причины, в основном ментального характера, замедленности развития рыночных отношений в среде удмуртского крестьянства, отмечая, что «большая часть зажиточных ведет себя простенько, как обыкновенные достаточные семьи. Иной даже затягивает уплату податей.

И все это делает он по следующей причине. Во-первых, чтобы не слыть богачом, имеющим капитал. Во-вторых, чтобы не осаждали бедняки. В-третьих, чтобы со стороны воров не угрожала опасность». Суммируя вышесказанное, следует отметить: с одной стороны, Верещагин находит, что благодаря трудолюбию удмурты деревни Ляльшур, успешно занимаясь земледелием, жили в целом безбедно, с другой стороны, ученый обвиняет их в нерасторопности, лености, нежелании перестроить свое хозяйство в коммерческом направлении. Данный сюжет можно отнести к довольно типичному явлению для удаленных от центра землеобеспеченных регионов России. Ученые-крестьяноведа пришли к выводу о том, что аграрный вопрос формировался именно в новое время и связан с неспособностью основной массы населения перестроить свое сознание и экономическое поведение в соответствии с быстрым распространением рыночных отношений на сферу сельскохозяйственного производства. По мнению региональных исследователей, данный процесс наиболее ярко проявился в провинциальных районах страны с замедленным уровнем развития капиталистических отношений в деревне, к каким относилась и территория Удмуртии.

Подмечая все тонкости жизни крестьян, Г. Е. Верещагин сам отвечает на волнующий его вопрос. Он находит, что постепенно происходят перемены в сознании деревенского жителя. С образованием в сельской местности ссудно-сберегательных касс богачи почувствовали себя облегченно. «Всякий капитальный удмурт вносит свои деньги уже в кассу, зная, что они тут будут сохранены», и потому он уже не прочь показать себя богачом, «чтобы бедный класс оказывал им уважение» [4, с. 82]. Фактический материал, содержащийся в работах ученого, дает основание предположить, что при развитии товарно-денежных отношений на первый план выходят не этнический, а природно-географический и социальный факторы. Так, сравнивая образ жизни ляльшурцев с глазовчанами, Верещагин отмечает, что совсем по-

другому живут удмурты Глазовского уезда, они «ходят на заработки даже в Сибирь на золотые прииски, а занимающихся извозничеством, распиловкою леса и другого рода отхожими промыслами между ними немало». Следует подчеркнуть, что в местностях, где природные условия были неблагоприятными, как в Глазовском уезде, земельные участки небольшими, удмуртские крестьяне шли в отход либо на месте занимались промыслами. По нашим наблюдениям, мелкотоварное производство среди удмуртских крестьян активно развивалось в хлебородных волостях Камско-Вятского междуречья, но слабое распространение нашло в удаленных от Чепцы волостях Глазовского уезда, то же самое наблюдалось и среди русского крестьянства – значительное развитие оно получило вокруг торгово-оживленных пунктов, особенно в плодородных прикамских волостях и слабое – в заболоченных районах Глазовского уезда; и те и другие отдавали предпочтение отходничеству.

Развитие рыночных отношений неумолимо вело к усиливающейся поляризации общества. С одной стороны, накопленные индивидуальные капиталы, объединяясь, способствовали модернизации экономики деревни. С другой стороны, росла разоряющаяся прослойка общества, что особенно волновало Г. Е. Верещагина. Как нам представляется, обращаясь к опыту американцев, этот процесс мог бы нормализоваться при вмешательстве государства, способного поддержать нижнюю планку до того уровня, когда нищенство в деревне становилось нормой. Однако правительство не создавало конкретных условий для нормального функционирования крестьянского хозяйства. В статье члена Государственного Совета В. И. Денисова «Современное положение русской торговли (по поводу экономической записки Министерства Финансов)» (1913) приведена позиция правительства США и России в отношении землепашца и заявление Международного конгресса торговцев в Лондоне: «Все что русское требует предварительной обработки, сортировки. В силу

повышенной засоренности хлеб обречен на самую низкую расценку». В то время как за американским хлебом благодаря вмешательству государства, внедрившего свою систему в хлеботорговлю с ее элеваторами, хлебными бумагами-«сертификатами», классификацией зерна и хлебной инспекцией, прочно установилась высокая репутация хорошо очищенного, свободного от фальсификации хлеба, и поэтому американские торговцы диктуют цены европейскому рынку.

В. И. Денисов отмечает, что в Америке сельский фермер собственных амбаров не имел. Собрав хлеб, он вывозил его на железнодорожную станцию в станционный элеватор с конным, ветряным или керосиновым двигателем, где хлеб после обмолота поступал в элеватор, за определенную плату очищался, просушивался, взвешивался, в течение 48 часов отправлялся в узловой или рыночный элеватор, где подвергался классификации хлебным инспектором. Сеятелю вручались два сертификата: один – о количестве принятого хлеба, другой – о качестве зерна. Владелец сертификатов мог взять под них ссуду в банке или же выжидал более выгодные цены для продажи своих сертификатов через банки или комиссионные конторы крупным хлебным коммерсантам. Наличие сертификатов облегчало жизнь крестьянина, упрощало хлебную торговлю. Крестьянин минуя скупщиков, приказчиков, дорогостоящие амбары. Автор добавляет: «Изумительная организованность состоит еще в хорошей осведомленности торговцев, производителей хлеба о состоянии запасов и цен на потребительском рынке, что дает возможность хорошо использовать повышательную волну цен». Относительно внутренней торговли в России В. И. Денисова с горечью восклицает: «...вековое хаотическое состояние ее продолжает оставаться господствующим. До сих пор преобладают сделки втемную, т.е. при полной неосведомленности производителей и покупателей о соотношениях спроса с предложением, ни крупный, ни мелкий производитель ничего не знают о состоянии цен на вырабатываемые ими продукты и продолжают зависеть от скупщиков».

В статье Г. Е. Верещагина, как в зеркале, отражены эти больные для крестьянства процессы. Например, чтобы сельскохозяйственной продукции дойти до рынка, крестьянину нужно было хлеб сжать, собрать, обмолотить, высушить, увезти на базар, выступить в роли продавца. Исследователь показывает механизм превращения бедняка в нищего и приобщения к спиртному. «Иной бедняк, негодую на свою судьбу, – с болью отмечает ученый, – начинает свое горе заливать водкой и, в довершение, им овладевает лень, которая и доводит его окончательно до нищеты» [4, с. 82].

Выясняя причины современного упадка экономического состояния удмуртского крестьянства, Г. Е. Верещагин не навязывает своего мнения, он умело вводит читателя в атмосферу жизни деревни, и выводы напрашиваются сами собой. Община в одном случае играла позитивную роль, не давая крестьянину разориться полностью, помогала ему держать форму, соблюдать накопленные столетиями традиции, играющие на позитив. В то же время она сковывала инициативу и сдерживала творческие возможности крестьянина как личности, в общине главенствовали зажиточные, и справедливость не была ее формой существования. Свидетельством тому служат материалы наблюдений Г. Е. Верещагина, во всем многообразии отражающие тонкости деревенской жизни.

Таким образом, буржуазные реформы 1860–1870-х гг. способствовали проникновению новых явлений в каждую удмуртскую деревню. Реформирование страны во второй половине XIX – начале XX в. в правовом отношении способствовало развитию рынка сельскохозяйственной продукции.

Рассматривая объективные и субъективные факторы становления капиталистических отношений в удмуртской деревне, мы должны констатировать, что здесь происходили все те же процессы адаптации крестьянина к рынку, активизации социального расслоения, что и в русской деревне. Налицо были все потенциальные возможности превращения крестьянского хозяйства

из полунатурального в буржуазное. Однако требовались время, чтобы перестроилось сознание и ценностные установки, и реальная помощь со стороны государства в улучшении земледельческих орудий труда, внедрении нововведений в систему землепользования и выгодной реализации сельскохозяйственной продукции.

Библиографический список

1. Вахрушев А. Н. Удмуртия в период развития промышленного капитализма в России / А. Н. Вахрушев // Записки / Удм. НИИ : сб. ст. – Ижевск, 1955. – Вып. 17. – С. 67–127.
2. Верещагин Г. Е. Вотяки Сосновского края / Г. Е. Верещагин // Верещагин Г. Е. Собрание сочинений : в 6 т. / под ред. В. М. Ванюшева. – Ижевск, 1995. – Т. 1. – 260 с.
3. Верещагин Г. Е. Вотяки Сарапульского уезда Вятской губернии / Г. Е. Верещагин // Верещагин Г. Е. Собрание сочинений : в 6 т. / под ред. В. М. Ванюшева. – Ижевск, 1996. Т. 2. – 204 с.
4. Верещагин Г. Е. Общинное землевладение у вотяков Сарапульского уезда / Г. Е. Верещагин // Верещагин Г. Е. Собрание сочинений : в 6 т. / под ред. В. М. Ванюшева. – Т. 3 : Этнографические очерки, кн. 1. – Ижевск, 1997. – С. 63–122.
5. Верещагин Г. Е. Остатки язычества у вотяков / Г. Е. Верещагин // Верещагин Г. Е. Собрание сочинений : в 6 т. / под ред. В. М. Ванюшева. – Т. 3 : Этнографические очерки, кн. 1. – Ижевск, 1997. – С. 10–62.
6. Лигенко Н. П. Крестьянская промышленность Удмуртии в период капитализма (60–90-е гг. XIX в.) / Н. П. Лигенко. – Ижевск, 1991. – 176 с.
7. Лигенко Н. П. Купечество Удмуртии. Вторая половина XIX – начало XX века / Н. П. Лигенко. – Ижевск : Удм. ин-т истории, яз. и лит. УрО РАН, 2001. – 432 с.
8. Мартынова М. М. Аграрные отношения в Удмуртии во второй половине XIX в. / М. М. Мартынова // Аграрные отношения в Удмуртии во второй половине XIX – начале XX в. – Ижевск, 1981. – С. 3–43.
9. Материалы по статистике Вятской губернии. – Вятка, 1886, 1889, 1892. – Т. 1–4.
10. Майер В. Е. Важный источник по истории соседской общины Удмуртии / В. Е. Майер // Вопросы социально-экономического и культурного развития Удмуртии в XVII – первой половине XX в. : сб. ст. / НИИ при СМ УАССР. – Ижевск, 1981. – С. 39.
11. Никитина Г. А. Сельская община бускуль в пореформенный период (1861–1900) / Г. А. Никитина. – Ижевск : Удмуртия, 1993. – 158 с.
12. Садаков М. А. Аграрные отношения на территории Удмуртии в период империализма (конец XIX в. – до октября 1917 г.) / М. А. Садаков // Вопросы истории Удмуртии. – Ижевск, 1974. – Вып. 2. – С. 91–196.
13. Садаков М. А. Развитие товарно-денежных отношений в удмуртской деревне в период империализма. Торговля, транспорт, банки и кредитные учреждения / М. А. Садаков // Аграрные отношения в Удмуртии во второй половине XIX – начале XX вв. – Ижевск, 1981. – С. 126–158.

Поступила в редакцию 15.04.211.

Сведения об авторе

Лигенко Нэлли Павловна – доктор исторических наук, Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отделения Российской академии наук, социально-экономическая история. Область научных интересов: развитие крестьянской промышленности во второй половине XIX в., истории предпринимательства, в том числе купеческой торговли. Автор более 85 научных работ, в том числе 4 монографий.

Тел.: (3412) 37-60-57

e-mail: ligenko@ni.udm.ru

Правительство Республики Мордовия
Министерство регионального развития РФ
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева
Российский государственный гуманитарный университет
Отделение историко-филологических наук РАН
Институт российской истории РАН
Институт этнологии и антропологии РАН
Институт археологии РАН
Институт мировой литературы РАН

31 мая – 2 июня 2012 г. в г. Саранске в рамках Года истории и подготовки мероприятий, посвященных 1150-летию российской государственности и 1000-летию единения мордовского народа с народами Российского государства, состоится Международная научная конференция «Мордовский народ в истории и культуре многонационального Российского государства».

Основные направления работы конференции:

- историко-этнографические аспекты развития народов России и их вхождения в состав Российского государства.
- мордовский народ, мордовский край, Мордовия в истории России: дорогами тысячелетия.
- становление и развитие государственности финно-угорских народов.
- информационное пространство, культура и искусство финно-угорских народов: взаимосвязи и взаимовлияния в контексте исторического развития.

В рамках конференции состоятся:

- круглый стол «Народы России в этнокультурном диалоге: от прошлого к будущему»;
- заседание бюро историко-филологических наук РАН;
- заседание учебно-методического совета по истории и истории искусств;
- заседание Президиума Всероссийской общественной организации «Ассоциация учителей истории и обществознания».

Рабочие языки – русский, английский.

Участие в конференции возможно в следующих формах: пленарный доклад; доклад на секции; участие в работе круглого стола; заочное участие в форме статьи для сборника.

Публикация статьи бесплатная.

Для публикации статьи и материалов круглого стола просим вас в срок до 15 апреля 2012 г. выслать в адрес оргкомитета лист регистрации и текст статьи.

Требования к оформлению материалов:

1. В верхнем правом углу – фамилия и инициалы автора(ов), ученая степень, звание, название учреждения, город (выравнивание по правому краю, кегль шрифта 14, полужирный, буквы строчные).
2. Название статьи (выравнивание по центру, кегль шрифта 14, буквы заглавные).
3. Аннотация статьи (выравнивание по ширине страницы, кегль шрифта 12, курсив, не более 400 символов с пробелами).
4. Для статей на русском языке – пункты требований 1–3 на английском языке.
5. Для статей на английском языке – пункты требований 1–3 на русском языке.
6. Объем статьи – 7–15 машинописных страниц формата А-4, включая рисунки, таблицы и графики, для участников круглого стола – до 5 страниц. Текст оформляется в редакторе Word для Windows в формате RTF или DOC; шрифт Times New Roman, кегль 14, одинарный интервал. Количество рисунков не более 3. На рисунки должны быть ссылки. Подрисуночные подписи выполняются 12-м кеглем. Отдельно представляются рисунки в формате .jpeg. Таблицы набираются 12-м кеглем. На таблицы должны быть ссылки.

7. Библиографический список пристатейный. Список строится в порядке упоминания источников в тексте статьи. Кегль 12, выравнивание по ширине страницы.

Лист регистрации и текст доклада представляются на бумажном и электронном носителях (диск / электронная почта).

Рукописи не возвращаются и не рецензируются. Оргкомитет оставляет за собой право отбора статей для публикации. Отобранные материалы будут опубликованы в авторской редакции.

Контактная информация:

Адрес: 430005, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Пролетарская, 63, каб. 306.

Тел.: (8342) 29-08-37. **Факс:** (8342) 24-25-90;

e-mail: kistanov-viz@yandex.ru, Kistanov@isi.mrsu.ru, inst-hist@adm.mrsu.ru

Условия и порядок приема рукописей

Уважаемые коллеги!

Редакция научного журнала «Экономическая история» (ISSN 2078-9831) принимает к рассмотрению научные статьи, аналитические и библиографические обзоры, рецензии.

Планируемые рубрики:

1. Методологический выбор в современных историко-экономических исследованиях.
2. Модернизационные парадигмы в экономической истории России.
3. Экономическая политика государства: история, современная практика, перспективы.
4. Индустриальное наследие России.
5. «Жизненная история» провинциального предпринимательства.
6. Аграрная история.

Публикация статьи бесплатная.

Требования к оформлению материалов:

1. Классификационные индексы Универсальной десятичной классификации (УДК), Библиотечно-библиографического классификатора (ББК) (в верхнем левом углу).
2. Инициалы и фамилия автора (выравнивание по центру, кегль шрифта 14).
3. Название статьи (выравнивание по центру, кегль шрифта 14).
4. Ключевые слова (не более 15, выравнивание по ширине страницы, кегль шрифта 12).
5. Аннотация статьи (выравнивание по ширине страницы, кегль шрифта 12).
6. Инициалы и фамилия авторов на английском языке (выравнивание по центру, кегль шрифта 14).
7. Название статьи на английском языке (выравнивание по центру, кегль шрифта 14).
8. Аннотация на английском языке (выравнивание по ширине страницы, кегль шрифта 12).
9. Текст статьи объемом 10–15 машинописных страниц формата А4, включая рисунки, таблицы и графики. Текст оформляется в редакторе Word для Windows в формате RTF или DOC; шрифт Times New Roman, кегль 14, одинарный интервал. Количество рисунков – не более 4. На рисунки должны быть ссылки. Подрисуночные подписи выполняются 12 кеглем. Отдельно представляются рисунки в формате .jpeg. Таблицы набираются 12 кеглем. На таблицы должны быть ссылки.
10. Пристатейный библиографический список (ссылки оформляются в квадратных скобках) (кегль шрифта 12, выравнивание по ширине страницы). Список строится в алфавитном порядке.
11. Сведения об авторах (кегль шрифта 12, курсив): Ф. И. О. полностью, ученая степень, звание, должность, область научных интересов, количество научных публикаций, контактная информация.

Текст статьи представляется на бумажном и электронном носителях.

К статьям, направляемым в редакцию, прилагаются:

1. Заявление автора на имя главного редактора.
2. Две внешние рецензии.
3. Акт экспертизы (для авторов из МГУ им. Н. П. Огарева оформляется в Центре трансфера технологий и утверждается проректором по научной работе).
4. Лицензионный договор.
5. Рекомендация научного руководителя для аспирантов.

Требования к файлам:

1. В качестве имени файла использовать фамилию первого автора на русском языке (например: Иванов.doc).
2. Имена файлов иллюстраций должны совпадать с их номерами в тексте (например: Рис. 1.jpeg).
3. Электронная версия статьи и рисунков может быть на любом носителе.

Возвращение рукописи автору на доработку не означает, что она принята к публикации. После получения доработанного текста рукопись вновь рассматривается редколлегией. Доработанный текст автор возвращает в редакцию вместе с первоначальным экземпляром статьи, а также ответами на все замечания. Датой поступления статьи считается день получения редакцией окончательного варианта статьи.

Правила оформления статей, образцы документов, порядок рецензирования представлены на сайте Историко-социологического института Мордовского государственного университета.

Режим доступа: http://www.isi.mrsu.ru/journals/economic_history/index.html

Редколлегия оставляет за собой право отбора статей для публикации.